Байгушев Александр Иннокентьевич

Партийная разведка

Москва, 2007

ЧАСТЬ I. ЗАПИСКИ ИЗ РУССКОГО ПОДПОЛЬЯ (1964-1985)----------2

1. Ушёл утопический поезд! Еврейский чертополох----------2

2. Двадцатилетний полёт на двух разного цвета крыльях двуглавого имперского орла-----7

3. Русские и еврейские «опорные пункты»----------11

4. «Русские клубы»----------16

5. Теоретическая база «русской партии». «Русофобия» Игоря Шафаревича----------25

6. Хромой бес, он же Бафомет----------30

7. Русские ослушались!----------37

8. Низвержение хромого беса----------43

9. Организационная структура «русских клубов». Мы развиваем успех----------51

10. Бой с Лубянкой----------59

11. Кризис внутри «Русского клуба»----------61

12. Суждены нам благие порывы...----------64

13. Политбюро обсуждает закрытую записку Андропова против «русистов». Дело русского националиста Семанова----------73

14. Андроповская агония брежневского «золотого русско-еврейского полёта»----------81

ЧАСТЬ II. ГОРБАЧЁВСКАЯ КАТАСТРОФА САМОЛЁТА С ДВУМЯ КРЫЛЬЯМИ - РУССКИМ И ЕВРЕЙСКИМ. ОБА КРЫЛА ОТВАЛИВАЮТСЯ ОТ ФЮЗЕЛЯЖА----------88

1. Жуткое переиздание «Оттепели»----------89

2. Мы снова поднимаем чёрно-злато-белые стяги «Союза русского народа»----------108

3. «Всенародноизбранный» в руках иудеев-«дерьмократов»----------121

4. «Фронт национального спасения» и двурушничество Зюганова----------123

5. Расстрелянный и сожжённый Верховный Совет----------128

Автор книги, в брежневские времена входивший в партийную номенклатуру, рассказывает о деятельности внутри КПСС группы русских патриотов, которые боролись с антигосударственными элементами в

партийном аппарате. Последние уже тогда готовили ползучий переворот, позже получивший название «перестройки».

Не вина, а беда русской «партийной разведки» в том, что у неё не хватило сил для борьбы с внутренними врагами СССР, облечёнными высокими полномочиями.

Часть I. Записки из русского подполья (1964-1985)

1. Ушёл утопический поезд! Еврейский чертополох

При Втором Ильиче я служил «в контрпропагандистах» (Брежнев выговаривал не без покровительственной издёвки: «в контрабандистах»! «ах, вы моя дорогая банда»!). Политическую кухню Второго Ильича знаю хорошо. И не только профессионально-формально, но и немного изнутри. Из «семьи», как у нас принято теперь красиво говорить. Я в то время дружил с его дочерью Галей Милаевой-Брежневой, с которой мы рядышком работали в АПН. Я до сих пор помню, какой она мне устроила тогда сказочный день рождения. Он пришёлся на выходной день в Центральном Доме журналиста, но Галя договорилась, и для меня одного его специально открыли. Я тогда очень много писал на заграницу, в самые престижные западные журналы, и хорошо зарабатывал, и я пригласил на банкет массу друзей. Весь ЦЦЖ был заполнен моими друзьями. А ночью мы взяли такси и все поехали на Ленинские горы - смотреть на Москву с высоты Воробьёвых гор, как Герцен и Огарёв, которые дали клятву вечной дружбы в виду Москвы. Мы тогда действительно все чувствовали себя герценными и огаревыми. Брежнев собирался провозгласить совершенно новый «не репрессивный» курс, а мы искренне хотели ему в этом помочь.

Брежневскую Галю сейчас изображают опустившейся выпивохой, она действительно плохо кончила. Но в молодости была очень шустра и приметлива. Отменно работала на папу. Помню, в 1964-м, незадолго до устранения Хрущёва, пьём мы вчетвером вместе с близкой подругой Гали «гречанкой» Иечкой (у неё было греческое имя Йя, по маме гречанке. Галя звала её Читой) и ухажёром Иечки дома у «гречанки» в высотке на Красных воротах. Те уже уединились. А Галочка про Фурцеву пытает, насколько «Катя» будет опасна? С «Катей» мне до АПН довелось поработать - «журналистом-переводчиком» от «Советской культуры» на приёмах иностранных делегаций, чтобы перед какой-нибудь Софи Лорен министру дурой не выглядеть - я не столько переводил, сколько за Катерину Алексеевну демонстрировал свою кинематографическую эрудицию; Софи охала - какая советский министр культуры начитанная! как всех знает! все наши фильмы смотрела! А «Катя» лишь ревниво шипела: «Не трись об её груди! я всё вижу!». Про «Катю» я многое знал и был к ней вхож. «Катя» была у Хрущёва наиболее реальной опорой. Вот Галя и пытала, как «Катю» поумнее вывести бы из игры. Галя, повторюсь,

была очень непроста. Ушки у неё всегда были на макушке. И теневой организатор она была не «тюха». У неё всегда было много кавалеров. Даже знойный «цыганский барон» Бурятце. Но её голубой мечтой был белокурый, как ангел, танцор Марис Лиепа. Однако папа настоял, чтобы в мужья себе она подобрала русского - с прицелом. Папе нужен был зять, если не сразу на КГБ, то уж, по крайней мере, на Министерство внутренних дел, получившее при Брежневе необъятные полномочия и почти уже свысока поглядывавшее на хиреющий, но всего лишь «комитет». Мужем Галочки стал милицейский офицер Чурбанов, который вскоре стал первым заместителем в Министерстве внутренних дел. И он, увы, по наивности своей стал одной из косвенных причин возвышения «перевёртыша» Горбачёва. О том, как это было, я расскажу, когда до него дойдём.

А пока только прошу поверить мне в том, что я вполне осведомленно объясняю: уже при Брежневе «наверху» горько осознали, что политического единства в КПСС нет, и его уже никакой даже самой лучшей «контрпропагандой» не добиться.

Аналитики-конспирологи докладывали новому генсеку Брежневу нерадостную общую картину. Практически после Хрущёва в нелёгкое наследство нам досталось из-за хрущёвской вульгарно антиизраильской политики весьма сплочённое в ненависти к русским еврейское недовольство. Сознание масс после Хрущёва и так раскололось, стало «амбивалентным», духовно двойственным. А тут ещё ненависть к русским. «Оттепельная» интеллигенция как взбесилась. Ах, нельзя? Запрещено? Так мы в пику хотим все в Израиль! Все, и русские, и Русская партия внутри КПСС тоже, - в Израиль, сделаем себе из солидарности еврейских предков. В Израиль, в Израиль, только не оставаться в Отечестве! По рукам пошёл теперь ставший обильным - подводные ручейки сползлись в катакомбную реку - самый крамольный «самиздат». В пишущую машинку загоняется до десяти экземпляров папиросной бумаги и - «долой эту власть! эту страну!».

Расплодились, как мухи, диссиденты - преимущественно из евреев. Сталинский 1937-й год почистил партийную верхушку, верхи власти и армии. Но кругов-то интеллигенции ведь практически не коснулся. Сняли под горячую руку тогда только уж самую-самую пену. Да и то нередко под эту горячую руку убирали вовсе не тех. Конечно, ужасно, что случилось с Исааком Бабелем, но тот хоть был последовательным троцкистом. А православный Осип Мандельштам? Его-то за что? За стихи против «усатого осетина»? Так пожурить было достаточно, никакой же он не идейный оппозиционер. Хотя таких вопиющих случаев, как с несчастным Мандельштамом, были на практике единицы. Но в «оттепель»-то за них-то уж постарались «они» уцепиться и раскрутить как «сталинские массовые зверства против еврейской интеллигенции» на полную катушку. Мы докладывали Брежневу:

- Если глядеть в корень, то еврейская интеллигенция таки без особых потерь пережила и 1937-й, и борьбу с космополитизмом 1948-го.

Пообрубили листья, но чертополох устоял и размножился. И к середине 60-х годов за редкими «выставочными» русскими фигурами (на них-то пальцем в смердящей «жидовствующей», заполненной «ими» прессе и указывают! на них-то грязь намеренно и льют, себе, любимым, места выгораживая!), основную часть творческих союзов, аппарата СМИ - газет и журналов, телевидения по-прежнему составляют именно динамичные евреи.

Увы, при советской власти они почти полностью вытеснили русских из интеллигенции и держат у себя контрольный пакет по её кадровому составу. Например, Союз писателей и сообщество кинематографистов - от 86 до 83%! Полностью господствует еврейство на телевидении. Вот они-то и подогревают принявшее колоссальный размах диссидентство, то есть инакомыслие, распространение «самиздата». Вся «прогрессивная пропаганда» целиком в руках еврейства. А в чём этот прогресс? В том, чтобы шею власти свернуть, а дальше им всё по фене - будь, что будет? Дешёвое «кухонное» свободомыслие, превратившее хрущёвскую «оттепель» в совершенно безответственную вседозволенность и подрыв государственных устоев, - опять же всецело стало именно еврейским «прогрессивным» хобби.

У Брежнева была небольшая дача совсем рядом с кольцевой дорогой в Заречье, предоставленная ему как члену Политбюро. Самая скромная дача из всех госдач, низенькая, в два этажа, внешне совершенно неказистая. Брежнев по характеру не был барином. Подарки охотно принимал, но и сам любил делать ответные подарки - поедет в командировку, так ни одного скромного замзава отделом, ни одну секретаршу без сувенира от себя на память не оставит. И всех выслушает. Очень умел слушать! Всем слова ласковые скажет. Любил выпить в компании, но никогда не напивался до невменяемости, как Ельцин - а так, пил по-русски, «для разогрева души». Острил, сыпал прибаутками. Читал наизусть стихи. А дома сидит - начинал обзванивать друзей и знакомых. Всю страну обзвонит, всех первых и вторых секретарей обкомов, и видных людей - каждому поддержка. Искал популярности? Да. Но и просто таков был его широкий русский, общительный характер. По духу он был «собирателем», из тех, вокруг которого всегда куча людей. «Своих» он берёг, и недостатком его было, пожалуй, даже то, что он уж слишком опекал «своих». Никак не мог разочароваться в каком-то потерявшем себя человеке - всё на что-то надеялся, всё хотел дать шанс выправиться.

А свою самую скромную дачу он сохранил за собой и став генсеком, - пусть, мол, маленькая, но зато удобная, от Москвы в пяти минутах, людям сюда легко добраться. На ней Брежнев очень любил принимать людей - не на показуху, не на разгул, а потолковать - разных, как можно более широкий круг, чтобы держать руку «на пульсе». На ней Брежнев и советовался в узком кругу своих особо приближённых «тайных советников» - что делать?

Что же - назад к Сталину? Репрессии направо и налево? Устраивать новый 1937-й год, чтобы сохранить партию и государство? Да и с кем его

устраивать, на кого опереться? На молодых «шестидесятников» - так они сами все поражены диссидентской чумкой, всё не знают сами, чего хотят. Среди молодых «шестидесятников» к тому же ещё большинство и «аджубеевцы», «младотурки». Но кем их заменить?

Брежнев - недавний удачливый Первый секретарь Молдавии, а затем Казахстана, поднявший целину (по крайней мере, для своей собственной громкой организаторской славы!). Потом «рабочая лошадка» - секретарь ЦК, сидевший «на хозяйстве». Потом какое-то время декоративная фигура при советской власти Президент - Председатель Президиума Верховного Совета СССР. И - снова секретарь ЦК, «рабочая лошадка», Второй при только болтавшем, разъезжавшем с помпой и даже переставшем ходить на Политбюро Никитке Кукурузнике. Второй - он и не рвался в Первые. Так уж получилось, что окружение его практически заставило «короноваться» - он среди заговорщиков всех устраивал. Не молодому же «Железному Шурику» - Александру Николаевичу Шелепину сразу власть отдавать? Тот уж очень властолюбив и крут. А Брежнев прекрасно отдавал себе отчёт, что он по масштабу не Сталин. Прихода нового Сталина боялись. Да и сталинские «кавказские снимания скальпов» то с евреев, то с русских были всем совершенно не по нутру, да Брежнев не скрывал, что был православным. Мать его была глубоко верующей и внучку Галочку крестила. Всем рассказывала, как в Днепропетровске юродивый предсказал её Ленечке долгое правление, если не будет трогать церковь. «Ленечка» её рассказы «терпел». Он лишь неизменно сглаживал (сглаживать было у него в крови!): добавлял, что никогда сам в церковь, как мама и Галя, всё-таки в открытую не пойдёт: партийное положение обязывает! В уставе у нас пункт об обязательном атеизме. Конечно, он устарел. Но сразу его как отменить? Приучаться к Богу снова нам постепенно надо! А пока - в душе надо Бога держать. Я за Бога в душе! Как же русскому в душе без еврейского Бога?!

Жена Виктория Петровна тоже у Брежнева была православная. Болтали, что из выкрестов. Но Галя мне говорила, что это брехня, и байку эту они сами распустили, чтобы завоевать симпатии иудейской элиты. Так, кстати, не один Брежнев тогда делал. С иудейской элитой наверху очень считались. Жена еврейка - вроде как для «отмазки», чтобы «они» прощали и не слишком агрессивно спихивали с поста. Брежнев даже и Кобзона демонстративно полюбил - заводил же «помлеть», послушать для души Зыкину.

Но что Кобзон? Андропова-Файнштейна Брежнев поставил на КГБ именно под этим лозунгом: КГБ у нас теперь пост не популярный. Любые его действия будут визгом встречать. И у нас, и особенно из-за кордона. А своему Файнштейну, глядишь, что и простят. Не так вопить будут!

Брежневу, подчеркну ещё раз, уже даже в силу его мягкого характера было не по душе задействовать репрессивный аппарат. Но, если не по-сталински, не поочерёдными репрессиями то евреев, то русских, как держать государственный корабль, чтобы с борта на борт не кидало, не раскачивало?

Сталин пытался сделать из партии Меченосный Орден Революции. И Сталину это ценой постоянных репрессий, чисток, - но удавалось. Многие нынешние «патриотические» мечты о новом Сталине связаны как раз с его умением наводить порядок железной метлой. Неосталинисты согласны на железную метлу - лишь бы не нынешний хаос и разгул терроризма. Но неосталинисты не понимают - для нового Сталина нужен и новый Меченосный Орден. А такового уже нет и никогда не будет. Одного оголтелого с железной метлой ещё можно найти. Но создать Партию Железной Метлы? Где такую взять? Александр Петрович Баркашов с его «Русским национальным единством»? Он бы справился. Он бы навёл порядок. На местах он кое-где уже и наглядно доказывал, как надо наводить порядок. Мгновенно весь бандитизм прекращался, едва чернорубашечники Баркашова начинали прохаживаться по улицам. Но при всех моих личных симпатиях к Баркашову - «РНЕ» входило как головная организация в «Славянский Собор», в котором я был сопредседателем, - я не уверен, что это необходимое решение. Он бы, не дрогнув, отправил за «черту оседлости» и евреев, и кавказцев, попробуй только они при нём «бузить». Но готовы ли мы все морально при нашей «всемирной отзывчивости» к такому решению?! Боюсь, что, только когда окончательно начнём вымирать как народ, спохватимся по Баркашову.

Вернусь, однако, в брежневские времена. Меченосного Ордена Революции у Брежнева в руках, увы, уже не было. От Железной Метлы Сталина после Хрущёва остались одни ошмётки. Хрущёв трагически расколол монолит партии. Сколь ни тяжко нам было это видеть, но мы в аппарате контрпропаганды тогда, в 60-х годах, вынуждены были смотреть в лицо трезвой реальности. Коммунистическую интернациональную идею разорвали на кусочки неистребимые, как само человечество, «национальные особенности». Сейчас нам пытаются взамен «интернационализму» навязать мировой «глобализм». Но и его, я уверен, разъедят эти упрямые «национальные особенности».

А тогда мы жаловались: сталинский идеологический гранит, отсекавший «оппозиционеров», из-за непродуманности политики Хрущёва бесповоротно раскололся пополам. И мы беспомощно разводили руками:

- Гранит не склеивается никаким «контрпропагандистским» клеем. После оглушительного XX съезда с его хрущёвскими, крайне субъективными разоблачениями, внешне до жути откровенными, хотя Хрущёв сознательно сгустил краски, многое и приврал, цинично приписав Сталину мало что убийство Кирова, но даже свои собственные, именно свои собственные репрессивные зверства в Москве и на Украине!..

Но дело сделано - после этих неумелых разоблачений - иезуитски красивых, ультра «прогрессивных», самых «демократических», но во многом опрометчивых, безжалостно разбивших великие иллюзии народа, - к товарищу Сталину возврата нет, потому что, увы, духовно уже почти не стало искренних марксистов.

Мы докладывали Брежневу, что, хотим мы этого или не хотим, но придётся за кулисой конспирологам, прорабатывающим партийную

политику в тайне, - только меж самыми высокими партчинами и их «конспирологической» обслугой, - горько, но прямо признать: утопических иллюзий про грядущий коммунистический рай после Хрущёва в народ уже не вернёшь.

Бога, как делали из товарища Сталина, нам из товарища Брежнева никак не сделать! Невозможно. Крах иллюзий полный. Хрущёв практически подрубил под корень весь авторитет и бурный рост коммунистических партий на Западе. А у себя в стране превратил весь народ в лицемеров. Во что верят теперь? А только в то, что Бога нету. Хрущёв со своими аджубеевскими «младотурками», мало что Сталина с пьедестала свалил, ещё к тому же и сам сатанински рехнулся - крайне не к месту и не ко времени начал второй глобальный поход против Православной Церкви. Сталин в Отечественную войну понял, что народ без Бога нельзя оставлять, что он сам всё-таки не может до конца заменить Бога и перед лицом кровавого нашествия Гитлера мудро вернул Православной Церкви её тысячелетнее прочное место в русской духовной жизни. А вот Хрущёв своим тотальным разрушением храмов (при нём больше было разграблено, закрыто и снесено, чем при Ленине и Сталине, вместе взятых!) и бесовскими воплями по телевидению, что через пару лет он покажет народу последнего попа, даже и это последнее духовное прибежище - Церковь - у народа окончательно отнял.

Таково было брежневское, после хмельной оттепели, тяжёлое протрезвление с больной головой. Брежнев был растерян, подавлен. Но признал, что духовную сумятицу в народе и партии, «Перельмутером-Хрущёвым» в злое наследство ему, Брежневу, оставленную, уже не преодолеть, что духовный раскол общества состоялся. Но жить-то надо. Партию сохранять как-то надо. Нужно было искать какую-то хотя бы полу-иезуитскую, но на какое-то время эффективную, пусть временно, но жизнеспособную модель политического управления огромной страной. И что делать с совсем вышедшими изпод государственного контроля «шестидесятниками»? Что делать с динамичными бунтующими евреями? Ленин был за ассимиляцию евреев. Ничего из этого не вышло. Всегда в них бунт. Всегда у них, как политические карты ни тасуй, выбрасывается при игре в очко не 21, а 22 - «нерастворимый бунтующий еврейский осадок остаётся на дне в душе каждого, даже вполне ассимилированного» (О. Рапопорт. «22», 1978, № 1).

Да, тут ничего не попишешь. Выживаемость потрясающая, как у чертополоха. Но что же делать? Что делать? Как раз случился частный опыт, который я поставил на самом себе, но который произошёл не без предварительного одобрения Самого, мне пообещавшего: «Коли сорвёшься и затопчут, я тебя потом вытащу, а мы хоть увидим наглядно, как "они" себя поведут - эта наша отборная интеллигенция, которую Хрущёв с Аджубеем в АПН нагнали. Тут они уж все, как на подбор. Вот и посмотрим, как они себя поведут». Для чистоты эксперимента он должен был контролироваться шаг за шагом наблюдательной дочкой Самого Галей Брежневой-Милаевой - под её всевидящим зорким оком. Я знаю политиков и, честно говоря, не был уверен, что Сам просто не позабудет

обо мне, если дело сильно пойдёт в разнос. Как бойкая Галя, а она любила авантюры, меня ни подбадривала, я вполне трезво оценивал и такой вариант. Но я был молод и тоже авантюрен.

Итак, к опыту, который я поставил на самом себе. Мне поручили сделать доклад на закрытом партсобрании на скользкую тему - об умонастроениях в кругах зарубежной интеллигенции по отношению к Советскому Союзу и методах нашей контрпропаганды, способных положительно воздействовать на такие умонастроения. Я перед этим как раз сопровождал нашу гостью - дочку видного чехословацкого деятеля Гоффмейстера (он станет одним из лидеров «Пражской весны»). Мы дочку так ублажали, что даже открыли для неё одной в выходной день Третьяковскую галерею, мы вдвоём с ней бродили по залам и больше всего по «запасникам», а она, не стесняясь, поносила, как могла, русскую тупость и отсталость от Запада. Она была активной сионисткой, как и её папа, и совершенно не скрывала, что в самое ближайшее время «они дадут бой».

Я пересказал весь наш разговор Гале и ещё раз вместе с ней уже её папе. Вот тогда он и предложил: «Вот, раз тебе делать спецдоклад на закрытом партсобрании, лучшего случая не будет. Пощупаем наших интеллигентов на вшивость». Я вылез на трибуну закрытого партсобрания и понахалке, нарочно вызывая огонь на себя, осудил линию АПН: «Вот мы тут провозгласили "розовую" компромиссную контрпропаганду вместо наступательной и державно национальной "красной". А даже в облагодетельствованной нами Восточной Европе у наших друзей закадычных антирусские настроения, и кто закопёрщики таких настроений? Поднявший, как кобра, голову сионизм! На кого, выходит, работаем?»

Я назвал несколько характерных материалов и их авторов. Естественно, иудейское лобби бросилось меня исключать из партии. А мы уже только смотрели, кто за кем стоит, кто как себя поведёт, кто чего стоит. Меня «они» на парткоме АПН исключили из партии «за политическую безответственность» (!). И тут же уволили по статье с работы. Не слабо! МГК меня восстановил в партии и на работе. Но не без выговора. Я, наверное, действительно перестарался, так что партвыговор на МГК мне дали с милой формулировкой, придуманной лично членом Политбюро незабвенным Виктором Васильевичем Гришиным: «За нетоварищеское отношение к товарищам по работе». А в КПК член Политбюро Арвид Янович Пельше мне так же мило, как Гришин, сказал: «Выговор КПК, пожалуй, отменять не будем. Не стоит тебе настаивать. Пусть чуть поутихнет, а то "они" тебя сожрут. Перегнул, не надо было еврейские фамилии мусолить - "душок" появился. На Политбюро мы обменивались насчёт ЧП в АПН. Все "они" проявились, как на ладони. Готовим реорганизацию АПН и самую серьёзную кадровую зачистку. Ни одного, кто на тебе высветился, не оставим на идеологии. Всю верхушку АПН поменяем. А тебя Гришин уже рекомендовал поставить на самый опасный идеологический участок в АПН. Чего тебе ещё надо?! В главную редакцию издательства АПН по заказам зарубежных капиталистических

фирм, призванную взять под контроль "самиздат» и утечку рукописей за рубеж. Будешь впрямую встречаться с приезжающими в СССР самыми закоренелыми антисоветчиками, официально принимать и сопровождать их, куда захотят пойти, с кем встретиться. Пока выговор будем снимать, посмотришь на "идеологического противника" в прямом контакте, непосредственно в лицо. Мы верим, что уж тебя-то идеологический противник не завербует в "двойные агенты". Но смотри в оба, чтобы "друзья" не подставили».

2. Двадцатилетний полёт на двух разного цвета крыльях двуглавого имперского орла

Смею думать, что мой опыт на себе как-то повлиял на неожиданное брежневское решение, которое мы же ему сами и подсказали: одним хрущёвским «антисионизмом» теперь уже процесс не остановить. «Они» быстро блокируются и обороняются скопом, а всю интеллигенцию не пересажаешь и даже не уволишь. А что, если не давить «еврейское диссидентство», а просто попытаться его на государственных весах как-то уравновесить? Уравновесить хоть даже «черносотенством» - верным идее Великой Державы, «имперским» русским патриотическим крылом в партии - из последовательных, но сдержанных и подконтрольных «великодержавников». Немного не по Ленину, но гибко, вполне соответствующе историческому моменту. Идею эту образно сформулировали так: а что если полететь на двух крыльях и с двумя головами, как самодержавный орёл на старом российском гербе?

Свою модель правления тайно, только среди самых-самых своих, Второй Ильич так и назвал «политикой двуглавого орла». Немного самодержавно, намекая на русские имперские традиции, но достаточно образно. Аскет-идеалист, сухой догматик-марксист Суслов у Брежнева остался красиво сидеть на пропаганде, остался её образцовым талмудистом и марксистской декорацией. Но Брежнев сам стал последовательно «амбивалентен». В речах он по-сталински (стараясь не упоминать имени Сталина - зачем дразнить иудейских гусей?) громко барабанно вещал о единстве в партии, а тихо сокровенно сидел на двух стульях. Практически за кулисой с брежневских времён мы уже вычисляли-строили всю глобальную конспирологическую линию КПСС на балансе двух голов российского державного орла и двух его могучих крыльев. На соперничестве-противостоянии двух теневых партий внутри Большого Дома и по всей стране. Влиятельной, якобы «прогрессивной», «демократической», а на деле просто прозападной, интеллигентской, условно говоря, «Иудейской партии внутри КПСС». И противостоящей ей - сдерживающей её, быстро усиливавшейся, яко «консервативной», «имперской», а на деле чисто «туземной», равнодушной к «интернационализму», державопочвенной, имперско-государственной, «черносотенной», условно говоря, «Русской партии внутри КПСС».

Подчеркну, что понятия эти весьма и весьма конспирологические, то есть сугубо закулисные и кадрово размытые. Без чётких кадровых границ.

Случалось, и нередко, что люди перебегали из одной теневой партии в другую, что «протрезвлялись» и опять же меняли кулису. Состояли - и не были постами обижены! - внутри каждой из группировок и свои непременные прозелиты. Обрусевшие твёрдые государственники-иудеи, вроде блистательного публициста Анатолия Салуцкого, - иногда даже тайно крестившиеся, были среди нас и напротив: свои активно, как «хромой бес» Александр Николаевич Яковлев, «жидовствующие», - извините ещё раз за вульгаризм, но именно так не только в грубом быту, но и на величавом церковном богословском языке говорят, - «гнилые западники» из русских были активны в кругах евреев. Не обошлось и без многочисленных, как мухи, севших на сладкие пироги примазавшихся. Эти паршивцы делали себе карьеру на русско-иудейском противостоянии. А в душе им было до лампочки, к какой теневой партии приткнуться - лишь бы с её помощью на сладкий пирог сесть.

Но этих прихлебателей-приспособленцев хоть не сразу, но всё-таки можно было проверить на вшивость - доходило дело до борьбы, и они с поля боя тут же разлетались, как вспугнутые с зерна воробьи. А ещё хуже: были среди нас и высокопоставленные русские «тюфяки» - свои неваши-ненашевы, неповоротливые воротниковы, шкуры-шауры, лапотники-лапины, которые вроде бы по виду представляли «русских», занимали наши русские законные места в балансном руководстве, а были, по сути, лишь ужасным балластом. И людьми они вроде бы были не плохими, и по тайным взглядам вполне «своими». И подлостей явных не делали. Но уж лучше бы на их месте были «оппоненты». Идейного оппонента «высветить» можно - «просчитать» и блокировать. С оппонентами во всяком случае всё всем всегда понятно. А от какого-нибудь русского неповоротливого медведя Михаила Фёдоровича - я о нём ещё расскажу поподробнее - ждут действий, подсаживают его в самое солидное кресло для русских действий, а он ни рыба, ни мясо, не мычит, не телится, всё только мечтает, что само за него русское дело сделается. И всё в кулуарах на судьбу жалуется: «Ох, как трудно с "иудеями", какие они пронырливые, какие несговорчивые. Чуть их прижмёшь, сразу к своим побежали, сразу телеги на самый верх пишут. Уже не работаешь, а только отбиваешься!»

Таким хотелось ответить: «Так и не работай! Ты занимаешь место, предназначенное по теневому балансу для русского человека. Освободи! А то сейчас "они" тобой только в нос "нам" тыкают».

Было распространено мнение: «Ваш, мол, «антисемит» Лапин контролирует всё телевидение». Такое мнение, кстати, пересказывает сейчас Митрохин в книге «Русская партия. Движение русских националистов в СССР. 1953-1985 годы». Но тогда этому «антисемиту» сколько раз хотелось сказать: «А ты разве "их" контролируешь? Ты только вид "антисемита" показываешь. Ну, максимум, какого-нибудь уж слишком охамевшего местечкового иудея иногда публично одёрнешь. К насквозь еврейскому "КВН" придерёшься чуть-чуть. А вожжи давно своему первому заму кавказцу Мамедову всецело передал. Тот же свою особую политику проводит. Его нападки исподтишка на русских тебя вполне устраивают.

Но делает он на этих нападках вовсе не "союзную политику", а свою, обособленчески "кавказскую". Да и болтают про азербайджанца Мамедова, что колется он, что деньги ему на укол всегда нужны. Бред? А посмотри, какой он, нередко совсем смурной, инструктивные летучки для руководящего состава Гостелерадио ведёт. До идеологии ли ему? Ты же держишься только тем, что у вас дачи с Черненко рядом!»

И таких русских, как Лапин, передоверявших вожжи, было, увы, немало. Вот они и всё жаловались, как Воротников, как Зимянин, как Ненашев, как Шауро: «Мы везём воз!». А везли не туда; под откос везли. Конечно, хотелось это всё в лицо сказать, но поди скажи, если у него дача с Черненко рядом. В итоге «русские тюфяки» под откос советскую власть таки отвезли, а такие, как Мамедов, посмеивались. При Брежневе немного поутихли с международным интернационализмом. Но свой-то внутри Советского Союза сколоченный «интернационал» куда было девать? Приходилось ублажать «националов» всякими привилегиями перед коренным русским населением, нёсшим на себе тяжкую государственную ношу. А те и рады нажить капитал. И не только духовный, а прямой материальный. На «национальных окраинах» прямо-таки феодальные царьки сели и гребли-гребли под себя. С коренной России последнюю копейку дерут, а им дотации. Предприятия самой передовой технологии почему-то строились именно в Прибалтике. Именно там, единственно где, была отстроена самая дорогостоящая дорожная инфраструктура. В России бездорожье - в Прибалтике всюду, даже к маленькому хутору, гладкий асфальт. В лучших вузах «националам», всюду отдельные льготные квоты, в центральных аппаратах опять же льготные квоты. На всех культурных направлениях - националам первые места и на сцене и в партере. Русских стихов и прозы столько в советское время не выходило, сколько переводов с национальных языков. Ну, а главные переводчики - иудеи. «Русские» с «иудеями» грызутся, а они арбитры. Не за так! А кто больше подбросит.

Но и это бы ладно. Сколько раз готов повторить: в диалектике отрицание отрицания даёт плюс! Так что не все в русско-еврейском противостоянии было беспробудно плохо. Какая-то взаимокритика хоть гнилому болоту не давала застаиваться. Однако на гегелевской триаде русско-еврейского противостояния всегда пытались сыграть свою особую игру и половить рыбку в мутной воде всякого рода националисты и «евразийцы» с наших - на наши же русские деньги! - не в меру развитых национальных окраин. Как присоски-пиявки, крови напились, и почему бы от державного стержня не отвалиться. То же и с Украиной, на которой были построены лучшие заводы, а как результат - самодовольство и оживление «украинской самостийности». Особый «самостийный», «европейский» форс перед «русскими азиатскими медведями». Мы к ним всей душой, а они к нам - задом.

Но это особый деликатный и немного «периферийный» разговор. Пока же вернёмся к главному - к русско-еврейскому стержневому противостоянию. Итак, мы сознательно внутри КПСС разделились на две головы, два крыла. Как теневые партии выстраивались? «Иудейской

партии внутри КПСС» - именно ей, учитывая её влиятельные связи на Западе, в том числе для нас особо важные, тайные масонские контакты, была почти всецело доверена внешняя политика - курс на разрядку. Также ей была доверена тонкая работа с многочисленной «жидовствующей», так называемой прогрессивной интеллигенцией, ревниво почвенной, державно-государственной. «Русской партии внутри КПСС» была доверена работа с консервативной частью интеллигенции, а также с опорными государственными «сословиями» - с рядовыми партаппаратчиками, чекистами, армейскими офицерами.

На «Русскую партию», подчёркиваю, именно и только на её кадры, опиралась брежневская КПСС во внутренней политике. Ни одного «персека» на край, область или автономную республику без тщательного «нашего» просвечивания на «пархатость» не назначали, все вторые «контрольные» секретари в союзных республиках с огромными правами были из «Русской партии».

То же было и при дележе «четвёртой власти», сиречь СМИ. «Иудейская партия» получила в своё практически полное распоряжение «Литературную газету», журналы «Юность», «Новый мир», «Знамя», журнал «Наука и жизнь», издательство «Советский писатель», мощный Политиздат. А «Русская партия» при дележе влияния получила «Огонёк», «Литературную Россию», «Молодую гвардию», «Москву», «Наш современник», «Кубань», «Волгу», издательства «Современник», «Советская Россия», Воениздат, а также «Роман-газету», «Театральную жизнь», «Пограничник», как многомиллионный знаковый (права человека!) журнал «Человек и Закон». Я говорю только про самые знаменитые издания.

Аппараты Союза писателей, Союза кинематографистов СССР, Союза театральных деятелей были чисто «передовыми», «демократическими», что на практике означало - «иудейскими». Но Союзы писателей РСФСР и Союз художников РСФСР, напротив, были даже чересчур воинственно, нетерпимо русскими. Благодаря активной издательской политике Юрия Прокушева и Валентина Сорокина «Современник» на потоке выпускал в свет книги только русских авторов, особенно русских поэтов, которых тут же принимали в Союз писателей. При Феликсе Кузнецове, пополняясь русскими, быстро обрусело прежде почти поголовно «иудейское» Московское отделение Союза писателей. Обрусели и выросли и все местные отделения, кроме Ленинградского.

Особого разговора заслуживает театр. Союзной театральной творческой организации по традиции не было. А ВТО - Всероссийское Театральное Общество с 1964 по 1986 год возглавлял великий русский артист Михаил Иванович Царёв, отчаянный русофил. В ВТО было сильное русское правое крыло во главе с критиком Зубковым и такими крупными русскими главными режиссёрами, как Николай Охлопков, Андрей Гончаров, ленинградец артист и режиссёр Игорь Горбачёв. Еврейское левое крыло возглавлял драматург Шатров (Маршак) - автор насквозь русофобских и скрыто троцкистских пьес о Ленине. Сам, кстати,

родственник репрессированных видных троцкистов. Вокруг псевдоленинских пьес Шатрова в верхах вечно кипел скандал. Но его поддерживал Андропов-Файнштейн. Андропов же всеми силами поддерживал еврейский «Театр на Таганке» Любимова (дочка Ира у него была замужем за артистом) и такой же объевреенный «Ленком» Марка Захарова. Театр-студия «Современник» сначала Ефремова, потом Табакова болтался между двумя стульями, как и потом МХАТ с Ефремовым.

Но Малый театр («Дом Островского»!) Михаила Царёва традиционно оставался русской цитаделью. Вся театральная провинция за малыми исключениями была русской. Л после АПН какое-то время поработал спецкором «Театральной жизни» (куда только не забрасывала номенклатурная «служебная необходимость»!). Колесил по русской провинции и использовал эту возможность для организации русских опорных пунктов на местах. Парадоксально, но высшее партийное руководство страны тогда думало о состоянии умов в провинции и хотело быть информировано о нём не только по гладким обкомовским отчётам и не по несколько тенденциозным (особенно к православию и всему специфически русскому!) сводкам андроповского КГБ.

Вот и пришлось мне много поездить. Я был давним поклонником Царёва, писал о нём ещё в своей студенческой работе по пьесе и спектаклю «Перед заходом солнца» и нередко сопровождал Царева в поездках по провинции. Мы с ним рядом даже ещё целину на зелёном автобусе исколесили, где Брежнев попросил его повыступать перед молодыми энтузиастами. Связка эта снова благотворно для меня заработала. Царёв мне на многое в жизни русской элиты открыл глаза.

Главный редактор «Театральной жизни» Юрий Александрович Зубков был по натуре «собирателем», к нему тянулась вся провинция. Он дружил домами с Царёвым, Софроновым, главным редактором «Огонька», и с членом Политбюро Черненко. И меня, как правило, принимали по приезде в область или край Первые секретари - и не шапочно, а с долгим серьёзным разговором - не только по репертуару и по оценкам отдельных спектаклей облдрамы, но и о том, как помочь областному театру с финансированием из дополнительных «спонсорских» источников и с квартирами, чтобы пригласить крупных актёров, но, главное, как сделать его центром местной русской культурной жизни. В театрах всегда всю элиту своей области знали насквозь, как под лупой, и эти сведения были очень полезны Брежневу и Черненко.

Я всегда осторожно подсказывал областным лидерам, как использовать в качестве русской опоры местные организации ВООПИК - «Русские клубы» и как дипломатично уберечь их от нередко «деконструктивной», излишне нервной заботы местного КГБ. (Между линией Брежнева и линией Андропова уже тогда наметились «разночтения»). Ни на Брежнева, ни на Черненко я, естественно, впрямую никогда не ссылался, но намекал, что именно они были организаторами ВООПИК и сейчас в успешной деятельности на местах Общества охраны

памятников истории и культуры как истинно русские патриоты отцы высокого полёта державного орла, кровно заинтересованы.

Подобные разговоры, как правило, легко давались. На местах, понятно, преобладала «Русская партия внутри КПСС», а евреев «несли», как могли, не стесняясь.

3. Русские и еврейские «опорные пункты»

Естественно, что фиксированного членства в иудейской или русской партиях не было. Партвзносы все платили в общую кассу КПСС. Но у каждого «крыла» были свои заведомо знаковые фигуры. Иудейское крыло, начиная с «Литгазеты» и т.п., курировал член Политбюро Юрий Владимирович Андропов-Файнштейн. «Литературную наковальню» (так «Литгазету» прозвали!) не случайно считали сливным отстойником гебешных спецматериалов. Рупором же иудейского крыла, его «репрезентативной» (представительной) фигурой стал «жидовствующий» Александр Николаевич Яковлев, первый зам при знаково отсутствовавшем много лет Заведующем отделом Пропаганды ЦК КПСС (считалось, что Заведующим должен стать человек из русского крыла, но Суслов всё никак «не мог» подобрать достойно значимую кандидатуру - впоследствии на эту должность перевели Первого секретаря ЦК ВЛКСМ Е.М. Тяжельникова, которого Андропов позже съел). Русское крыло, начиная с «Огонька» и т.п. по нисходящей, курировал ближайший друг генсека, «сидевший на кадрах и проверке исполнения» член Политбюро Константин Устинович Черненко. И «горбачёвского хаоса» в партии при нём не было; как выполняются все решения и постановления ЦК, он проверял всегда «в нужном направлении» - скрупулёзно, дотошно, умело используя своих людей в «Русской партии внутри КПСС».

Можно что угодно теперь задним числом говорить о низком уровне его образованности, хотя Андропов был, увы, абсолютно такого же, если не гораздо меньшего, - так мне по крайней мере показалось - уровня образованности. Формально Андропов-Файнштейн даже вообще ничего не закончил: корочки примитивной ВПШ на старости лет - смешно! А Черненко имел хорошее гуманитарное высшее образование и не с ходу, но мог вникнуть, когда ему объясняли даже самые тонкие идеологические дефиниции. Иногда, бывало, Суслов ещё разбирается, ещё в цитатах копается, а Черненко в «засечённой» идеологической операции «противника» уже схватил самую суть. А прямое своё дело Черненко твёрдо знал. Кадровые узды правления в руках крепко держал (ни одно назначение без проверки «на пархатость» у него не проходило!), и он мог даже перед великим демагогом Сусловым стеной стать - русскую точку зрения, русского человека, когда надо, таки отстоять.

Таков был куратор «Русской партии», хотя, как правило, за тенью «друга Кости» маячил сам Брежнев, который, не торопясь, стараясь сгладить, как можно, но таки решал все щепетильные русские вопросы. На русскую боль он всегда отзывался.

Рупором же русского крыла быстро стал главный редактор массового

журнала «Человек и закон» ещё молодой Сергей Николаевич Семанов. Человек редкой энергии, он формально, конечно, имел неизмеримо меньше веса, чем Яковлев: тот всё-таки инструктировал главных редакторов на летучках на пятом этаже в пятом подъезде Большого Дома (хотя всегда под надзором Суслова или другого секретаря ЦК - одного его никогда инструктировать не оставляли - не слишком доверяли!). А Семанов ухитрялся исподтишка «инструктировать» всё наше общество. Он перевёл «правозащитников», - традиционно еврейский конёк - под Русское Знамя. Это была наша крупная идеологическая победа не только на внутреннем, но и на внешнем фронте, что признавал Андропов (он даже позвонил в «Голос Родины», посоветовал раскрутить эту тему «на зарубеж») и с особым удовлетворением отметили Суслов, Черненко и сам Брежнев. Вокруг «репрезентативных», «знамённых» фигур сразу же завязалась основная борьба. Скинуть «репрезентативную фигуру» противника, оставить без знамени - означало общую победу, по крайней мере, на несколько лет вперёд.

Как в военных играх, где борьба ведётся вокруг Знамени. Ну, а саму «военную игру», естественно, определяли «штабы», которыми руководили в обеих закулисных партиях полководцы чрезвычайно мудрые - с обеих сторон форменные «гроссмейстеры», соответственно, Русской и Иудейской Идей - мыслители уровня знаменитых «сионских мудрецов».

Есть особая порода людей, которые как-то спонтанно к себе притягивают единомышленников. Не кодлу, не банду, не пьяную компанию формируют, а именно идейных единомышленников. В русской истории было две великих организационных группировки по Духу - «Могучая кучка» и «Передвижники». В «Могучей кучке» вождём-собирателем был композитор М.А. Балакирев. У «передвижников» - живописец И.Н. Крамской. Без таких «собирателей» невозможны крупные духовные прорывы. Они своими действиями определяют стратегию духовного развития на целые поколения.

В русско-иудейском противостоянии тоже спонтанно выявились свои вожди-«собиратели». В «Иудейской партии» начали верховодить популярные Симонов, Чаковский и Шатров; в «Русской» - не менее популярные Ганичев, Прокушев и Зубков. О, как разны были эти фигуры по своему менталитету! Сразу уже по ним одним была видна полярная разность внутренних духовных установок в еврейском и русском лагерях. Все шестеро в творческом отношении примерно одного уровня. Наши Ганичев, Прокушев и Зубков, пожалуй, даже покрепче. Константин Симонов, ловкий армянский еврей-полуграфоман, практически поэт одного стихотворения «Жди меня», написанного в войну. Всё остальное очень средне, очень банально. Писал много. Но на поверхностную публику. Александр Чаковский и того слабее - автор слащавых, банальных повестей и нудного романа «Блокада», который ему писала вся «Литгазета».

Но Боже, как, пользуясь своим положением, оба раскручивали себя, как заставляли своих единомышленников и, торгуясь, даже врагов писать

про них! Как выбивали себе все мыслимые и немыслимые премии! Напротив, три русских богатыря-собирателя были всегда поразительно скромны. Ганичев писал нужные, «просветительские» исторические сочинения. Прокушев и Зубков были крепкими и умными, соответственно, литературоведом и театроведом, ничем не слабее, чем знаменитый музыковед В.В. Стасов в «Могучей кучке». Но себя никогда не выпячивали, говорили группировавшимся возле них и, естественно, горевшим желанием их прославить молодым литературным критикам:

- Зачем про меня? Напиши про Валентина Распутина. Его, его надо поднимать! А ещё лучше найди молодое имя - вытащи на свет молодого автора. Это тебе на Божьем Суде сторицей зачтётся.

Естественно, кроме «собирателей» были у «них» и у нас свои «теневики». Закулисную игру у иудеев вели их «сборщики» - держатели кассы еврейской взаимопомощи. Вот она - знаменитая еврейская бытовая солидарность, у нас такой никогда не было. Да и попробовали бы у нас такую сделать? Много ведь русских людей попадали в беду, затравливались еврейскими лобби, лишались работы, оставаясь без средств к существованию. Но когда мы с моим другом критиком Святославом Котенко дёрнулись создать такую русскую кассу, на нас обрушилась ГБ: «Вы что, опозорить государство хотите? Вам что, советских профсоюзов не хватает? Подумаешь, евреи! - Они "малый народ"». Нацменьшинства тут можно понять, что они собирают чёрную кассу. А вы - "большой народ". У вас это будет выглядеть опасной мафиозной группировкой».

Нам любое «финансовое» объединение запрещалось. А вот евреи и на партсобраниях держались всегда «сворой» - мгновенно формировали своё «лобби», забывали про внутренние приязни и неприязни и терзали жертву. Вообще партийные собрания были самой удобной формой для еврейского самоутверждения, словно самой природой созданной для «сворного» манипулирования общественным мнением. Мы, русские, что-то на самом деле пытаемся обсудить, в чём-то разобраться. У нас соборное мышление, когда никого не обижают, всех выслушивают. А евреи? Выдвигают сворой «наверх» только своих, задвигают, дают выговора только «чужим».

Но конкретно о «сборщиках». У евреев многие годы им был Индурский, внешне невзрачный, но умнейший главный редактор «Вечерней Москвы», тесть будущего министра культуры при Ельцине Евгения Сидорова. Бездарного проходимца-зятька, полукритика-полуюриста, вон куда вытащил! Чтобы Кагал заправлял всей русской культурой!

С Индурским я никогда не сталкивался, хотя в его «Вечёрке» часто печатался с рецензиями на фильмы и спектакли - активной идеологической «просионистской» позиции «Вечёрка» осторожно не занимала, да и под Первым секретарём Москвы Гришиным это было бы затруднительно. А в отдельном еврейском городе внутри Москвы - останкинском Новом Тель-Авиве таким сборщиком был посредственный

режиссёр, но весьма активный организатор Леонид Пчёлкин. Евреи ему поддерживали ореол «гонимого» - его чёрно-белый троцкистский «ленинский» фильм по Шатрову был положен на полку (хотя выплаты за него все получили сполна). Уже в «перестройку» фильм этот сняли с полки и показали, и все увидели, что это просто троцкистский «капустник» без малейших признаков искусства. Клеймо гонимого «полочника», однако, не помешало Пчёлкину много лет переизбираться секретарём парткома. Такая вот вызывающе «протестная» была на ЦТ парторганизация. У Пчёлкина был личный особняк аж на Садовом кольце. Генсек такого шика не имел. И деньги умел Пчёлкин делать прямо из воздуха. Был, как уже говорилось, паршивеньким, совершенно бездарным режиссёром. Но был блестящим сводней для артисточек, мечтавших получить благосклонность телевизионного начальства, чтобы показаться на голубом экране, и этим держал телевидение в своих руках. Умел не мытьём, так катаньем уговаривать «подхалтурить на телевидении» хороших актёров. Те морщились - сниматься у Пчелкина считалось дурным вкусом, его вечно осмеивала пресса. Но он умел выбить непомерно большие гонорары, и многие даже великие не удерживались - решались «подхалтурить» на жизнь у Пчелкина. Он снимал самые примитивные, с неподвижной камерой, как во времена рождения Великого Немого, самые дешёвые фильмы-концерты, фильмы-спектакли, но по ведомостям выдавал их за полноценные и дорогие художественные фильмы. Оплата в разы выше, и практически вся себе в карман. В конце жизни он был полуслепой, еле передвигался, но делал себя художественным руководителем, пробивал тему в план и нанимал «кинорабов» попахать за него. Пронзительная по бесстыдству и проходимистости фигура.

Мне довелось поработать на телевидении главным редактором, и меня он таки достал. Сначала всё пытался «наладить отношения» - предлагал конверты с деньгами, норовил подсунуть артисточку, пытался затащить на «отдых с дамами». Но я не клюнул и категорически отказался подписать ему гонорар за сценарий «Дети солнца», в котором он, механически переписав пьесу Горького, даже запятой своей не поставил, но деньги хотел по высшей ставке - разумеется, не покойному Горькому, а себе. Не прошёл номер, тогда он приносит тот же сценарий, но уже за подписью исполнителя главной роли артиста Иннокентия Смоктуновского. И, не моргнув глазом, опять деньгу качает - заплати за пьесу Горького по высшей ставке как автору Смоктуновскому, мол, уж ему-то Лапин не откажет. Плати ему - он мне отдаст. Иннокентий Михайлович Смоктуновский - друг Святославу Котенко и мне. Охотно выступал в публицистических, очень русских диалогах с критиком Котенко, которые я ещё в «Театральной жизни» печатал. Сколько раз делом он помогал русской партии! Например, когда закрыли за национализм документальный фильм Котенко «Русская изба», Смоктуновский взялся сам прочитать патриотический текст, не дал из него выкинуть ни строчки и затем приехал на Худсовет студии, где мы с ним на пару (я от ВООПИК - от общественности!) отстояли прекрасный русский фильм.

Но ты мне друг, а совесть дороже - я не подписываю разворовывать казну. Пчелкин пошёл к Лапину. И Лапин... не отказал. А у меня сразу смертельный враг.

Вот такие напористые были «сборщики» у евреев. А у нас (хотя нам «русскую чёрную кассу» создать не дали!) теневой работой занимался всесторонне образованный публицист, блестящий переводчик романиста и будто бы агента контрразведки Сомерсета Моэма неутомимый и изощрённый, стоически православный Святослав Котенко. Очень благородно, что Семанов в своей книге «Русско-еврейские разборки» о важной фигуре, к сожалению, рано ушедшего из жизни Святослава Котенко достойно вспомнил. Мы были со Святославом весьма близки, учились вместе на романо-германском отделении филологического факультета МГУ, дружили семьями. Боец Святослав Котенко, как и я, был в любимцах у Самарина. Святослав Георгиевич - красавец с артистической внешностью, - он преподавал в МГУ, работал одновременно под крышей ВООПИК и редактором отдела критики «Молодой гвардии», где именно он заказывал и редактировал важнейшие статьи, практически определяя всё «знаковое» направление журнала. Он остался, как и наш учитель Самарин, принципиально беспартийным (отказывался Котенко многажды, а партия была условием высокой должности - но он упорствовал: «Я в Бога верующий!») и был повсюду вхож и близок с самыми высокими академиками и выдающимися деятелями, как нашими, так и с Запада. Именно Святославу Котенко вместе с Петром Палиевским (он после смерти Самарина займёт его место зама по научной работе в ИМЛИ) была доверена «русской партией внутри КПСС» изначальная организация «Русских клубов».

Поподробнее про «нас». У нас было несколько ключевых сборных организационных опорных пунктов. Во-первых, ВООПИК - Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры с его бессменным лидером академиком Игорем Васильевичем Петряновым-Соколовым - на базе ВООПИКа возникли легально по всей России «Русские клубы».

Во-вторых, журнал «Молодая гвардия» незабвенного Анатолия Никонова и сменившего его популярного прозаика Анатолия Иванова. Прекрасный журнал. Самый русский из всех! Едва туда ещё при Анатолии Никонове пришёл заместителем главного редактора Виктор Чалмаев, мне он сделал предложение прийти к ним членом редакционной коллегии на ключевой отдел публицистики. Я потом всю жизнь жалел, что отказался. А ведь у меня была бы более счастливая, настоящая творческая жизнь среди своих. И «Молодая гвардия» - смею, может быть, слишком самонадеянно думать - не сделала бы некоторых своих лишних телодвижений; во всяком случае, я уж согласовал бы «на даче» и заранее обеспечил прикрытие для некоторых острых выступлений В. Чалмаева, М. Лобанова, С. Семанова. Но, к сожалению, тогда мне в переходе в «Молодую гвардию» в порядке партийной дисциплины категорически отказали - я уже был слишком повязан на закулису, а Брежневу тогда позарез нужно было разобраться с АПН - этим доставшимся ему логовом «младотурок»-аджубеевцев.

В-третьих, само издательство «Молодая гвардия» великого «собирателя» Валерия Ганичева.

В-четвёртых, «Наш современник» Сергея Викулова, пришедшего туда из замов в «Молодой гвардии». Вокруг «Нашего современника» после цикла статей Владимира Чивилихина сформировались по всей стране острые храбрые боевые клубы «Память». Целая сеть «Памятей» - самые знаменитые из них три московские «Памяти» незабвенного Кости Смирнова-Осташвили, Штильмарка и Васильева.

В-пятых, издательство «Современник» во главе с нашим «гроссмейстером русского духа» Юрием Львовичем Прокушевым и главным редактором Валентином Васильевичем Сорокиным.

В-шестых, нашей крепостью стал Союз писателей РСФСР на Комсомольской, 13 под руководством сначала великого русофила Леонида Соболева, затем Сергея Михалкова, затем Юрия Бондарева, затем Валерия Ганичева. Про крепость я сказал не ради красного слова. В августе-сентябре 1991-го здание Союза писателей стало баррикадой. Писатели с помощью боевиков «Славянского Собора» во главе со Станиславом Карповым выдержали месячную осаду, отразив все попытки комиссаров-«дерьмократов» Ельцина с милицией ворваться в здание.

У СП РСФСР были энергичные отделения на местах. Особо выделялось Московское отделение Союза писателей во главе с мудрым критиком и «собирателем кадров» Феликсом Кузнецовым (теперь он академик, директор Института мировой литературы). На периферии организационной деятельностью выделялись журналы «Кубань» и «Волга» - русские бастионы. Весьма деятельным и влиятельным быстро стало Бюро пропаганды русской литературы при Союзе писателей РСФСР, во главе с чрезвычайно энергичной Аллой Васильевной Панковой, эффектной брюнеткой южно-русских кровей, организовывавшей массу писательских выступлений перед читателями по всей стране. Она стала поистине душой русского национального движения. Знала широкую массу патриотов-читателей - вся и всех. К ней в очередь за билетами на встречи с писателями стекались руководители патриотических клубов со всей России. Она умела арендовать громадные дворцы спорта по всей стране, которые так битком заполнялись патриотической публикой, как не рвутся на эстрадных звёзд. Благодаря моим связям она проникла даже в престижный зал Дома Союзов, где прошёл юбилейный вечер «Нашего Современника» и мой вместе с Фёдором Фёдоровичем Шахмагоновым творческий вечер. Оба вечера были показаны по Первой программе телевидения.

В-седьмых, у нас был свой крупный подпольный православный центр. Им стал «самиздатовский» журнал «Вече» поистине подвижника, «нашего катакомбного Сергия Радонежского», как мы ласково шутили, Владимира Николаевича Осипова. Андропов-Файнштейн вкупе со своим псом «Бобком» Осипова таки «вычислили» и арестовали снова в 1974 году, дали восемь лет, но он успел подготовить хорошо организованную конспиративную структуру. Отсидев, он уже в «гласность» вывел из

подполья крепкое православное общественно-политическое движение - «Союз "Христианское Возрождение"».

4. «Русские клубы»

Из всей этой «великолепной семёрки» тогда особо выделялся ВООПИК. Олег Платонов, который как историк и мыслитель сформировался в «Русских клубах» - в том самом благословенном для многих из нас ВООПИКе - вспоминает: «Мы помогали восстанавливать исторические памятники. Но каждый из нас становился учёным-подпольщиком по возрождению исторической Святой Руси. Я начал писать книгу по истории русского народа с древнейших времён до наших дней. Постепенно вокруг меня образовался целый коллектив единомышленников. Мы собирали материалы и очень много путешествовали по историческим местам России. Мы составляли программу на каждый год и по этой программе путешествовали. Там были не только памятники старины, не только православные храмы, древние монастыри, но и места рождения и пребывания наших русских подвижников, мыслителей, которых в то время никто не знал. Например, мы впервые открыли С. Нилуса, объездили все места его жизнедеятельности. Тогда он был почти вычеркнут из истории России. И среди своего русского круга при помощи самиздата распространяли все его сочинения. В том числе публикацию «Протоколов сионских мудрецов»«.

Как Платонов сам признаётся, у него уже было написано несколько рукописей, но писал он их в стол: «Всё, что я писал, было тайной даже для моих друзей из ВООПИКа. Думаю, что я поступал правильно. В нашей среде было много сотрудников спецслужб. Я отношусь к ним без предубеждения. Многие из них были или становились истинными патриотами России».

Но бережёного Бог бережёт. Талант учёного смог раскрыться только уже в постсоветское время, когда были сняты официальные запреты на употребление термина «масонство» и на имена духовных подвижников Третьего Рима - Святой Руси. Но уже и в советское время мы в ВООПИКе начали заниматься не только восстановлением памятников, сопровождавшимся практически нелегальной духовной деятельностью. Но и занимались прямой легальной политической практикой, бросив вызов официальной иудаизированной идеологической рутине, насаждавшейся «Яковлевыми».

Именно в «Русском клубе» на Петровке, 28, в стенах древнего Высокопетровского монастыря сформировался духовный центр, откуда пошла-полетела по всей стране возрождённая из пепла, как птица Феникс, Русская Идея. Та самая, которой сейчас так не хватает, чтобы стать на ноги стране и обществу. Тогда тоже всё было после Русской Смуты при Хрущёве муторно, как сегодня. Но ведь нашли мы духовно себя, возродили Русскую Идею. О «Русских клубах» подробно написано у Сергея Семанова в его «Русско-еврейских разборках». Я тоже уже писал о

роли «Русских клубов» в своём романе «Сатанинские признания закулисного человека» («Молодая гвардия», 1995, № 12, 1996, № 1-7). Что было в них главного? И знало ли о них руководство страны? Прекрасно знало. Даже поддерживало. Решение Политбюро о создании ВООПИКа состоялось, как только Брежнев пришёл к власти. До Брежнева такие общества показательно были разрешены всем союзным республикам, кроме РСФСР. Русским же создание своего такого общества принципиально запрещалось - иудеи панически боялись возникновения нового «Союза Русского Народа». Но Брежневу объяснили, что иного выхода, чтобы удержать власть, у него нет. Мы ведь подвели Брежнева к мысли, что, если он хочет опереться на русское крыло, нужно дать русским выстроить «окопы», чтобы защищать свои исторические и культурные ценности, а заодно и, само собой, крепкую государственную власть.

Целый коллектив молодых сторонников Брежнева, активно помогавших ему убрать «ублюдка Никитку с его младотурками-"шестидесятниками"», вынашивал, разрабатывал эту идею. И - готовил почву в «косных партмозгах», пока Михаил Шолохов, со свойственной ему образностью мышления, уже открыто не сформулировал Брежневу «эту шикарную мысль» - о создании опорных пунктов (типа пунктов охраны порядка для помощников милиции - дружинников) в форме «Русских клубов» на базе тут же Брежневым и созданного ВООПИКа. Это, мол, будут твои, Лёня, самые самоотверженные, самые неподкупные, самые верные государству и тебе дружинники - дружинники русского духа!

Так вот. На Политбюро было принято закрытое решение, и 24 июля 1965 года вышло постановление Совмина Российской Федерации о создании ВООПИКа. Брежнев лично поручил Черненко проследить, чтобы в оргкомитет ВООПИКа попали лишь «государственники» - не перекати-поле-иудеи, а крепкие русские люди. И тщательный отбор и подготовка к Учредительному съезду ВООПИК шли почти год. Но поработали на славу. Чужих не было! Андропов приходит на Лубянку 19 мая 1967 года, когда «опорные пункты дружинников русского духа» - «Русские клубы» уже практически развернулись.

Кто такой Андропов? Вот характеристика, данная ему собственным выкормышем, которого он вытащил из Ставропольского края, где всегда отдыхал, продвинул в Политбюро и подготовил, чтобы передать ему власть. Ну, точно так же, как Каганович выкормил Хрущёва. Помощник Горбачёва В.И. Болдин вспоминал, как Горбачёв жаловался на жизнь: а что Андропов сделал для страны? Думаешь, почему бывшего председателя КГБ, пересажавшего в тюрьмы и психушки диссидентов, изгнавшего многих из страны, средства массовой информации у нас и за рубежом не сожрали с потрохами? Да он полукровок, а они своих в обиду не дают. У него мама Файнштейн Евгения Карловна. А Горбачёв и сам, чтобы «они» его в обиду не дали, к месту и не к месту вспоминал своего деда, ненавидевшего советскую власть, - Андрея Моисеевича.

Вот в такой «идеологической атмосфере» возникли «Русские клубы». Естественно, что первая реакция Андропова-Файнштейна была - закрыть «рассадник», но ответная реакция Хозяина была для него совершенно неожиданной - он посоветовал КГБ не вмешиваться в «сугубо русское дело» и передал «Русские клубы» под негласную опеку самой партии, то есть близких ему самому «контрабандистов» («контрпропагандистов»). Тем не менее Андропов не смирился и оперативно возрождает расформированный после Сталина СПО - Секретный политический отдел, который занимался политической оппозицией и был самым страшным жупелом «чекизма». Он создаёт «пятёрку» - Пятое управление по борьбе с идеологической диверсией. «Пятёрка» сразу стала любимым детищем Андропова, ею он только и занимался, практически передоверив внешнюю разведку и охрану границ своим заместителям К.К. Цинёву и С.К. Цвигуну, ставленникам Брежнева и давним друзьям брежневской семьи, предусмотрительно подсаженным под «Файнштейна».

Возглавил «пятёрку» бывший секретарь Ставропольского краевого комитета партии по пропаганде М.Ф. Кадышев. Но того быстро съел его первый зам, лизавший известное место Андропову Филипп Денисович Бобков, службист без оперативной практики, никогда Лубянку не покидавший, «пороху не нюхавший» чиновник, только протиравший штаны, хоть и закончивший карьеру в самом престижном кабинете на 4-м этаже дома № 3 на Лубянке. Он продвинулся в Комитете по выборной партийной линии - охотно брался за общественную нагрузку не освобождённого парторганизатора, от чего другие отлынивали. Странная эта была личность. Насквозь «андроповская». Показно добродушный, с чертами булгаковского героя «Собачьего сердца», он родился в местечке на Украине, но потом его семья перебралась в Макеевку, где его отца в 1937-м уволили с завода, но, хотя в местных газетах всячески поносили, так и не посадили. В войну семья уходила из Донбасса «пешком», но добежала аж до Перми, где отец устроился прорабом, а мальчика своего Филиппка папа устроил сначала комсоргом, а затем тот попёр в горком и вырос до секретаря горкома ВЛКСМ (всего за пару-другую месяцев - какая карьера, когда все сверстники на фронте!). Но дальше его самого взяли в армию, где Филиппок дослужился ко дню Победы аж до старшины. А сразу после армии его, как молодого коммуниста, зачисляют уже 9 июня 1945 года в Ленинградскую школу контрразведки «СМЕРШ» - «Смерть шпионам!». После скороспелой годичной школы «из-за ошибки писаря, который вместо направления в Макеевку написал в Москву» (так в мемуарах самого Бобкова!), выпускник СМЕРШа получает погоны младшего лейтенанта и направление на саму Лубянку, где он отирает ковры 45 лет.

В 1961 году советская контрпропаганда - Совинформбюро и его преемник Агентство Печати Новости (как раз тогда прошла «аджубеевская» реорганизация) потерпели миллионные убытки из-за того, что фотографию первого космонавта Ю. Гагарина, за которую органы печати всего мира готовы были заплатить бешеные деньги, те вдруг получили, неизвестно откуда, совершенно «бесплатно». Мы искали

предателя у себя в АПН. Но впоследствии оказалось, что маленькое, три на четыре фото передал (или продал?) в средства западной массовой информации сотрудник КГБ Ф.Д. Бобков. Не бедно уже тогда умел работать?! Или был настолько идиотом, что не понимал, сколько в мировых СМИ стоит эксклюзивная фотография первого космонавта? Бобков заочно заканчивает Высшую партшколу. Но кто её не заканчивал? - это ниже азбуки.

Вам понятно, какой уровень образования и какой жизненный багаж был у выдвиженца, которого Андропов поставил на идеологию? Впрочем, у самого Андропова точно такой же багаж. Забегая вперёд, скажу, что «Бобок» потом вызывал многих деятелей «Русских клубов» на протокольные «профилактические» и не протокольные провокационные «дружеские» беседы. Приходили от него с недоумением в глазах. Неужели такая серость и необразованность сидит у Андропова на важнейшем и требующем особо высокого образования и уникальных контрпропагандистских знаний идеологическом участке работы? Недостаток элементарной культуры Бобков пытался компенсировать тем, что, как он сам хвастался в мемуарах, стал немного вхож в круги интеллигенции (какой, я думаю всем, понятно; той, которая сшибает верхушки; во всяком случае, ни в коем разе не нашей!). Сам Бобков гордился, что «там» - «в кругах»! - он зачитывался поэмой Александра Хазина, опубликованной в журнале «Ленинград», и бегал успеть посмотреть ещё раз «Парусиновый портфель» Михаила Зощенко.

В «Пятёрке» во главу угла «Бобок» поставил работу против Церкви, буквально терроризировал Церковь, создав специальный отдел с полковниками во главе, который пытался вмешиваться даже в хиротонии - рукоположения во епископы. Больше всего арестов шло именно по линии обезвреживания Православия. Бобков был убеждён: «Расчёт на возбуждение недовольства среди верующих продолжает оставаться одним из важных рычагов "холодной войны"». Слабее не скажешь. В мае 1967-го пришёл на Лубянку Андропов, и первое крупное дело - в декабре 1967-го суд в Ленинграде над четырьмя руководителями православного «ВСХСОН» («Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа») И.В. Огурцовым, Е.А. Вагиным, М.Ю. Садо и Б.А. Аверичкиным. С 14 марта по 5 апреля в Ленинграде проходит судебный процесс ещё над семнадцатью православными русскими. Получают сроки В.М. Платонов, преподаватель восточного факультета ЛГУ, Н.В. Иванов, преподаватель кафедры истории искусства исторического факультета ЛГУ и их единомышленники.

Мы кидаемся к Брежневу. Второй Ильич возмущён, звонит Андропову: «Ты что меня на весь мир позоришь? Новое "ленинградское дело" против русских устраиваешь?» Андропов пишет объяснительную записку в Политбюро. Он кается, виляет хвостом: «Приговор был воспринят присутствовавшими в зале с одобрением». И тут же, не понимая, что сам себе противоречит, сам себя с головой выдаёт, оправдывается: «Данные о практически враждебной деятельности (?? - что это значит "практически враждебной"? То, что людей осудили только за взгляды, за Православие?

Что других фактов нет?) в ходе судебного процесса не получили широкой огласки». Дальше ещё циничнее: «Отдельные слухи о нём, распространившиеся за рубежом, являлись домыслами буржуазных корреспондентов, которые, вследствие продвинутой заранее через возможности Комитета госбезопасности (sic!) выгодной для нашей страны информации, не имели сенсационного значения». То есть явно сработали на подыгрыш западным антиправославным, антирусским настроениям, да ещё сами доложились в этом?!

Травили они православных и в дальнейшем. 19 января 1971 года вышел первый номер самиздатовского журнала «Вече» - главный редактор Владимир Николаевич Осипов, о нём уже говорилось выше. Вышло девять толстых номеров - по три в год, пока главного редактора не «отрентгенили». 30 апреля 1974 года Андропов даёт личное указание Владимирскому ГБ (Осипов как бывший зек проживал в стокилометровой зоне от столицы - в г. Александрове) открыть дело на Осипова. За что? Я как профессионал читал все номера «Вече» и могу с полной ответственностью сказать, что это был чисто православный журнал - в нём не было ни грана политики, никакой антисоветской пропаганды. Но 28 ноября 1974 года Осипов был таки арестован и осуждён на 8 лет.

Вот на таком сатанинском уровне Лубянка у Андропова против Православия и работала. Напротив, всё то, что творили евреи, - «Пятёрка» как бы не видела, их на Лубянке уважали, им давали личные телефоны, помогали с изданиями и с выставками, играли с ними в призрачный «раскол демократического движения». Надо было уж очень засветиться на антисоветчине, с непременной передачей рукописей за рубеж, чтобы отдельного еврея тронули, пожурили и по израильской визе на Запад спровадили. Только кто кого обыгрывал в этих «демократических» играх? Мы - Запад или Запад - нас? Прокол следовал за проколом. Конечно, «Бобок» не поморщился и разгромил бы попросту не понятные ему, слишком интеллектуальные, занимающиеся какой-то там философией Духа «Русские клубы». Но, слава богу, Брежнев, Черненко, и даже серый кардинал Суслов, которому персонально поручили «бдить и опекать!» нас, хоть и негласно, всегда тихо, но против «них» таки поддерживали, не давали в обиду, боясь остаться с глазу на глаз с нагло прущим местечковым экстремизмом. Суслов слегка мандражил, постоянно требовал стенограммы, что, мол, там у вас в русских клубах говорится. Тихо предупреждал, чтобы не зарывались. Очень был насторожен. Но как ни кляузничал - «докладывал» ему на «антиленинцев», «великодержавных шовинистов - черносотенцев», как ни провоцировал его «опасными» цитатами из стенограмм «хромой бес» - Александр Николаевич Яковлев, всё нам сходило с рук. Суслов его успокаивал: «В узком кругу - можно! Они же в своём узком кругу! А что у евреев в узком кругу творится?!»

От стенограммы обстоятельного доклада в «Русском клубе» нашего идеолога Сергея Николаевича Семанова о «программной русофобии Троцкого-Бронштейна, которой и до сих пор вооружены русофобы-иудеи» Хромого Беса аж перевернуло. Мы в «Русском клубе» очень большое

значение придавали этому докладу. Семанов должен был задать тон - «Русская партия внутри КПСС» - и подвести идейную платформу под всю нашу борьбу с «русофобией». Помню, я нервничал. Вся наша борьба висела на волоске. Но Семанов сподобился пройти сквозь игольное ушко. Никаких подставок. Всё строго научно, всё выверено до грана. Дело блестяще удалось. Всю теоретическую базу его излюбленной (слизанной под копирку у Амальрика) «рабской парадигмы русского народа» у «жидовствовавшего» беса из-под ног выбивал семановский доклад.

Мы потирали руки, а А.Н. Яковлев встал на дыбы. Прикрыть «Русские клубы»! Ишь, полезли в спецхран и цитируют Троцкого, кто им позволил? Но даже догматик Суслов, как ни провоцировал Яковлев, не нашёл в стенограмме доклада Семанова криминала:

- Семанов раскритиковал русофобию Троцкого? Какой же тут криминал? Очень даже для нас полезно об этом вспомнить в борьбе с поднявшим голову после дуролома Хрущёва иудейским троцкизмом!

Суслов не хотел нарываться на русских. К тому же ему нужен был инструмент против Андропова-Файнштейна. Структурно «Русские клубы» назывались весьма учёно-туманно (это придумал хитрый русский либерал Пётр Палиевский): комиссии по комплексному изучению отечественного исторического и культурного наследия, которые традиционно собирались по вторникам.

«Русские вторники!» Но вскоре название стало более обобщённым - и мы и переполошившиеся в диком испуге «они» иначе, как «русскими клубами», наши «вторники» в глаза и за глаза не называли. На слуху только было это вызывающее название. Одно время и само слово-то «русское» было под полузапретом, из статей вычёркивалось. А тут «русские идут!». И мы шли! Семанов пишет о специфической русской среде ВООПИКа - академики Игорь Васильевич Петрянов, Борис Александрович Рыбаков, Михаил Константинович Каргер, Олег Васильевич Волков, народный артист Иван Семёнович Козловский и другие их уровня. И далее цитирую: «Вот в эту-то среду и "внедрились", как выражаются профессиональные разведчики, Палиевский, Котенко, Кожинов, Ланщиков, Байгушев, Кольченко и другие. Ну, «мы историю не пишем», а кратко: случилось маленькое чудо - молодые русские патриоты получили право на законные собрания-заседания, и не в овраге за городом, а в центре столицы СССР Общество получило апартаменты в одном из домов Высокопетровского монастыря, весьма просторного. Вот здесь-то и стала собираться «общественность, законно предусмотренная уставом».

Добавлю от себя, что попасть на «русский вторник» было не проще, чем в члены КПСС. Хотя формально заседания были открытыми, но «чужих» не пускали. Чтобы получить приглашение, мало что надо было получить две устных, но от этого не менее ответственных рекомендации от известных членов «Русского клуба», но ещё и пройти негласную предварительную проверку - замеченные в посещении «их» сборищ, в «Русский клуб» категорически не допускались (ходи к «своим»!). Председательствовать у нас обычно вызывался умевший не выпускать

бразды правления из рук (иногда уж даже слишком, но приходилось терпеть ради «конспирации»!) публицист Дмитрий Анатольевич Жуков. Он демонстративно надевал для председательства чёрный кожаный пиджак, как будущие «баркашовцы». Два десятилетия позже я и сам ходил на сопредседательство в тот же «Славянский Собор» исключительно в чёрной рубашке и чёрной коже; времена меняются. Но тогда «чёрный цвет» был как черносотенный вызов. Представлял председательствующий выступавших всегда по фамилии, имени и отечеству. Далее называл только по имени-отчеству. Такими же в русском стиле до 1917-го года были и все обращения друг к другу внутри клуба. Свободные похлопыванья «Серёга», «Митя», «Дима», «Петя», «Олежка», «Свет» начинались уже только «вне особой русской территории». Мы уважали себя.

Дмитрий Анатольевич Жуков был у нас несколько загадочной фигурой. У него было «тёмное прошлое». Он блестяще владел несколькими языками. Имел аристократические манеры. Мог, когда хотел, держаться, как лорд. Но неизвестно было, где он учился. Из всех он был ближе ко мне, у него были солидные дворянские корни. В пору «Русского клуба» мы дружили семьями. В литературу он пришёл после того, как Хрущёв провёл бессмысленные повальные сокращения офицерского корпуса в армии и органах. Он показывал мне свой бывший кабинет на Лубянке. Отечественную войну он начал в ГРУ. Недавно «Литературная газета» напечатала его воспоминания и фото, как спецслужбы обеспечивали историческую сталинскую «встречу в верхах» в Тегеране. Работал он и на Балканах. Знал хорошо Израиль. Вхож был везде. Автор фильма о сионизме «Тайное и явное» (режиссёр Б. Карпов, тоже замечательный активист «Русского клуба»), курировавшегося лично Ю.В. Андроповым и показывавшегося на закрытых просмотрах. Мирную гражданскую жизнь Жуков начал как переводчик английских детективов, чем-то кормить семью надо было. Потом уже переводил английскую художественную прозу. Его русскую прозу равно печатали «Новый мир» и «Молодая гвардия».

Выделялись ораторским мастерством критики - демонстративно «косноязычно» держащий фигу в кармане Виктор Андреевич Чалмаев и гибкий, игравший под либерала Анатолий Петрович Ланщиков, неизвестно где получивший хорошее образование. Вроде бы тоже выпускник спецучилища и тоже жертва хрущёвских повальных сокращений. Сам он мне говорил, что ему с хрущевским сокращением несказанно повезло. Кстати, той же версии искренне держался и Жуков, и Олег Михайлов. Олег Николаевич Михайлов блистал эрудицией и парадоксами - критик и прозаик, удивительный знаток Ивана Бунина, «суворовец» по воспитанию.

С поэтом и публицистом, выпускником философского факультета МГУ, знатоком современного масонства Валентином Митрофановичем Сидоровым мы всю жизнь были близкими друзьями. За ним была история, когда он оказался рядом с Андроповым во время Будапештского путча, на котором Андропов сделал себе карьеру, чтобы затем прийти в Комитет госбезопасности. Рядышком, оба страшно перетрусив, лежали под окном

под свистевшими пулями венгерских путчистов. Сидоров много занимался деликатными поручениями за рубежом, даже в США, особенно в Индии. Был весьма влиятелен в СП. И буквально помешан на Рерихе, Блаватской, на «тайных доктринах».

Кипятился страстно ненавидевший «мокрогубых» русофил и знаток народного творчества поэт Иван Лысцов - поэт милостию Божией. Он отличился несколькими открытыми выступлениями против засилья «сионистов» в Союзе писателей.

Молодой блистательный доктор филологии, уже тогда известный на Западе шекспировед Дмитрий Михайлович Урнов (он станет главным редактором журнала «Вопросы литературы», сейчас живёт в США), наездник, свой на ипподроме, расхваливал русских лошадей.

Играл цитатами из Бахтина «Кровавый Валерианыч» - такая с лёгкой руки опекаемого им поэта, талантливейшего Владимира Соколова прилипла кличка к Вадиму Валериановичу Кожинову. Про Кожинова до сих пор оберегается миф: «мощнейший интеллект, живой классик, но человек чрезвычайно сложный, любил "строить" всех по-своему, был даже не "генералом" литературным, а чуть ли не "маршалом", способным обеспечить любое издание и даже славу в почвеннических кругах» («Завтра», 2005, № 1).

Ни маршалом, ни хотя бы полковником он не был, хотя с Бобковым душеспасительные беседы, по слухам, вёл. А почему бы нет? Мы ему доверяли. Он и на самом деле за «своих» мог горло перегрызть. Не имел официальных должностей и регалий, но, помню, брал за горло, звонил-звонил мне и на службу и домой: «Издай Палиевского. Это нужно всем!» Он искренно верил в свой нюх и в будущее тех, кого опекал, и даже рок, за ним ходивший, - опекаемый им прекрасный поэт Прасолов застрелился, изумительного русского поэта Рубцова задушила любовница, рано ушёл из жизни Владимир Соколов и т.п. - не отпугивал от него.

А Святослав Котенко? Какой мировой эрудицией обладал! Как сыпал парадоксами!

Все были личности! Настолько были личности, что тайные советники Андропова «арбатовы» и «бовины» попытались в порядке «контригры» распустить по Москве слух, что «Русский клуб» - вообще структура партийной разведки, его тайный мозговой центр, где обкатываются идеи, которые могут быть использованы против «нашего мощно набирающего силу сионизма».

Ах, если бы это было так! Но, с другой стороны, совершенно верно было подмечено, что в мозговой центр «Русского клуба» как-то неожиданно сплочённо и энергично подобрались люди с определённым весом. Не личности бы не выдержали затяжных боёв с «ними», не личностей бы сразу «они» смяли, а к таким так-то вот запросто рядового оперуполномоченного с Лубянки не пришлёшь и таким на «тяп-ляп», за «здорово живёшь» дела не пришьёшь. (Семанову-то потом, когда он уж слишком вылез на бруствер, дело всё-таки пришили, но на каком высоком

уровне!) А пока…

Сам начальник «Пятёрки» Бобков было дёрнулся «проникнуть», но его вежливо предупредили, что «Пятёрка» в любом качестве на особой русской территории Высокопетровского монастыря не желательна и вдобавок ещё нагло нажаловались зампреду КГБ Цвигуну. Да ещё и самому Суслову капнули, что «сионисты провоцируют». «Они» тут уже поняли, что «Русский клуб» может дать сдачи. И ещё была одна настораживавшая оппонентов деталь. Примечательно было, что ядро московского «Русского клуба» составили профессиональные «западники» по основному образованию. Пётр Палиевский, хоть и закончил русское отделение МГУ, но знал несколько языков и уже был известен на Западе работами по американистике (по Уильяму Фолкнеру). Перед Дмитрием Урновым преклонялись западные шекспироведы. Дмитрий Жуков переводил современных западных классиков, английский знал лучше англичан, был известен своими трудами по балканистике (в Югославии была популярна его книга о Нушиче). Мы со Святославом Котенко, хотя самостоятельно и сдали дополнительно университетские курсы по русской литературе и русской истории, но закончили-то специфическое романо-германское отделение, и Котенко, как я уже говорил, был известен как блестящий переводчик Уильяма Сомерсета Моэма. Я тогда через АПН много печатался в крупных западных изданиях. «Западники» по образованию, а вдруг ударились в «славянофильство»?! Это не могло оппонентов не настораживать.

В парадоксе этом, сейчас я думаю, была, однако, глубокая закономерность. Мы понюхали Запад и были свободны от того завистливого «придыхания», с которым наши «жидовствующие» - как правило, люди, весьма поверхностно образованные, нахватавшиеся верхушек, всегда смотрят на Запад. Они закатывали глаза и вздыхали: «Ах, там Кафка! Ах, там Марсель Пруст! Ах, Джойс! Ах, Стефан Цвейг! Ах, Гейне!» Все «корифеи» там с еврейскими корнями! Они их при этом, как правило, сами не читали (Кафка, Джойс и Пруст были тогда вообще под полузапретом), а мы-то всё читали и хорошо знали истинную цену.

Больше того, мы знали вообще всю истинную цену весьма практичной, прагматичной, но довольно поверхностной западной культуре, растерявшей духовную глубину ещё тогда, когда отделившийся от исконной ортодоксальной Церкви «модернистский», «практичный», даже в вере прагматичный католический Запад катастрофически отстал от Византии - исконной хранительницы глубинных христианских духовных ценностей, передавшей по преемству своё великое духовное мессианство именно нам - Москве - Третьему Риму.

Мы знали, что, как бы Запад собой ни кичился, у него не было таких духовных титанов, как Фёдор Достоевский и Лев Толстой. Вся литература духовно ниже, приземленнее, без мистических тайн, максимум, уровня Бальзака. Вершины - Шекспир и Гёте. Но они были давно. А в современности - самое большое Фолкнер.

И мы, «западники» по образованию, не то, чтобы презирая Запад, но

несколько свысока отталкиваясь от его, в сущности, почти бездуховной прагматичной культуры, едва теплящейся на остатках эллинизма, искали глубинную истину в своих корнях, в своей истории и культуре. Кстати, именно эта специфическая обстановка с «западническим» по образованию ядром «Русских клубов» естественным образом обусловила и то, что в нашей среде на позиции нашего «рупора» мы стали выдвигать Сергея Семанова. Единственный среди нас авторитетный учёный-историк со степенью, он вроде бы уже самой судьбой был предназначен научно формулировать вызревавшие в «Русском клубе» идеи. Практически мы с ним только двое в «Русском клубе» официально были членами КПСС. Значит Семанову и карты в руки - выходить «с крепких партийных позиций» в печать. Умело подкладывая необходимые «прокладки», именно он оформил Русскую Идею в том же докладе о русофобии троцкизма (то есть о современных корнях «жидовствования») и, наконец, главное - в русском манифесте «О ценностях относительных и вечных» - наиболее серьёзном и ответственном документе, вышедшем из «Русского клуба» и определившем генеральную линию русского движения, по крайней мере, лет на тридцать, включая весь брежневский «золотой век». Да, думаю, и до сих пор не потерявшем своего стратегического значения.

Но вернусь к кадровому контингенту «Русского клуба». Семанов пишет: «Не появлялись на наших заседаниях лица, находившиеся тогда под "гласным надзором", хотя с отцом Дмитрием Дудко и с Владимиром Николаевичем Осиповым многие из нас поддерживали добрые отношения. Как видно, все понимали "правила игры". И ещё добавлю для полноты картины, что такие известные тогда деятели русской культуры, как Илья Глазунов или Владимир Солоухин, в работе «Клуба» не участвовали. Во всяком случае, я о том не могу вспомнить». Я должен тут просто уточнить, поскольку «рассылать и контролировать приглашения» было на меня коллегами возложено, - не часто, не выступая, чтобы не засветиться, но подпольный православный лидер Владимир Николаевич Осипов в «Русский клуб» ходил. По крайней мере, на особо важные, принципиальные заседания мы его всегда приглашали. И могу добавить, иногда в штатском приходил, тоже никогда не выступая, присмотреть для Церкви кадры сам архиепископ Питирим. И в проверенных надёжных кадрах мы Церкви никогда не отказывали. Сколько высокообразованных священников из интеллигенции вышло из «русских клубов»! Я жалею, что Питирим не стал патриархом, хотя в списке на голосование был, и «Известия» именно о его избрании заранее подготовили публикацию. Питирим проделал огромную работу, много лет возглавляя журнал Церкви и весь её огромный редакционно-издательский отдел, работавший по нескольким направлениям, включая даже организацию замечательных хоровых коллективов. «Русскому клубу» Питирим помогал постоянным духовным наставничеством.

А вот Глазунов и Солоухин действительно формально в нашей работе не участвовали, хотя в курсе всего, конечно, были. Но за Глазуновым и Солоухиным вечно ходил чужой «хвост» из прессы. Что же, всех западных корреспондентов на и без того острый «Русский клуб» допускать? Да с

Андроповым инфаркт бы был. Поэтому мэтры помогали нам и делом и советами, но во избежание скандала выступить с рефератом мы их «не просили», хотя, знаю, они бы ни в коем случае не отказались. Солоухин рвался, но мы его отговорили - прикроют нас, Владимир Алексеевич! О тебе же все западные газеты напишут. И то же было с Ильёй Сергеевичем Глазуновым. О масонстве тогда уже Глазунов знал столько, сколько наши старики все вместе не знали. А как Илья Сергеевич рассуждал о русском монархизме! Мы очень, очень духовно нуждались в том, чтобы его послушать. Но - правила игры. Нам и так, по мнению Андропова, слишком многое позволялось. И в этих случаях нас бы Суслов не заслонил - Андропов бы тут же записку в Политбюро накатал.

Из стариков особо почитаемыми мэтрами были видный скульптор Сергей Дмитриевич Шапошников и Валентин Дмитриевич Иванов, автор негласно запрещённого романа «Жёлтый металл» (вышел в 1956 году-первый серьёзный роман о сионизме) и изумительных романов о Древней Руси. Валентин Иванов блистательно показал тесную связь и духовную преемственность между Вторым Римом Византией и Третьим Римом Русью. Византию он знал не хуже Древней Руси и пропел ей достойный гимн, показав всё духовное величие Православной Империи.

Очень много было у нас в «Русских клубах» гостей. Приезжал из Новгорода теперь знаменитый автор исторических романов, уже классик, незабвенный Дмитрий Балашов. Когда он приезжал в Москву, он всегда останавливался у Святослава Котенко, они понимали друг друга, как никто; оба священнодействовали, «помешанные» на исконных русских обрядах и обычаях, на русской еде и, конечно же, на русском образе мыслей. «Митю» трудно печатали, всегда с боем. Но уже в «перестройку» его исторические романные циклы буквально заполонили прилавки. Он первым из русских писателей дал широкую панораму Третьего Рима. До него мы Святую Русь так досконально не знали. Он проделал колоссальную работу и был редким подвижником Русской Идеи. А как этнографу ему вообще цены не было. Его «Русская свадьба» - настольная книга всех профессиональных специалистов. Балашов, как и я, близко дружил с учёным историком Львом Гумилёвым. Но Гумилёв у нас в «Русском клубе» не выступал. Он был по убеждениям «евразийцем». Они по некоторым проблемам расходились с Борисом Александровичем Рыбаковым. И Рыбаков ревниво оберегал свою «территорию влияния».

Из-за этого же я, как и Гумилёву, организовал лишь выездной «русский вторник» в Политехническом музее для выступления ленинградского историка, академика многих зарубежных академий, директора «Эрмитажа», выдающегося археолога Михаила Илларионовича Артамонова. Но не смог пригласить и его на «узкий вторник» в Высокопетровский монастырь. Были, увы, у нас свои внутренние «исторические тонкости».

Приезжала из Киева незабвенная Татьяна Глушкова - неистовый трибун и великая русская поэтесса, сейчас по прошествии времени это смело можно утверждать. Приезжали из Краснодара отважные и

самоотверженные писатели-борцы Виталий Канашкин и Анатолий Знаменский. Приезжал из Ленинграда театровед Марк Любомудров - блистательный трибун. Шёл девятый вал и совсем молодых ребят, искавших себя на русском поприще. Приехал из провинции, из «Волги» неистовый ревнитель России молодой поэт, уральский казак Валентин Васильевич Сорокин. Весь вечер на бис читал стихи. Прекрасно всем показался. И вскоре получил приглашение в Москву, на хорошую должность.

Таких «просмотров» с последующими продвижениями было множество. Тот же знаток Достоевского Юрий Селезнёв из Краснодара. Да многие. Но эти два случая я особенно запомнил, потому что о пророческом даре Валентина Сорокина, о том, что это русская восходящая звезда, заговорили по всей Москве - с превеликой радостью у «нас» и с тревогой у «них».

Быстро поднялся и Юрий Селезнев - сменивший Семанова на руководстве серией «Жизнь замечательных людей». И сам он - автор замечательной книги о Достоевском, в которой пригвоздил Вечного Жида (сколько ухищрений мне пришлось положить - я тогда уже работал замом главного редактора в издательстве «Современник», чтобы эта дивная книга проскочила цензуру) и многих ярких критических статей. Конечно, не всё было так гладко. Юрия Селезнёва мы рано потеряли. Он странно погиб от инфаркта на территории ГДР, вотчине наших спецслужб - не приехала скорая.

Кого-то из наших, полюбившихся в «Русском клубе», «они» сумели-«съели». Не смогли мы достойно защитить самоотверженного ленинградца Марка Любомудрова и москвича, доцента факультета журналистики МГУ Юрия Иванова. Тем более трудно было помочь, если «нашего» русского ели поедом в «чужих» журналах и на телевидении. В лучшем случае в «инстанциях» нам предлагали «перевших на рожон» - так это формулировалось, - самоотверженных «наших» русских куда-то трудоустроить и тихо, не обостряя ещё больше, а то совсем, мол, затравят, снять с них партвыговора, которые им «иудейское лобби» вкатывало. КПК - Комитет партийного контроля во главе с Арвидом Яновичем Пельше, а затем с 1983-го Михаилом Сергеевичем Соломенцевым всецело был на стороне державников и почвенников. Тем не менее даже КПК порой пытался всё спустить на тормозах, не дразнить пархатых гусей. А лишь принимал закрытую рекомендацию для ЦК осторожно подготовить и затем провести «реорганизацию» засветившейся на русофобии организации и под этим милым флагом «немного почистить её от зарвавшихся лобби». Но мы особенно и не жаловались - мы понимали, что борьба есть борьба.

5. Теоретическая база «русской партии». «Русофобия» Игоря Шафаревича

Всякое серьёзное политическое движение начинается с теоретической основы. У нас же её тогда, в 60-х годах, практически не

было. Мы начинали приходить в себя - в русское самосознание чуть ли не с нуля: все знаково русское тогда держалось за семью замками в засекреченном от народа «спецхране». Даже Сергей Есенин, даже Фёдор Достоевский были под полузапретом - не переиздавались. Льва Толстого и Лескова долго топтали и не выпускали. Бунина боялись. Что уж говорить о великой книге Николая Данилевского «Россия и Европа», объяснившей всему миру русскую душу?! В современной западной философии имя Данилевского упоминается первым в ряду таких выдающихся мыслителей, как О. Шпенглер, А. Тойнби, Ф. Нортроп, В. Шубарт, П.А. Сорокин. Но на своей родине о Данилевском молчали, как о прокажённом.

Великого Фёдора Тютчева толком не знали. Об Алексее Хомякове и Иване Киреевском, Иване и Константине Аксаковых, Константине Леонтьеве и Василии Розанове, Георгии Федотове с его «Будет ли существовать Россия?», Иване Ильине и Иване Солоневиче писать запрещалось - этих вроде как и не было, иудейская цензура любое, даже осторожное критическое упоминание о них с воплями вырезала! О православном орденском исихазме - «самопознании духа в великом безмолвии через сердце» даже многие культурные и тайно верующие русские слыхом не слыхивали. Заикнёшься - смотрят на тебя растерянно даже на уровне эрудитов Петра Палиевского или Вадима Кожинова.

Поэтому «Русские клубы» призваны были первым делом вернуть в обращение самобытную русскую духовную культуру. Через осторожные рефераты и лекции. Через хорошо законспирированный «самиздат». Через общение русских людей на своём русском духовном языке. Через осторожное по шажочку возвращение русского самосознания в лоно Православной Церкви и в её тайную Доктрину - исихазм.

Кадров своей русской интеллигенции у нас практически не было, с миру по нитке собирали. Знаковых русских фигур - кот наплакал: Леонид Леонов, Михаил Шолохов с его верным помощником Фёдором Шахмагоновым, молодые Владимир Солоухин и только что вышедший из запрещения Илья Глазунов. Я горжусь тем, что первым пробился через тяжёлую цензуру с легальной статьёй о молодом Глазунове, - по обстоятельствам витиеватой, жалко оговаривающейся, но со знаковым названием «Обещание» и крупными фотографиями работ - смотри, как это по-русски прекрасно «живописано», каждый сам всё поймёт! Был тогда такой «террористический» взрыв («Советская культура», 3 апреля 1962 г.), что на следующий же день меня пригласили - на меня посмотреть - на элитное сборище военных атташе и посланников по культуре, то есть всех «профессионалов», в Британское посольство, где мы по душам поговорили! Недавно Народный художник СССР, лауреат Государственной премии России, ректор русской Академии художеств, почётный руководитель реставрационных работ в Большом Кремлёвском Дворце Илья Сергеевич Глазунов открыл на Волхонке, 13, рядом с Храмом Христа Спасителя, свой личный музей, подарив городу 306 своих работ. А в них вся русская история в картинах. Дивная галерея русского самопознания. Сведите, русские, к Глазунову своих детей, чтобы русский дух в них пробудился. Видите, добился своего торжества русский гений.

В 60-е такое было невозможно. И от себя, и от Запада мы, русские, были отгорожены одинаково «железным занавесом». И нам было лишь бы подняться с колен.

Если иудейские шустрые мальчики, вроде поэта Евтушенко, имея в кармане личный телефон Андропова, не вылезали из-за границы, провозя через таможню и инструкции, и «нужную» иудеям литературу (русофобию всех Амальриков, Померанцев, Шрагиных, Яновых и иже с ними), то «открыто русских» деятелей андроповское ведомство под любым предлогом делало «не выездными». Пробился в выездные бесстрашный Глазунов, но таких из «наших» были считанные единицы.

В 60-70-е годы современную историю русско-еврейского противостояния в его особо поучительном не только открытом, но и закулисном, «подковёрном», тайно-конспирологическом варианте, как и оперативные сводки боёв на русско-еврейском фронте, мы получали практически только со слов идеологического противника. Прежде всего из «Материалов исследовательского отдела радио «Свобода». Их не только слушали те «счастливчики», кому удастся обойти вой глушилки, но и тщательно записывали советские спецслужбы. А потом без комментариев они тут же попадали на стол доверенного идеологического аппарата. Считалось, что наша «номенклатура» - особо проверенные люди, которые способны сами разобраться, где правда, где ложь.

Я, например, работая в АПН, особенно позже - в «Голосе Родины», запершись в кабинете, начинал свой рабочий день с чтения свежего «спецрадиоперехвата», то есть всех этих «Свобод» и «Голосов Америки». А затем толстой пачки так называемого «белого ТАСС» - с довольно подробными и исключительно свежими обзорами «острой» зарубежной прессы. А уж только потом переходил к чтению всех антисоветских эмигрантских газет и журналов - солидных «Русской мысли», «Русского слова», русскоязычного проеврейского «Нового русского слова», «Нового журнала», «Посева», «Континента», «Часового» и т.п., и т.д. Мы имели все! И только уже на закуску, выдохнувшись, читали наиболее авторитетные зарубежные газеты, начиная непременно с американской проеврейской «Нью-Йорк таймс» и консервативно солидной «Вашингтон пост», и журналы от английского «Лайф» и немецких «Штерн» и «Шпигель» вплоть до «Остойроп» («Восточной Европы») - специального инструктивно-аналитического издания контрпропагандистов-«антисоветчиков». Редактора этого журнала, блестящего врага-профессионала, я лично знал - «сопровождал» и много беседовал с ним, когда он посетил Москву.

Но такую богатую возможность утолить информационный интерес имела тогда исключительно только «контрпропаганда» и «номенклатура» - равно русская или еврейская.

Книги были дешёвыми, как хлеб. В стране, несмотря на огромные тиражи, был постоянный книжный голод - за «подпиской» на собрания сочинений русских классиков становились с ночи. То же за «дефицитной» художественной литературой. Все, что более или менее содержательно и

что тиражом менее полумиллиона, сметалось с книжных полок за час-два. Поэтому для «номенклатуры» были особые списки свежих книг, в которых привилегированный товарищ мог просто расставить галочки, что ему надо. Но существовали уже для более узкого круга ещё «ограниченные тиражи»; издавались, скажем, Кафка или другие западные «писатели-модернисты», которыми элитные евреи себя тешили, но народу которых знать не полагалось. А для особо посвящённых и доверенных печатались «спецтиражи», в которых каждый экземпляр был типографски, как денежные знаки, пронумерован и выдавался под расписку. Спецтиражами издавались переводные книги западной «контрпропаганды», вроде антисоветчика-социалиста Роже Гароди или нашего «перебежчика»-социалиста Александра Зиновьева с его «Зияющими высотами».

Интересно, что практикой спецтиража воспользовался в 1993-м году и глава «Русского Национального Собора» генерал КГБ Стерлигов, который отпечатал в известной типографии №13 книжную серию «Библиотека генерала Стерлигова - Русские идут!». Серию неравноценных, не всегда по именам выверенных точно, - некоторых записали в «евреи» по сплетням! - «антисионистских» брошюр. Но одна брошюра «Памятка русскому человеку» В. Ушкуйника о «мировой борьбе Ильи с Моисеем» тут чего стоила! Стерлиговцы «Русского Национального Собора» раздавали брошюры русским людям прямо на демонстрациях. Увидят ясно русское открытое лицо - и подарят.

Но тогда в 60-70-х русский читатель и русский слушатель был лишён «своей» информации. Повторюсь, рядовой обыватель вынужден был задыхаться, ловя искорки правды из густого потока смрада, валившего с крайне враждебного всему русскому, истерично тенденциозного, местечково «евреезированного», отвратительно вульгарного, вещавшего на деньги ЦРУ радио «Свобода». Сколько я написал для ПБ (Политбюро) закрытых докладных, что «глушилки» - не великое изобретение, а великая глупость ведомства Андропова: чуть сдвинь настройку, и обошёл «вой» - слышно похуже, но вполне разборчиво! А главное - идиотский «вой» только подогревает интерес к враждебной пропаганде, набивает ей дикую цену. Что надо «глушилки» снять (сколько электроэнергии будет по всей стране сэкономлено, больше чем на все радиовещание и телевидение!), а нам, советской контрпропаганде, дать возможность отвечать «идеологическому противнику» на каждую антисоветскую клевету и макать лицом в грязь за антисоветчину, ложь и искажение фактов! Что мы проанализировали материал враждебных передач и убедились, что они крайне поверхностны, примитивно злобны, действуют только ярлыками и опровергнуть их не составит труда. Что контрпропагандистский успех будет огромный - люди перестанут верить в сказку, что за железным занавесом - капиталистический рай. Что пишем, например, в «Голосе Родине» о мгновенно бесплатно приезжающей скорой помощи, об абсолютно бесплатном для всех здравоохранении и таком же бесплатном, даже высшем, образовании, и наш читатель на Западе ушам не верит - откликается тысячами писем. Что вот так надо вести контрпропаганду - подчёркивая наши великие социальные

преимущества. А что до прорех, то пусть брешут - иного первого секретаря обкома или крайкома за руку на воровстве схватят - так КГБ меньше работы. А мы мгновенно в новостях сообщим, что Прокуратура отреагировала. И оперативно дадим подробную статью о наведении в крае порядка - журнал «Человек и Закон» под руководством въедливого Сергея Семанова прекрасно это сделает.

Но Политбюро сняло только глушение «Голоса Америки» и «Немецкой волны». Из американской «Свободы» Андропов продолжал делать идиотским «воем» соблазнительный запретный плод.

Мы благодаря Андропову играли в прятки. Поймаешь - не поймаешь «Свободу» через глушилки. И нам, контрпропагандистам, оставалось только объяснять своим русским людям, как отшелушить рациональное зерно и получать нужную информацию даже из передач «Свободы», в первую очередь из материалов её исследовательского отдела. К примеру, поставляла в эфир информацию умная К. Вишневская. Именно она «откуда-то» хорошо знала внутреннюю жизнь «Русской партии внутри КПСС» и например, первой и вполне осведомленно с достоверной аналитической картинкой сообщила миру о провокации Андропова против Сергея Семанова. В осведомлённости никогда нельзя было отказать и Марку Дейчу. Мы у себя в «Русских клубах» советовали его слушать «через фильтр». Непримиримый, как хасид, он сначала раздражает. Очень уж злоупотребляет наклейками. Но надо признать, что это достойный идеологический противник. Подготовленный профессионал, окончивший МГУ и даже поработавший под крышей АПН, нашпигованного разведчиками, стажировавшийся в полярных «Литературной газете» и «Литературной России»; он с 1980 года стал уже открыто выступать под своей собственной, куда уж «знаковой» фамилией. Причём специализировался он на «черносотенцах», как он любил выражаться, то есть на «Русской партии». Я бы посоветовал русским людям забавы ради почитать книгу «Марк Дейч на «Свободе»» (М., Феникс, 1992). Врагов надо знать.

А наш фильтр к такой информации элементарный - «конфеты в грязной обёртке». Мы, русские профессионалы контрпропаганды, тоже часто пользовались таким приёмом. Бывало, что надо было непременно информировать своего русского читателя о каких-то важных высказываниях видных русских людей, но прямо этого было сделать никак нельзя. Сразу бы иудейская цензура сняла да ещё стукнула - и иди на ковёр под громы-молнии ведомств Суслова или Андропова. Но мы успешно выходили из положения. Мы печатали якобы критическую статью, в которой цитаты огромные, а «фальшивое разоблачение» (грязная конфетная обёртка) - лишь две-три грубо ругательных наклейки из дешёвых ярлычков.

Вот и Марка Михайловича Дейча русскому человеку надо читать по принципу той же «конфеты в грязной обёртке». Обложка грязна, но пища (цитаты «черносотенцев») вкусная, здоровая, своя. Марк Михайлович, работая на быдло, очень верил в силу именно этой самой «грязной

обёртки», в которую он завёртывал информацию и всегда давал обширные «доказательные» цитаты из ненавистных ему русских оппонентов. И вот всякий неглупый человек, брезгливо отбросив дейчевские ярлыки, вроде «черносотенцы», «коричневые», «фашисты», «красно-коричневые», может получить даже из Дейча реальную информацию. А книга ««Память» как она есть» (Владивосток - Москва, 1991), опять же, если отбросить грязные ярлыки, вполне компетентный справочник по такому массовому русскому движению, как клубы «Память». «Грязные ярлыки» усваивает только быдло, но от быдла все равно толку нету. Ещё Герцен писал, что безголовое мещанство не определяет судьбу нации. Это стадо. А элита, интеллигенция, что «их», что «наша», всегда брезгливо сторонилась грязных ярлыков. Поэтому я не совсем понимаю сейчас Владимира Бондаренко, когда он начал вдруг с пеной у рта проклинать Марка Дейча. Зачем? Да нам он на руку. Пусть продолжает выпускать свои невольные «конфеты с грязной обёрткой». Тиражи иудеи ему, как своему хасиду, предоставляют громадные.

А вот в 60-70-е они и «амальриков»-то старались только между собой по номенклатурному «спецсписку» распространять. В своём сугубо «проверенном» кругу, чтобы мы, русские, не могли дать сдачи. А нам как аргументированно, с цитатками в руках ответить на клевету на Россию и на русских?

Поэтому величайшим событием стала для русского самосознания книга «Русофобия» Игоря Ростиславовича Шафаревича, которую мы, размножив, старались положить на стол каждому мыслящему русскому человеку. Организовали даже, как в революционные времена, «подпольную типографию» под самым носом у КГБ.

Мы учили «Русофобию» наизусть - написана она была в августе 1974-го; с февраля 1976-го с предисловием Солженицына. Сегодня каждый русский человек начинается с чтения «Русофобии» Игоря Ростиславовича Шафаревича. Открываешь, и книга, изданная подпольно три десятка лет назад, звучит, будто сегодняшний набат:

«На нашем горизонте опять вырисовывается зловещий силуэт «малого народа». Казалось бы, наш исторический опыт должен был выработать против него иммунитет, обострить наше зрение, научить различать этот образ, но боюсь, что не научились. И понятно почему: была разорвана связь поколений, опыт не передавался от одних к другим. Вот и сейчас мы под угрозой, что наш опыт не станет известен следующему поколению. Зная роль, которую «малый народ» играл в истории, можно представить, чем чревато его новое явление: реализуются столь отчётливо провозглашённые идеалы - утверждение психологии «перемещённого лица», жизни «без корней», «хождение по воде», т.е. окончательное разрушение религиозных и национальных основ жизни. И в то же время при первой возможности безоглядно-решительное манипулирование народной судьбой. А в результате - новая и передняя катастрофа, после которой от нашего народа, вероятно, уже ничего не останется».

Игорь Ростиславович начинает с обзора взгляда на «русское быдло» всех этих видных еврейских теоретиков-«шестидесятников» А. Амальрика, Г. Померанца, В. Шрагина, А. Янова и т.п.:

«Вот очень сжатое изложение основных положений, высказываемых в этих публикациях. Историю России, начиная с раннего средневековья, определяют некоторые «архетипические» русские черты: рабская психология, отсутствие чувства собственного достоинства, нетерпимость к чужому мнению, холуйская смесь злобы, зависти и преклонения перед чужой властью. До сих пор в психике народа доминирует «тоска по Хозяину». Параллельно русскую историю, ещё с XV века, пронизывают мечтания о какой-то особой роли или миссии России в мире, желание чему-то научить других, указать какой-то новый путь или даже спасти мир. Это «русское мессианство» (а проще - «вселенская русская спесь»), начало которого авторы видят в концепции «Москва - Третий Рим», высказанной в XV веке, а современную стадию - в идее всемирной социалистической революции, начатой Россией. В результате Россия все время оказывается во власти деспотических режимов и кровавых катаклизмов. Но причину своих несчастий русские понять не в состоянии… Освобождаясь от чуждой и непонятной европеизированной культуры, страна становится все более похожей на Московское царство. Главная опасность, нависшая над этой страной: возрождающиеся попытки найти какой-то собственный, самобытный путь развития - это проявление русского национализма. Такая попытка неизбежно повлечёт за собой подъём русского национализма и волну ан тисемитизма», - пугают еврейские авторы.

Но, мол, русского «народа больше нет. Есть масса, сохраняющая смутную память, что когда-то она была народом и несла в себе Бога, а сейчас совершенно пустая.

Народа в смысле народа богоносца, источника духовных ценностей вообще нет. Есть неврастенические интеллигенты - и масса. Итак, если в прошлом у русского народа не было истории, в настоящем нет уже и русского народа» (Померанц). Но кто же есть? Кто командует? Еврейская интеллигенция. «Можно было бы сказать: антинарод среди народа». «Духовно же все современные интеллигенты принадлежат диаспоре. Мы всюду не совсем чужие. Мы всюду не совсем свои» (Померанц).

Шафаревич комментирует: «Однако, когда «они» сталкиваются с болезненными для них вопросами, то не только не проявляют терпимость и уважение к чужому мнению, но без обиняков объявляют своих оппонентов фашистами и чуть ли не убийцами».

Книга академика Шафаревича приводит десятки примеров ненависти со стороны «малого народа», переставшей в прямое физическое насилие над «большим народом».

Что же такое «малый народ»? В народе вульгарно говорят «жидомасоны». Но это оскорбительный и не совсем верный ярлык. Хотя «малый народ» всегда действительно составляли две силы - «масоны» и

«евреи», но лишь в определённые моменты истории они пересекались и составляли разрушительную коалицию. О масонах в 70-х мы знали меньше. Что-то мне рассказывал мой дед Прохоров, общавшийся с ними ещё до 1917-го. Что-то мы доставали из-за рубежа. Но под диким страхом.

Про «еврейскость» мы уже тогда знали больше. Все книги их вождей были, например, у меня в «спецхране». Но ведь надо было все материалы обобщить, выделить Равное. Размножить тайно.

Однако уже тогда, в 60-70-е годы, мы кое-что распространили в «Русских клубах». Мы начали «доводить» источники не только для себя самих, не только ограниченно через «самиздат». Но слегка завуалированно стали «разжёвывать» азы Русского Духа для широкого русского самосознания через гласную печать. Через наши рупоры - «Молодую гвардию», «Наш современник», «Москву», «Кубань», «Волгу», через «наше» крупное издательство «Современник», быстро во главе с Юрием Прокушевым и Валентином Сорокином ставшее центром русского сопротивления.

6. Хромой бес, он же Бафомет

Высшим достижением «Русских клубов», а если говорить более обще, то всей «Русской партии внутри КПСС» была смертельная схватка с рупором и знаменем «Иудейской партии внутри КПСС» - «хромым бесом» Александром Николаевичем Яковлевым.

Странная это фигура, во многом из-за своих неумеренных сатанинских амбиций предопределившая крушение советской власти и разграбление нашей Великой Державы еврейскими олигархами. Странная, или слишком глубоко повязанная.

Звали мы, русские, его между собой Бафометом. Ну, распространилось ещё в непросвещённое, не познавшее ещё демократического прогресса Средневековье некое убеждение, будто Бафомет - это резидент Сатаны на земле, представитель тёмных закулисных сил, орудие Закулисы. А сам-то по себе это сначала был тогда тайный живой идол, вместо Бога, в ордене фарисеев-храмовников, которому они все при посвящении, становясь по-рыцарски на одно колено, преданно зад целовали. И было тогда принято, что Бафомет особо посвящённым любовную аудиендию, так сказать, в знак особого благоволения к их физической преданности, давал. Было это ещё и с голубизной храмовников ритуально увязано - так что вроде как обряд на взаимоприятный походил. Но когда это было?! Теперь уж, конечно, все по-другому обставляется. А как? Откуда мне знать?! Во всяком случае, когда мне аудиенцию этот самый Бафомет (ну, на которого в коридорных сплетнях пальцем показывали, что он не иначе, как Бафомет!) в Большом Доме давал, я с его стороны никаких поползновений, врать не буду, не заметил.

Давно ещё, дай Бог память, в 1967-м году, я, было, в «литературные рабы» нанялся. Для швейцарского издательства книжку «Ленин в

революции» готовил, на обложке которой должна была встать подпись тогдашнего ленинградского Первого секретаря, члена Политбюро Романова. Про него тогда острили, что вернулся на трон в Санкт-Петербург Романов, но оказалось: Романов, да не тот. Вот этот Романов тогда нашего дорогого «Лёнечку» - генсека Брежнева и подсиживал. Вместе с московским Первым секретарём Гришиным - кто вперёд подсидит. Оппозиция к Брежневу на них круто ставила.

А чтобы подсидеть вернее, Романов захотел прославиться, себя видным историком партии, наследником ленинского дела показать. Ну, а мне левый заработок. Хотя я больше старался не из-за валюты, а чтобы на Романова своими глазами посмотреть, понюхать, доложить, какая в Ленинграде в закулисе обстановка, насколько серьёзны наши подозрения насчёт амбиций Романова на кремлёвский трон. Ну, и иметь возможность в санкт-петербургских закрытых архивах вволю порыться - кто Романову откажет? Мотался я из Москвы в Ленинград, как на вторую работу. Отпускали с основной работы в издательстве АПН, в Главной редакции по заказам зарубежных капиталистических фирм в бесконечные ленинградские командировки без звука. И однажды Романов, мне уже доверяя, попросил в виде особой услуги, некий сакраментальный списочек - по бафометовой заговорщической линии, как я догадался, - передать. Условие было: непременно лично в руки! Мол, никакому фельдъегерю не могу этого списочка доверить. А ты, как функционер, вхож. Вот бери - и, никуда не заворачивая, прямо Яковлеву в руки! Положил Романов списочек при мне в конвертик, заклеил небрежно и дал мне свою личную чёрную персековскую машину с 001 на номере, чтобы меня под сирену прямо к трапу самолёта подкатила.

Не думаю, однако, что Романов был столь наивен, вручая мне этот сакраментальный списочек. Наверняка, он поинтересовался, кого ему Москва подсунула книгу о Ленине за него писать. Наверняка, ГБ ему быстро выяснила, что я в Москве с Галей Брежневой-Милаевой дружен, на дачу вхож, да и в Ленинграде в первый же вечер сопровождаемый артистом Меркурьевым посетил еврейскую штаб-квартиру у дочки Мейерхольда, а затем все остальные вечера пропадал по русским «окопам» с проводником Николаем Утехиным (на которого в ГБ было досье как известного русского националиста). Такие знакомства случайными не бывают. Видимо, Романов сообразил, откуда я. И, давая списочек, играл в свою игру - тем более, что к списочку была приложена справочка на бывшего ленинградца, ставшего москвичом, активного деятеля «Русских клубов», главного врага и антипода Яковлева - Сергея Семанова. Видимо, хотел Романов Брежневу намекнуть, в какие сложные игры Яковлев играет. Сам был русских взглядов и хотел, видимо, косвенно показать, кто воду мутит и что сам он Брежнева подсиживать ради евреев не будет. А напротив - предупреждает.

Я полетел. И конвертик доставил. Содержимое конвертика в самолёте в уборной, не удержался, подглядел. Сразу понял, что там перечислены ленинградские «полупосвященные» - в основном еврейская интеллигенция, всякие там деятели культуры с «передовыми» взглядами.

У меня на таких нюх всегда был. Мне очень хотелось списочек, вместо Яковлева, на дачу отвезти. Но я ввязываться в неясную мне игру не стал, хотя смолоду сумасшедшим был - риск страшно любил. Повёз списочек, как обещал Романову, прямо к Яковлеву. В комплекс зданий Большого Дома. Подъезд прямо напротив Политехнического музея. В кабине из-за стола мне навстречу вышел, заметно хромая, человек с сильно помятым, вялым, бабьим лицом - «Великий жидовствующий», переживший правление пяти генсеков (Хрущёва, Брежнева, Андропова, Черненко, Горбачёва) и «царя Бориса Второго» и все это время возглавлявший «Иудейскую партию».

Яковлев Александр Николаевич - слева и справа вам одно скажут - умнейший человек. Хромает, как бес? Ранение с войны. Хотя орден за Отечественную ему только задним числом сделали. Но с эрудицией подкован! Подкован тоже, как бес. «Подковка», правда, очень поверхностная - пыль в глаза из «амальриков» и «померанцев» лишь для «местечковой», падкой на дешёвку интеллигенции. Но иностранные термины, вместо своих русских, очень умел употреблять. В Большом Доме все его уважали и боялись, как сатаны. Даже те, кто вслух ему осанну на все голоса пел. А вот наши интеллигенты-«полупосвященные» после общения с ним даже как-то обмирали, себя не помнили, так он их привораживал и умом и всякими там иностранными словами. Ещё бы не обмереть, когда им про рабскую душу русского народа говорят!

Умным всегда завидуют, а тут ещё слушок про Бафомета. Поэтому аппаратчики часто завистливо проезжались, будто у нашего «болыпедомовского» Бафомета толстый зад как верный сакральный признак все-таки есть. Я только по слухам на яковлевский зад пальцем указываю; все так болтали, ну, и я чужие глупости повторяю. Шутили, будто он зад в Америке отрастил, куда его, рядового инструктора Отдела пропаганды ЦК КПСС, Никитка Кузькина Мать послал учиться у Запада прямо в самое логово закулисы. Никитка Хрущёв тогда как раз только что кукурузу из Америки привёз и нещадно по всей стране, где надо и где не надо, её кнутом насаждал. Ну, и стратегических глобальных идей ему захотелось у американцев тоже перехватить. А кого послать? Тут инструктор Яковлев и подвернулся. Яковлев служил в армии генерала Власова, но до его предательства чуть повоевал, был почти сразу ранен и после госпиталя, вступив в 1944 году в ВКП(б), сделал в тылу аппаратную карьеру. Вот Никитка Александра Яковлева как «проверенного фронтовика» для обучения в Америке глобальному уму-разуму и выбрал. Стажировался «наш человек» аж в самом знаменитом Колумбийском университете, что возле единственного в мире масонского храма. Кто не знает: у «вольных каменщиков» - масонов есть свой храм. И, подобно тому, как был у иудеев в Иерусалиме храм Соломона, тоже - принципиально единственный. Единственное в храме земное обиталище Бога, а все остальные лишь Его молитвенные дома - просто синагоги, «дома собраний». Так что сейчас еврейский Бог вроде бы как на земле и вовсе не обитает. Негде! Храм Соломона до сих пор разрушен, на его месте арабская мечеть. А главный масонский храм возле Нью-Йорка

действует.

Теперь байка про Яковлева: когда наш отечественный кандидат в мудрые Бафометы там, в Америке, в Колумбийском университете, стажировался и стратегию мирового глобализма - американскую доктрину из первых рук изучал, то должен же был как-то питаться. А у нас всегда на загранкомандированных в советское время валюту экономили. И долларов нашему русскому особо доверенному стажёру мало обменяли, привычно с валютой пожадничали - вот и пришлось будущему советскому Бафомету одними гамбургерами с лотков питаться. А гамбургеры известно - сплошной маргарин. Вот зад и сформировался. Такая вот была байка. В общем-то вздорное преувеличение. Крепкий русский мужичок. Ну, и зад крепкий. Чего тут острить?! Все-таки похабные люди-аппаратчики. Сами всегда одним задом крепки.

Известно, что любое общественное мнение в стране всегда создаётся с помощью «полупосвященных». Из тех, кому вроде что-то доверено, что-то приоткрыто. Одним словом из тех, кто политикой интересуется, а не тех, кому на неё, извините, как большинству русского народа, до лампочки. Чёрт не свистнет - попадья не перекрестится. Так у русских большинство - в работягах. А у евреев - в «интеллигенции», в «полупосвященных». А «полупосвященные» вроде как всегда в курсе. Через прессу-блудницу ли, кухонные ли под водочку с закусочкой «доверительные» разговоры-оговоры, али каким другим, вроде семинарского «просвещения», дурным путём, но гордятся тем, что «в курсе». Так вот все «полупосвященные» в стране только из-под яковлевских бафометовых рук вокруг себя и смотрели. Интеллигенция, а она всегда самая «полупосвященная», под его песнопение за неимением для себя другого патриарха молилась. Православный Патриарх вообще-то формально существовал, но был в советское время в полном загоне, на самых последних задворках. А не молиться как? Вот на «него» и молились...

В начале 70-х годов «Иудейская партия» перешла в наступление по всему фронту. Насколько мы «их» просчитали, задача у них была свалить таки осторожного, балансирующего «слабого» Брежнева «крепкой» фигурой - Романова или Гришина. А затем, уже как тупых однолинейных «дуроломов», убрать быстро и их и поставить Андропова-Файнштейна, а «рабочей лошадкой» у Андропова, вместо «нейтрального» начётчика, «серого кардинала» Суслова, сделать своего суперактивного «хромого беса» Александра Николаевича Яковлева. При этом Андропов-Файнштейн занял бы позицию его прикрытия, полностью себя не разоблачая, оставляя себе как бы «сталинские» тылы.

«Царствование» Брежнева с самого начала было не так безмятежно, как внешне казалось. С самого начала по заданию Брежнева мы оттирали «железного Шурика» - Шелепина. Ну, с тем оказалось все не очень сложно. Старый партаппарат был против него - слишком уж молодой да ранний. А у молодых он подорвал себе репутацию поддержкой Шатрова (Маршака) с его откровенно троцкистскими пьесами о Ленине. Молодые к

троцкизму не тянулись. Наелись при Хрущёве.

Но все же поработать над нейтрализацией шелепинцев пришлось. Реальной сплочённой силой у Шелепина были только «младотурки» - бывшие «аджубеевцы». Но ключи уже были не у них. Шелепин попытался опереться на «спецслужбы». А.Н. Яковлев в своих мемуарах «Омут памяти» (М.: Вагриус, 2000, 604 с.) признаётся, что он был одной из надежд заговора: «Я был тоже в списке людей, которых «молодёжная группа» якобы собиралась использовать в будущем руководстве. В каком качестве, не ведаю. Об этом мне сказал, сославшись на Микояна, первый заместитель председателя Гостелерадио Энвер Мамедов». Как видим, турки в заговоре были и реальные, а не только «младо». Яковлев обращает внимание на то, что главными действующими лицами «малого заговора» оказались Шелепин (член Политбюро) - перед этим председатель КГБ, Степаков (зав. отделом пропаганды ЦК) - бывший начальник УКГБ по Москве и Московской области, Месяцев (председатель Гостелерадио) - бывший следователь по особо важным делам ещё при Сталине. Все из спецслужб. Яковлев раскрывает и распределение ролей после переворота: «Таким образом, планировалось, если свести все разговоры и намёки воедино, следующее: Шелепин - генсек, Косыгин - предсовмина, Егорычев - его первый заместитель, Степаков - секретарь ЦК по идеологии, Месяцев - председатель КГБ». Про себя, что он должен быть сменить аж самого непотопляемого Суслова, он молчит. Яковлев тяжко вздыхает, как все глупо провалилось. Якобы всецело по-русски, по-пьянке: «В аппарате, и не только в центральном, активно обсасывалась информация из Монголии. Там была партийно-правительственная делегация во главе с Шелепиным, Одно из застолий, видать, было затяжным и обильным. В конце его Николай Месяцев провозгласил тост за будущего Генерального секретаря ЦК Шелепина. Тем самым судьба молодёжного клана была предрешена. Но Брежнев дал им возможность «порезвиться» ещё какое-то время и выявить себя в более трезвой обстановке». Брежнев дал «порезвиться», потому что все были под наблюдением.

Как сам Яковлев «резвился», он откровенен: «Вскоре состоялся пленум ЦК (на котором собирались сместить Брежнева. - А.Б.). Со своим заведующим Степаковым я шёл пешком со Старой площади в Кремль. В ходе разговора он буркнул: «Имей в виду, сегодня будет бой. С Сусловым пора кончать. Леонид Ильич согласен». Но по плану нападение на Суслова должно было стать сигналом к тому, чтобы, как кабана, завалить самого Брежнева. Яковлев этого и не скрывает: «В кулуарах, ещё до начала пленума, ко мне подошёл Николай Егорычев - первый секретарь горкома КПСС - и сказал: «Сегодня буду резко говорить о военных, которых опекает Брежнев».

Далее все было, как в дешёвом кино. Цитирую Яковлева: «Я сидел и переживал за Егорычева, ждал речей в его поддержку, но их не последовало. Его предали. Наутро выступил Брежнев. Кто-то сумел за одну ночь подготовить ему речь, достаточно напористую».

Я думаю, читателю не надо объяснять, что подготовить пламенную речь Брежневу могли только писатели из «русской партии». Так он сделал свой выбор, и так мы сделали свой выбор. Я думаю исторически правильный - уж с «младотурками»-то русским никогда не было по пути.

Брежнев быстро раскидал «заговорщиков». Егорычева сослали в какое-то министерство, Степакова - послом в Югославию. Как плачется Яковлев: «Вскоре были освобождены со своих постов и менее значительные работники номенклатуры из политического окружения Шелепина». «Железный Шурик» остался голым и медленно политически «ржавел».

Романов и Гришин были конкуренты повесомее и посерьёзнее. За каждым был свой крепкий клан. Свои сторонники в ЦК. За ними приходилось крепко присматривать, чтобы не переиграли - не заработали больший, чем у Брежнева, политический авторитет. Это были, как «Кировы» при Сталине. Вроде бы и поддерживают, и с трибуны Второго Ильича славят. А что там под трибуной? Не бомбу ли замедленного действия кладут? Отсюда, может быть, и перегиб Второго Ильича с орденами и золотыми звёздами себе на грудь. Наивно укреплялся таким игрушечным образом.

А дворцовые интриги против него плелись вовсю. То обостряясь, как на сквозном ветру, то затихая, как в штиль, но всегда заставляя Брежнева балансировать на проволоке. Яковлев же, обжегшись на шелепинских «младотурках», но не засветившись, искал то ли по заокеанскому заданию, то ли из собственного неистового авантюризма, с кем бы ещё поумнее сыграть в фальшивую игру (много позже он сыграет с Горбачёвым и станет таки членом Политбюро, а Горбачёва выжмет, как лимон, и выбросит из политики!).

Подняться и стать героем интеллигенции «хромой бес» решил на русофобии.

У него всегда было одно кредо. Он всегда чувствовал себя в России, как грешник в аду. Перед глазами у него всегда была одна придуманная им самим страшилка-декорация пришедшего за его распутной душой возмездия. Декорация, нарисованная его неуравновешенной, психически больной, маниакальной фантазией в образе некоего русского чёрно-злато-белого, «фашистского», «националистического» торжества. Его преследуют шизофренические видения: «Разрушительный шовинизм и национализм под флагом патриотизма пели свои визгливые песни». Он и на старости лет, не опамятовавшись, был убеждён, что русские люди вокруг него - сплошные фашисты: «Уверен, что и сегодня в утверждении агрессивного национализма в России во всех его формах и на всех уровнях значительную роль играют люди и группы, которые рядятся в одежды «национал-патриотов». Я понимал тогда чрезвычайно опасную роль националистических взглядов, но у меня и мысли не возникало, что они станут идейной платформой развала страны, одним из источников русского фашизма, за которой народы России заплатят очень дорого, если не поймут его реальную опасность сегодня».

У Яковлева всегда был страх висельника, осознающего, что натворил, и понимающего, что рано или поздно, но таки придут за его душой из преисподней. Такие, как Яковлев, боятся тени. Они понимают, что есть «Неизбежность» - так, кстати, именно и называлась статья В. Чалмаева в «Молодой гвардии», № 9, 1968 г. Даже в гетто были восстания, а мы пока ещё не в гетто. Мы-то знаем: возмездие на «оккупантов» придёт, потому что русский народ долготерпелив, это как тяжко сжимающаяся пружина, которая, дойдя до предела, затем разжимается с невероятной силой. Ну, а отщепенцы Яковлевы всегда пытались сыграть на опережение. Заранее в зачатках задавить ростки русского самосознания. Сразу навесить ярлык «черносотенец, фашист» и растоптать.

Он вспоминает, как его безумно напугали русские: «Журнал ЦК комсомола «Молодая гвардия» опубликовал одну за другой статьи литературных критиков М. Лобанова «Просвещённое мещанство» и В. Чалмаева «Неизбежность». Лобанов обвинил интеллигенцию в «духовном вырождении», говорил о ней с пренебрежением как о «заражённой мещанством» массе, которая «визгливо» активна в отрицании и разрушительна. Вызывающим было и то, что официальный курс... автор объявляет неприемлемым для русского образа жизни. «Нет более лютого врага для народа, чем искус буржуазного благополучия», ибо «бытие в пределах желудочных радостей» неминуемо ведёт к духовной деградации, к разложению национального духа. Лобанов рекомендовал властям опираться не на прогнившую, сплошь проамериканскую (то есть еврейскую. - А.Б.) омещанившуюся интеллигенцию, а на простого русского мужика, который... способен сохранить и укрепить национальный дух, национальную самобытность... Пока власти приходили в себя, журнал публикует статью Чалмаева «Неизбежность». Как и Лобанов, он тоже осуждает «вульгарную сытость» и «материальное благоденствие». В статье немало прозрачных намёков на то, что русский народный дух не вмещается в официальные рамки, отведённые ему властью, как и сама власть «никоим образом не исчерпывает Россию».

Такой пощёчины власти снести не смогли. На этот раз на статью Чалмаева буквально обрушился пропагандистский аппарат партии, был запущен в обращение термин «чалмаевщина». «Хромой бес» объявил тотальный поход на «черносотенцев». Но мы в русских кругах над изобретателем термина «чалмаевщина» только посмеивались. Как ни парадоксально, широкая общественность бросилась читать обруганный журнал. В коридорах только о храброй «Молодой гвардии» и шептались. Мол, наконец-то, кто-то за русских заступился. Правду против «них» сказал. Лучшей рекламы, чем бешенство Яковлева, было не придумать. Средний партаппарат был весь в восторге. Знакомые офицеры ГБ наперебой звонили:

- Достань журнальчик - для своих «чалмаевщину» размножить!

И тогда Яковлев организовал провокацию.

Крейсером, который должен был сделать новый исторический залп Авроры против пробудившейся от спячки дремучей туземной России, был

избран журнал «Новый мир» - тогда «их» цитадель. Бывший зам. главного редактора этого журнала, его идеолог критик А. Дементьев, уже выгонявшийся за «не нашу линию», но рвавшийся вернуться в редколлегию, по заданию Яковлева сочинил громадную статью-донос на «черносотенцев» из «Русских клубов». Как излагает содержание статьи сам организовавший её Яковлев: «Андрей Дементьев резко раскритиковал статью Чалмаева. Дементьев рассуждал в том плане, что Чалмаев говорит о России и Западе языком славянофильского мессианства. От статьи Чалмаева один шаг до идеи национальной исключительности и превосходства русской нации над другими». Но этого пафоса Яковлеву только хотелось. Сделано же все было гораздо топорнее. Опираясь на материалы ведущих идеологов русского движения преимущественно в журнале «Молодая гвардия», А. Дементьев грубо, «по-местечковски» оболгал русские традиции и народность. Статья так и называлась «О традициях и народности» («Новый мир», 1969 г., № 3). Но их он огульно перечёркивал, а подспудно, в виде соблазнительной положительной программы на прозрачных намёках противопоставлял им «конвергенцию». Оба - и сам мастер из «вольных каменщиков», и его подмастерье - были убеждены, что русские - такие туземцы, что не знают, что это такое. Что это «ихнее», «вольнокаменщическое», понятное только «посвящённым».

Что это за жаба? Процитирую, чтобы было ясно, «подземную», как зарытая атомная бомба, но широко распространявшуюся тогда в еврейском «самиздате» подрывную «Мою программу» академика Андрея Сахарова, целиком попавшего тогда под влияние крупной авантюристки своей жены иудейки Боннэр. Под резюмирующим пунктом 6 у Сахарова стояло жирно выделенное самим Сахаровым: «6. Конвергенция. То есть сближение социалистической и капиталистических систем, сопровождающееся встречными плюралистическими процессами в экономике, социальной сфере, культуре и идеологии, - единственный путь радикального устранения опасности гибели человечества в результате термоядерной и экологической катастроф».

В какую яму попала наша Великая Держава в результате тотального «дерьмократического» осуществления подрывной программы Сахарова, то есть конвергенции (а на практике попросту жалкой сдачи всех позиций и переходе на роль капиталистической колонии - именно эта роль русским программно отводилась!), каждый сам видит сейчас вокруг себя. Все потеряли - экономику, культуру, Русскую Идею. Скатились в болото дикого капитализма - выберемся ли когда?

Увы, уже в 70-х сахаровская конвергенция была у всех иудеев на лукавых устах. Прямо вслух, мол, давайте откажемся от социалистических завоеваний и передадим собственность в частные руки, никто не говорил. Говорили: будем сближаться с капиталистической системой, пойдём на конвергенцию с нею, как нас призывает программа «нашего человека» академика Сахарова. Выступить против сахаровской конвергенции в «избранном обществе» - значило сразу получить ярлык «антисемита» и «охотнорядца».

Однако тогда мы дали сахаровской (то есть сионистской) конвергенции отпор. И на целых двадцать лет, во всяком случае, отсрочили падение советской власти и ограбление России. Мы были уже не те мальчики для битья, какими были до супервысшего образования, полученного в «Русских клубах». Совершенно неожиданно для горластых иудеев, привыкших к русскому безмолвию, - русские дали крупно сдачи. Нами было организовано оперативно письмо одиннадцати крупнейших писателей в защиту «Молодой гвардии» и, преодолев цензуру (письмо это прошло-таки через её стену - я для этого использовал все свои «права»), оно попало на страницы воскресного «Огонька» - прямо пред очи Брежнева, который начинал свой выходной день с чтения любимого «Огонька». К тому же его ещё и предупредили, чтобы не пропустил письмо русских корифеев. Сам Шолохов позвонил, что всем сердцем вынужденное письмо поддерживает и что поднимет вопрос на ближайшем съезде партии. Ну, Второй Ильич понял, что дело далеко зашло.

Двенадцатым подписантом у нас тайно был Солженицын, он нам сочувствовал, мы могли организовать его подпись. Но упёрся Софронов: «Только без Солженицына! Для Володьки Солодина это лучший повод «Огонёк» в цензуре задержать. Этот главный яковлевский «бдила» и так будет на ушах стоять. Сделайте все, чтобы Солодина нейтрализовать! И ни в коем случае не надо Солженицына». Мы смирились.

Мы поработали над письмом основательно. Я даже вписал в текст пресловутую «конвергенцию», не очень понятную самим писателям, зато ключевую в профессиональной терминологии контрпропагандистского аппарата. Бить - так бить наотмашь - мы тоже умеем смертельные ярлыки клеить. Мы вели огонь по А. Дементьеву из всех калибров, засыпали письмами ЦК, издевались, где только можно.

Яковлев попытался организовать ответ письму одиннадцати. Симонов с трудом собрал шесть подписей членов правления Союза писателей под ответом на письмо одиннадцати через тогда контролируемую евреями «Литературную газету». Но письмо развалилось, не дойдя до печати. Мы поработали с русскими писателями, которых Симонов попытался соблазнить на русофобию. Открыли им глаза, и они разобрались.

Бой же в закулисе разгорелся не на шутку, и отчаянные столкновения шли с попеременным успехом.

7. Русские ослушались!

Русские не только не сдались, «безмолвствуя», на милость победителя, как было привычно заведено в советское время, но - дерзко опубликовали свой русский манифест - «О ценностях относительных и вечных», блестяще написанный Сергеем Семановым. Мы понимали, что таким манифестом бросаем вызов уже даже не «хромому бесу» Яковлеву, а всей коммунистической идеологии. Требуем коренного пересмотра её принципов. Поднимаем своё Русское Знамя и громогласно объявляем, что готовы насмерть сплотиться под ним.

Впечатление, которое произвёл «семановский» манифест (так его довольно быстро прозвали и в наших, и в «их» кругах), было огромным. Последовательно по логическим темам, манифест охватывал всю панораму общественной жизни страны, брал все болевые точки. И спокойно, доказательно, заглядывая в прошлое и показывая, как оно может, если им гордиться, плодотворно работать на современность, обозначал путь, по которому мы, русские, хотели бы, чтобы наше общество развивалось и державно укреплялось. Многие вслух говорили (и даже в высоких партийных кругах, на уровне помощников Демичева, Суслова, Черненко, самого Брежнева), что вот так, в такой проникновенной, спокойно объяснительной манере на уровне «столыпинской» патетики надо бы готовить для Генерального отчётные доклады на съездах. А то, мол, наш яковлевский отдел пропаганды только руками умеет размахивать и ярлыки клеить. А тут программа просто и ясно, без иностранных слов подана - и кто враги, и кто друзья, и что делать всем сразу, по крайней мере, совершенно понятно. И я подозреваю, что от помощников такая оценка «манифеста» шла не по их собственной инициативе.

А вот кто буквально взбесился, так это «яковлевская свора», пытавшаяся монополизировать «голос партии». Те аж на стенку полезли: в этих «Русских клубах» уже для партии готовую разработанную программу подносят на блюдечке с голубой каёмочкой?!

Русский манифест резко изменил политическую атмосферу в обществе. До этого в статьях Чалмаева, Лобанова было, как выразился А.И. Солженицын в памфлете «Бодался телёнок с дубом», действительно нечто вроде нечленораздельного русофильского «мычанья» - праведного, но несколько забитого. С фигой в кармане. Как бы дерзящего из-под полы. А тут уже вполне чёткий и уверенный голос прорезался. Мы уже не жаловались, не вздыхали, не скулили, мы чётко формулировали нашу программу и не боялись, что хуже «их», хуже какого-нибудь липового доктора наук из Отдела пропаганды Яковлева знаем свою историю.

Сергей Семанов, как князь Святослав иудейским хазарам, гордо и уверенно послал «яковлевцам» бересту: «Иду на вы». И не надо подозревать нас, что мы поступили так спонтанно. От отчаяния. Вышли навстречу противнику на брустверо со Знаменем, потому что уже решились на все. Цех, мы верили в себя и решили воевать по всем правилам современного полководческого искусства. Недаром Сергей Семанов написал несколько книг о выдающихся русских полководцах. Мы использовали военную науку.

Скажу честно про себя. Я понимал, что рискую головой, что будут долго и - самое страшное: тихо! за кулисой! - бить. Но надо спасать Русскую Идею, и я, используя все сугубо профессиональные познания и всю самую свежую закрытую информацию, обнародовал на страницах «Молодой гвардии» (1970, № 3) программно-теоретическую статью с вызывающим заголовком «Силуэт идеологического противника». Я не говорил о наших ценностях - это предстояло фундаментально сделать

Семанову. Я лупил из всей силы по «их» ценностям - по их окопам. Эта была артподготовка перед наступлением - артиллерийское обеспечение русского манифеста.

Уже в названии стояло «силуэт» - ещё даже до «Русофобии» Шафаревича. Но мы подстраховались. Статья начиналась с цитаты из «работы» члена Политбюро, второго секретаря по идеологии Суслова, а заканчивалась цитатой из «работы» кандидата в члены Политбюро - рабочего секретаря по идеологии Демичева. Так тогда было принято, и они, зная меня, бегло «проглядели» статью до публикации и дежурно согласились. Мол, валяй! Тем более, что статья была замаскирована под развёрнутую рецензию на две «апробированные» книги Марушкина и Кортунова, только что выпущенные «Наукой» и «Политиздатом». Они решили, что это очередной «барабан».

Но в том-то и дело, что пафос статьи был отнюдь не обычный, не барабанно догматический. Её пафос был таков: «Во время войны, помнится, нас учили угадывать вражеского налётчика по характерному силуэту самолёта. Нам показывали образец, и мы потом угадывали врага безошибочно. В наше мирное время быстро различать противника стало труднее». Но мы, мол, поможем. И подробнейшим образом с цитатами из закрытых источников я объяснял, что на самом деле в планах ЮСИА - американского агентства по контрпропаганде, нашего прямого идеологического противника, и иже с ним (то есть наших частично оболваненных «дерьмократов», частично сознательных антисоветчиков иудеев-«сахаровцев») - стоит за подсовываемой нам через «Новый мир» и «Юность» программой «конвергенции».

Я для отвода глаз пару раз похвалил Марушкина и Кортунова, что-то процитировал. Но в действительностито статья опиралась целиком и полностью на совершенно иные - оперативные материалы, и ядро её было в разъяснении именно новейшего инструмента в руках русофобов. Помянув про «ленинское учение об эпохах русского освободительного движения» - весь акцент на русском освободительном движении! намёки-то какие грозные: начинается, мол, новая эпоха в «русском освободительном движении!»- я дальше предупреждал: «Поэтому сегодня шансы пропагандиста, вооружённого «статичной моделью» советского общества, стали минимальными. Надо уж действительно давно не читать ничего о прошлом России, кроме энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, чтобы поверить в «национальный русский тоталитаризм» или отождествлять тех же славянофилов с крепостниками, а затем большевиками. Понимая все это, руководители «четвёртой сферы» (профессиональное обозначение СМИ - средств массовой информации) срочно стали перестраиваться. Так явилась «динамичная» теория «конвергенции», то есть «растущего сходства и конечного слияния» социалистической и капиталистической систем». Я цитировал академика Сахарова, не называя ни его, ни его тень Боннэр. И дальше сразу переходил к Теодору Герцлю - основоположнику сионизма. К профессиональным антисоветчикам, вроде А. Мейера. И тут же в стык цитировал - не худо-бедно, а секретные инструкции резидентам НАТО в

социалистических странах, как определять, какие группировки в настоящий момент наиболее восприимчивы к психологическим операциям Запада. Наша русская белая эмиграция тоже кое-что тогда умела перехватить!

Материал у меня был убийственный. Тут бы завопить! Но я сознательно избрал несколько академический тон. И результат был самый действенный. О статье говорили на всех собраниях. Первый секретарь Союза писателей РСФСР Леонид Соболев с трибуны назвал её «глотком кислорода в затхлой местечковой атмосфере». Но никто, ни в одном противоборствующем органе печати её не решился облаять. Даже Александр Николаевич Яковлев смолчал на летучке для главных редакторов. Не по зубам. Такую статью бить - это самому раздеться и сказать: «Вот я - агент американского влияния. Берите меня голеньким».

А прямо в стык к «Силуэту» уже в журнале «Москва» (1970, № 9) появилась моя статья «Воткнутые деревья», в которой, развивая тему, я показал, что вместе с сомнительными западными ценностями нам одновременно всякими «вайнштейнами» и «ягодовскими» цинично, как отрава серым мышам, подбрасывается программная «девальвация ценностей», построенная на иудейском всеотрицании, и главное - наносится циничный и беспощадный удар по русским традициям, на которых, собственно, и держится нация. Цель моих статей была максимально обезопасить русский манифест от «жидовствующей» критики и привлечь к нему широкое общественно внимание. В бою - как в бою! Если уж знамя поднимаем, то надо его хорошо прикрыть.

Статью «Воткнутые деревья» мне заказал журнал Союза журналистов СССР «Журналист», и она была уже набрана. Но когда сигнал номера прочитал президиум Союза, то перепугался:

- Это статья на снятие с треском главных редакторов ряда изданий. Мы, Союз журналистов, вроде бы должны защищать своих, а мы их выдаём с потрохами...

Вёрстку унёс с собой Анатолий Софронов, главный редактор «Огонька», и пригласил меня к себе в кабинет:

- Я напечатаю срочным набором!

Мы часа два обсуждали проблему, но я печататься в «Огоньке» отказался. Я за всю свою жизнь ни разу не опубликовался в слишком уж «конформистском» «Огоньке» - разве только давал фотографии для обложки, после ВГИКа я немного баловался «для себя» художественной фотографией. Но публиковаться в «Огоньке» за собственной подписью? Это было бы делать уж слишком явными мои тайные связи - все ведь знали, что Софронов - друг Черненко, а первый читатель журнала - Брежнев. Да и вообще это было бы немножко «моветоном». Русские умы могли печататься у «противника» - в «Новом мире», охотно участвовали в дискуссиях на страницах «Литературной газеты», хотя знали, что их приглашают для того, чтобы хорошенько приложить за русские идеи. Но несколько чурались «Огонька» с его многочисленными официальными

фотографиями Брежнева, хотя в принципе фотографии эти были всего лишь «светской хроникой», естественной в иллюстрированном общественно-политическом еженедельнике. В русском лагере не принято было славить Брежнева - вообще безудержно славить власть имущих, как это делали беспринципные «жидовствующие», вроде Коротича. Мы власть поддерживали, но - как свою Державу. Ради сохранения своей Державы. А гимны советской власти никогда не пели, сознательно вынося её оценки как бы за скобки русского публичного мировоззрения. Считали, что оценки - это дело будущего, когда «Русская партия внутри КПСС» окончательно русифицирует КПСС и получит абсолютно доминирующие позиции. Вот тогда, мол, и разберёмся с «ними». А к этому тогда все шло.

Посоветовавшись, мы с Софроновым нашли для публикации «Воткнутых деревьев» более нейтральный и интеллигентный журнал «Москву». Так удар должен был прозвучать заведомо объективнее и сильнее.

Воткнутые в русскую почву, но так и не укоренившиеся деревья - это, конечно, «они». Партруководство наиболее опасным участком культуры всегда считало изобразительное искусство. В мастерских ряда художников иностранные корреспонденты и чины посольств буквально паслись. Процветал чёрный рынок живописи с «утечкой» на Запад. Да и я сам лицезрел, стоя за спиной Фурцевой, знаменитый хрущёвский скандал в Центральном выставочном зале в Манеже, когда рассвирепевший бузотёр Никитка с налитыми кровью свиными глазками топтал ногами картины.

Я изобразительное искусство хорошо знал изнутри. Мало что работал в изобразительном отделе газеты «Советская культура» в самые острые дни хрущёвской «антиживописной» дури. Но моим крёстным отцом был первый секретарь Союза художников СССР, всемирно известный живописец, поживший во Франции, беспартийный, глубоко православный Сергей Васильевич Герасимов.

Человек с русским характером, он категорически отказывался рисовать Сталина, что на волне «Оттепели» и предопределило его избрание «вольными художниками» своим персеком. Сергей Васильевич в 1964-м умер у меня на руках в Кунцевской «кремлёвке» с именем Христа на устах, я уже не мог никак крёстному повредить, и я в «Воткнутых деревьях» разошёлся. Я цитировал А. Бенуа: «...То, чем мы сейчас любуемся в иконах, - не только просто их яркие краски, их изумительная графичность, их ни с чем не сравнимая техника, но - и это главным образом - глубина духовной жизни, в них отразившаяся». Я славил икону за дух. Это в советское-то время. И в стык статья на массе примеров показывала, как «девальваторы ценностей - вайнштейны-рубинштейны» пытаются взорвать отечественные традиции «психологической глубины в живописи» при активной поддержке «своих» журналов по изобразительному искусству «Творчество» и «Декоративное искусство СССР». Я цитировал мечту П. Кончаловского: «Создать живой пейзаж, в котором деревья не просто торчат, воткнутые в землю, как это часто

приходится видеть в современной живописи, а логически вырастают из земли, как у старых мастеров, чтобы зритель чувствовал их корни». И я комментировал, приведя пример, как «вайнштейны» издевательски называют русских «провинциалами»: «Воткнутые деревья» и зритель, который «чувствует корни», - вот она суть конфликта!»

Суслов попрекнул меня: «Ну, почему противопоставлять «им» надо было именно иконы?». Но оргвыводы по «ним» последовали незамедлительные: главные редактора обоих журналов были сняты, выставкомы укреплены русскими художниками.

Андропов был в таком шоке от «Силуэта идеологического противника» и «Воткнутых деревьев», что возненавидел всю партийную службу «К» (контрпропаганды), переигравшую его, как он посчитал. Он метал громы и молнию в свою тупую «пятёрку», которая умеет ловить только придурков с листовками-прокламациями, и решил срочно преобразовать свою собственную бездарную службу «К» в мощное Управление «К».

Впопыхах он потерял бдительность и не нашёл лучшей кандидатуры, чем проштрафившийся и даже выводившийся из престижной внешней разведки в ссылку в Ленинград, но как раз под руку подвернувшийся «сомнительный» Олег Калугин.

Я говорю про потерю бдительности самим Андроповым - но это ещё очень мягко говорю, потому что управление «К» - внешнюю контрразведку, «которая является продолжением нашей внутренней контрразведки за рубежом» (формулировка самого Андропова; здесь важно именно «контр», то есть контролирующая своих и выявляющая двойных агентов), была лично Андроповым передоверена человеку, на которого ещё перед этим личным волевым назначением были сигналы, что он в Америке был «повязан». Увы, мы никогда уже не узнаем, почему Андропов вдруг наплевал на протесты собственного отдела кадров и вдруг доверился Калугину? Что их связало?

Оба «агента американского влияния» (выражаюсь формулировкой в их адрес председателя КГБ Крючкова!) - и Яковлев, и Калугин - стажировались в Америке, в Колумбийском университете, поставляющем спецкадры. Но это ещё ничего никому не доказывает конкретно. Нам гораздо важнее, что практически именно сомнительному Калугину Андропов доверил проверять все КГБ, то есть собственноручно вручил тому получить полную информацию о КГБ. Сдавай КГБ с потрохами, если захочешь, противнику. А потом, уже после смерти Андропова, вдруг скандал, вплоть до лишения Калугина генеральских погон и увольнения из КГБ. Профессионалы давно не стесняются между собой называть Калугина «наш прекрасный предатель». Выражение руководителя управления «С» (нелегальная разведка), а затем заместителя руководителя внешней разведки генерал-лейтенанта Вадима Кирпиченко. Но только в июне 2003 года Мосгорсуд заочно приговорил Калугина к 15 годам лишения свободы в колонии строгого режима по статье «государственная измена». Почему же как Горбачёв попался на крючок

Яковлеву, так Андропов попался на крючок Калугину? Это тайна за семью печатями.

Есть, правда, одна версия, согласно которой Андропову нужен был в одном из управлений человек, имеющий опыт внешней разведки и одновременно ущемлённый, обиженный, который своим возвращением в «святая святых» всецело только Андропову лично обязан. Некто Олег Греченевский (фамилия это явно псевдоним, за которым, судя по материалу, стоит человек, достаточно компетентный в теме) опубликовал в Интернете информацию о том, что Андропов, кроме общеизвестных, сформировал свою тайную личную разведку, с главой которой председатель КГБ встречался, как и с товарищем Чазовым, начальником 4-го управления Минздрава (в просторечье «кремлёвкой»), на конспиративной квартире.

Почему столь секретно? Греженевский объясняет: «Во-первых, сугубая конспиративность здесь нужна была, чтобы скрыть эти встречи от «сторожевых псов», Цинёва и Цвигуна (своих замов, подложенных под него Брежневым). Во-вторых, эта личная спецслужба занималась именно тем, что чекистам было строжайше запрещено: вела оперативную разработку партийного аппарата и готовила почву для захвата КГБ власти над страной. В-третьих, эта спецслужба состояла из разведчиков - и действовала теми методами, которые они применяли, находясь на вражеской территории. То есть: сбор компромата - шантаж - вербовка! А если нужно - то и автомобильная катастрофа» («Завтра», 2004 г., № 42). Все в версии сходится, и все сразу в особых взаимоотношениях Андропова и Калугина объясняет. Но, повторюсь, это только версия.

А вот что перебежчик сам пишет в книге, не без вызова названной «Прощай, Лубянка!» (М.: ПИК - Олимп, 1995). Цитирую: «Итак, с лета 1972 года начался новый этап в жизни внешней контрразведки. Нам добавили людей, средств на приобретение оборудования и создание современного банка данных. С переездом в Ясенево мы получили отличные кабинеты, в которых разместились сотни офицеров. Шесть оперативных отделов охватывали все географические районы мира, из них три специализировались на эмиграции и центрах идеологической диверсии. Седьмой отдел выполнял роль аккумулятора информации, стекавшейся из оперативных отделов, а также других подразделений ПГУ, КГБ и ГРУ. Здесь же сосредоточивались все публикуемые на Западе материалы о деятельности спецслужб всех стран, досье на разведчиков ЦРУ. Этот отдел готовил и обобщённые справки об оперативной обстановке за границей, и ежедневные сводки о происшествиях в совколониях, и долгосрочные прогнозы. Стержнем работы управления, пронизывающим деятельность всех его отделов, стала организация агентурного проникновения в стан главного противника - Центральное разведывательное управление США и союзные с ним спецслужбы НАТО, подготовка и проведение активных мероприятий, направленных на сковывание, пресечение и разоблачение их подрывных операций против СССР и стран социалистического содружества. К тому времени состояние внешней контрразведки, как отмечалось выше, было плачевным. Ценные

источники информации сохранялись лишь во Франции». Состояние было плачевным!

Я сознательно дал большую цитату, чтобы была ясна та картина развала, которую оставит Андропов своему ставленнику Михаилу Горбачёву. Единственно, чем лично занимался Андропов-Файнштейн, это печально знаменитой «пятёркой». А остальных проверял на надёжность Калугин. Выходит, сам Андропов своими руками практически сдал КГБ противнику. Оттого оно и не сработало, когда советская власть зашаталась. Опору Андропов из-под КГБ выбил.

Процитирую ещё один абзац из книги Калугина: «Прага и Карлови-Вари использовались нами как пункты встреч с интересующими КГБ лицами из числа эмигрантов, активистов сионистского движения. Здесь же проводились крупные совещания спецслужб стран Восточной Европы, Кубы и Монголии. В последнем таком совещании мне пришлось участвовать в апреле 1979-го года». То есть все в одном месте, видны, как на ладони. Умел работать Олег Калугин. На кого? Калугин не стесняется объяснить: мол, начальник польской разведки Мирослав Милевский «хорошо усвоил советский стиль доклада высшему руководству страны, настроенный на смеси правды, полуправды и лжи» (там же). Теперь вам понятно, почему Брежнев к концу своего правления уже не доверял Андропову?

Андропов-Файнштейн после «Силуэта» и «Воткнутых деревьев» сразу затих. Как мы поняли - готовился. Осознал, что его переиграли, и хотел, создав свою службу «К», хорошенько вооружиться, чтобы воевать, имея за спиной тоже, по крайней мере, начитанных и информированных профессионалов.

А тем временем общество вдосталь читало и одобряло русский манифест - «О ценностях относительных и вечных».

8. Низвержение хромого беса

Андропов затаился. Но Яковлев, оставшись один, не унялся. Он был всегда авантюрист, но шёл до конца. И «иудеи» по команде «хромого беса», как шавки, ещё яростнее набросились на «Молодую гвардию». Меня не называли, но за меня крепко били других авторов «Молодой гвардии», не защищённых цитатами из Суслова и Демичева и профессиональным весом в «контрпропаганде». Дым стоял коромыслом - не печать, а бесовский иудейский шабаш.

Основной удар, естественно, оппоненты наносили по русскому манифесту - «О ценностях относительных и вечных», написанному Сергеем Семановым.

Но и как «они» могли такое стерпеть? Сам Яковлев вспоминает с ненавистью: «Семанов славил «национальный дух», «русскую почву», сделал вывод о том, что «перелом в деле борьбы с разрушителями и нигилистами произошёл в середине 30-х годов». Словно бы и не было XX съезда с докладом Хрущёва о преступлениях Сталина».

И - выворачивается змеёй: «Подобное кощунство над трагедией российского (? - ну сказал бы уж прямо: еврейского. - А.Б.) народа шокировало общество. Посыпались письма в ЦК. Появились возмущённые отклики в «Комсомолке», «Литературке», «Советской культуре» (то есть в тогда подконтрольных иудеям органах. - А.Б.). Адепты шовинизма явно перебрали. Собранные нашим отделом письма я направил в Секретариат ЦК».

Яковлев суетился, сколачивал «общественное мнение».

Но и наши уже огрызались вовсю. На собраниях - так уже прямо поливали «проеврейский агитпроп».

Беспомощной оказалась попытка раздать всем сёстрам по серьгам через главный теоретический орган партии журнал «Коммунист». Делался вид, что статью «Социализм и культурное наследие» подписал реальный руководитель ВООПИКа В.Н. Иванов, первый заместитель председателя президиума общества, бывший директор музеев Кремля (как и в других советских общественных организациях, председатель у нас был декоративный, для официального веса - на уровне зампреда Совмина РСФСР). Над статьёй так и поставили - В. Иванов. Но готовили её по механизму подготовки партийных документов целым аппаратом. Больше всех суетился А.Н. Яковлев, однако ему особенно разойтись Суслов не дал. Статья получилась и вашим, и нашим, и всем спляшем. Большую её часть занимал ни уму, ни сердцу ничего не дающий талмудический набор цитат из В.И. Ленина, вроде «хранить наследство - вовсе не значит ограничиваться наследством». Но статья уже не могла не лягнуть ползучую «конвергенцию» и «попытки истолковать социалистическую культуру как лишённую всего национального».

Осуждались апологеты «ультрасовременного, в сущности, безнационального стиля», навязываемого под флагом «конвергенции» и теорий единого «индустриального общества», «вместо традиционного стиля классиков». Первый удар наносился по статье А. Дементьева «О традициях и народности» в «Новом мире» (№ 3, 1969) - за то, что: «Полемизируя с отдельными проявлениями идеализации патриархальщины, он высказал недоверие вообще национальным чувствам и подверг осмеянию то, что и в самом деле дорого народу: любовь к родной земле и т.п. Подобным же образом Вл. Воронов в статье «Заклинания духов» («Юность», № 2, 1968) впал в непозволительную иронию над самими понятиями и явлениями, характеризующими духовную суть народной жизни».

Но затем следовали нападки на «Молодую гвардию» - за «пожалуй, именно беспрецедентный для нашей современной критики внесоциальный подход к истории, смешение всего и вся в прошлом России, попытку представить в положительном свете не только истинные ценности в нём, но и все реакционное, вплоть до высказываний даже таких архиреакционеров, как Константин Леонтьев, В.В. Розанов и т.п.».

Заканчивалась статья в «Коммунисте», естественно, руганью в адрес

статьи С.Н. Семанова «О ценностях относительных и вечных» - за «оценки, явно идущие вразрез с марксистско-ленинской методологией вплоть до попыток найти в политике самодержавия некие прогрессивные моменты, которые якобы способствовали укреплению национального самосознания». Причём аргументов не приводилось никаких. Да возразить что-то по существу Семанову было и невозможно - он всегда умел чётко формулировать русские позиции. Поэтому «Коммунист» ограничился абстрактным «лаем»:

«Печать неоднократно критиковала подобные ошибки ревнителей старины. Но они не считаются с этой критикой... «Литературная газета» в реплике правильно отмечала, что подобное выступление есть очередная попытка под видом дискуссии подвергнуть сомнению давно решённые и ясные вопросы».

Кем решённые? «Ими»? «Жидовствующими» русофобами, стремящимися ещё с 20-х троцкистских годов перечеркнуть русскую историю и опоганить русскую нацию? Теоретический журнал партии «Коммунист» предпочёл тут в полемику не вступать. И его нападки на Сергея Семанова повисли в воздухе. Повторить за «русофобами» их глупости и дремучую местечковую невежественность теоретический журнал партии таки устыдился.

Яковлев в мемуарах потом жаловался: «Ситуация с «Новым миром» и «Молодой гвардией» ясно показала, что либерально-демократические надежды к началу 70-х годов явно потускнели». То есть, говоря проще, ползучей «дерьмократической» контрреволюции тогда мы, русские, дали по морде.

Яковлев прямо рыдает по тогда побитым подрывникам-«дерьмократам». Он злобно шипит: «Их буквально оттеснила на обочину охранительная тенденция, в которой отчётливо пробивалось стремление реабилитировать Сталина, отгородиться понадёжнее от внешнего мира и покрепче завинтить гайки после «оттепели». В открытую заявляли о себе шовинистические и антисемитские (!) настроения... Аппарат партии постепенно терял контроль над духовной жизнью общества. Он метался - то громил, то уговаривал, то подкупал. Руководство партии панически боялось свободы творчества и свободы слова. Здесь и было зарыто главное противоречие. С одной стороны, нельзя было публично поддерживать шовинизм и антисемитизм, да ещё в исполнении убогой бесталанной писательской группировки».

Стоп. Поясним, что у «Яковлевых» талантливы всегда только «они» - только «жидовствующие», а коренные русские всегда заведомо бесталанны, хотя у русских, напротив, пользовались тогда редкой популярностью именно русские писатели, тот же Анатолий Иванов и все иже с ним. Сериалы «Тени исчезают в полдень» и «Вечный зов» смотрела вся страна. Книги серии ЖЗЛ, выпускавшиеся редакцией Семанова, котировались превыше всего. Молодогвардейскую критику читали взахлёб все думающие русские люди.

Далее Яковлев признаёт: «В то же время либерально-демократические позиции и вовсе противоречили политическим принципам партии. Я помню эти метания - потрафить всем, понравиться тем и другим. Приведу только один пример. Сразу же после статьи в «Коммунисте» секретарь ЦК Демичев принял членов редколлегии этого журнала («Молодой гвардии»). Разговор продолжался более двух часов. Иванов, Фёдоров, Солоухин, Чивилихин, Лобанов, Фирсов говорили Демичеву, что позиция защиты патриотизма в журнале верная, а потому им непонятны обвинения, что линия идёт вразрез с линией ЦК».

Да, позиция «Русской партии внутри КПСС» была уже настолько сильна, что мы не только не сдались на окрик из теоретического журнала партии, но ещё и решительно потребовали объяснений от самого секретаря ЦК. И в результате Демичев практически вынужден был дезавуировать статью в «Коммунисте». Яковлев вспоминает: «Трудно сказать, что повлияло на секретаря ЦК: то ли клятвы визитёров в своей верности линии ЦК, то ли указания «сверху», то ли забота о собственном выживании, только Демичев заверил их, что антипартийной линию журнала никто не называл, никакого документа в ЦК о неправильной линии журнала не существует... Что касается борьбы с буржуазной идеологией и защиты патриотизма, то эта линия заслуживает полной поддержки».

Указания Демичеву «сверху», естественно, были - мы могли уже убеждать членов Политбюро и самого генсека. Тем более, что особо и убеждать-то его не пришлось. Статья «О ценностях относительных и вечных» ему сразу понравилась. Конечно, ему на неё «они» потом стали капать, пугать его каким-то якобы подтекстом, якобы намёками.

А он? Увы, при всём моём уважении к Брежневу, я не могу сказать, что он был, как Сталин, решителен. Ему положили на стол программу, которая ему понравилась. А ведь перед этим «они» исподтишка все время именно и обвиняли-то его в том, что у него нет программы. Именно на этом играли, противопоставляя ему сначала «железного Шурика» Шелепина, потом Романова и Гришина. Так схватись за понравившуюся программу! Вызови этих смелых и умных молодых людей, поручи им её доработать, расширить! Тебе Провидение в помощь. К тебе помощники сами пришли. Такой тебе Господень подарок. Но, увы, Брежнев запомнил имя, посоветовал Черненко взять имя на заметку для «кадрового резерва». Но все это как-то бюрократически, с оглядкой, как бы кого не обидеть ю стоящих в бесконечной очереди на повышение партийных работников. Соблюдением порядка в этой длинной парточереди за привилегиями Брежнев очень дорожил. Вот и угодил с нею в «застой». Потому что по очереди приходили серенькие ненашевы-невашевы и тормозили развитие страны и общества.

Нет, не решился Брежнев круто повернуть руль.

Но, во всяком случае, чего-то мы все-таки добились. Мы крепко держали в своих руках каналы закрытой информации. И о «собственном выживании» любому секретарю ЦК уже теперь надо было подумать,

прежде чем вызывать недовольство «Русской партии внутри КПСС», ибо это теперь стало игрой с огнём. Маятник качнулся в русскую сторону. Это поняли все аппаратчики.

После победного визита в ЦК «Молодая гвардия» почувствовала свою силу, и весь русский лагерь не только не притих, а, напротив, стал напирать жёстче, наступательней и обоснованней. Мы видели, что в закулисье партии Яковлев морально умер - это уже сыгранная фигура, которой надо лишь помочь упасть, как перезрелому подгнившему плоду. Мы, русские в контрпропаганде, сделали правильные выводы после прямой схватки и избавились от мягкотелости, от обтекаемых формул, стараясь в закрытых сводках для Политбюро чётче и без обиняков показывать, кто ведёт разрушительную работу в стране. Песенка Яковлева была спета. Но самодовольный авантюрист ещё обольщался, что его повысят - сделают зав. отделом. Перенадеялся на влиятельность «Иудейской партии внутри КПСС», напирал на свою знаковую борьбу с антисемитизмом и сдуру распространил про себя слух, что был главным закопёрщиком и редактором статьи в «Коммунисте». А итог? В русских кругах открыто острили, что кандидат исторических наук Семанов с «Ценностями относительными и вечными» оказался лучшим теоретиком, чем занимающий не свой стул, образованный на краткосрочных масонских курсах в Америке, липовый доктор исторических наук Яковлев.

И уж, конечно, все эти остроты гебешными и партийными спецслужбами, как положено, оперативно доводились до ушей Андропова и членов Политбюро. Сам Яковлев вспоминает, как от него в испуге отвернулись даже единомышленники-евреи: «Арбатов, мы с ним играли на бильярде, сказал мне: «Тебе, Саша надеяться не на что. Тебя не утвердят». Тогда мы были с Арбатовым в «никаких отношениях». Это потом стали друзьями. Тем же вечером Александр Бовин с присущей ему прямотой сказал: «Ты, Саша, не расстраивайся, мы тоже подложили дерьма в твой карман». Надо полагать, соответственно настроили Андропова».

Но Яковлев не был бы Яковлевым, если бы сдался. Он решил все-таки показать, какой он умный. Доказать, что его напрасно русская закулиса смешала с грязью, что он, не хуже Троцкого, обладает красноречием и умеет переубеждать.

15 ноября 1972-го года он опубликовал в «ихней» «Литературной газете» обширную статью на разворот «Против антиисторизма», подписанную жирными буквами «А.Н. Яковлев». Этого-то то мы и ждали.

Про статью Дементьева сам Яковлев потом цинично объяснял: «Статья Дементьева была полна лукавства. Это очевидно. Но тогда нельзя было обойтись без использования марксистских банальностей. И, тем не менее, несмотря на искусственную оболочку…». Про собственноручное творение, хотя рука была одна, он объясняет то же самое: «Моя статья, как и статья Дементьева, была выдержана в стиле марксистской фразеологии. Я обильно ссылался до Маркса и Ленина, и все ради одной идеи - в острой форме предупреждал общество о нарастающей опасности

великодержавного шовинизма, местного национализма и антисемитизма».

Понятно, почему Яковлев так настойчиво себя выставляет борцом с антисемитизмом, - это для «жидовствующего» как клятва: «я свой», «я весь ваш».

Вся статья была образцом двурушничества и ползучей конвергенции. Ища поддержки в определённых кругах, он как только не заигрывал с «интеллигенцией», как только её не ублажал. Прямо конвергенцию Яковлев не пропагандировал. Но в первом «информативном» разделе своей статьи, «свёрнутом» по принципу талмудистской (то есть сионистской) конфеты, где информативное ядовитое содержание формально завёрнуто в якобы отрицающую его (то есть прикрывающую) обложку, Яковлев пересказывал даже «предшественника нынешних теоретиков конвергенции Вернера Зомбарта, уверявшего, что класс образуется на основе убеждения групп людей в их общности». То есть показывал свою полную посвящённость в еврейский «самиздат».

Затем Яковлев цинично обрушивался на концепцию «истоков», которая, мол, дремуче не признаёт «сторонников «интеллектуализма»». То есть тех «интеллектуалов», взгляды которых он подобострастно пространно изложил. Он возмущался: «По адресу сторонников «интеллектуализма» мечутся громы и молнии, а сами они именуются не иначе как «разлагатели национального духа»». И обрушивался на «Лобанова, Кожинова, Семанова и других апологетов охотнорядчества».

Передёргивает и лжёт Яковлев - антисемитизма ни Лобанов, ни Кожинов, ни Семанов вообще не касались.

Великодержавным шовинизмом и, тем более, охотнорядством они не щеголяли. Однако на воре шапка горит. Передёргивая Лобанова, а тем паче скрупулёзно научно выверенного Семанова, приписывая им «антисемитизм» и «охотнорядство», Яковлев невольно сам раскрывался. Невольно показывал, что, как и все «жидовствующие», больше всего боится панически ненавистного им черно-злато-белого знамени «Союза Русского Народа», и прояснял свою отщепенческую, продажную, подлую по отношению к русскому народу и Отечеству позицию.

Яковлев возмущался, что «Молодая гвардия» якобы «возвращает нас к давно высмеянной привычке путать понятия «отечество» и «ваше превосходительство» и даже предпочитать второе первому». Больше всего он негодовал, что в молодогвардейской антологии русского стиха «О Русская Земля!»- «без всяких комментариев опубликовано стихотворение видного русского поэта первой половины прошлого века Н.М. Языкова «К не нашим», в котором есть такие строки: «Вы, люд заносчивый и дерзкий, вы, опрометчивый оплот ученья школы богомерзкой, вы все - не русский вы народ!»

О, как мы потирали руки, радуясь яковлевскому грубому просчёту! Ну, вот ты и в наших руках, замаскированный агент влияния! Прежде нам было трудно Яковлева размазать в лепёшку, потому что он действовал не

от своего имени, а от имени партии. На партию открыто не попрёшь. Приходилось действовать «подтекстами», аллюзиями, иносказаниями. А со своей жалкой подписью Яковлев! Да кто он такой? Даже не член ЦК. Ну, тряситесь, «жидовствующие»!

Теперь, когда «ихний» знаменосец раскрыл напоказ себя, мы получили возможность по нему уже совершенно конкретно, с его названным именем (раз статья им подписана, то уже и тайное имя названо!), повести прицельный ракетный огонь и уничтожить. Повторюсь, мы уже были не те дети, что в начале «Русских клубов». Мы развили такую контрпропагандистскую активность, что даже друг Андропов в ужасе отшатнулся от подельника и потом довольно долго его не мог простить.

Мы разобрали каждый столбик его не слишком умной и гладкой статьи - Яковлев, как модный тогда у евреев Эльсберг, писал всегда заумно и не точно. В крикливом «приблизительном», жонглирующем наклейками, как булавами, клоунском стиле местечковой «красной профессуры». Одним словом - не Маркс. Поддеть и раскрутить его, не очень-то понимавшего точный смысл иностранных слов, которыми на показуху, на дешёвку он пользовался, было не так уж сложно. Тем более, что у нас в руках была сахаровская (придуманная в Америке) подрывная «конвергенция», к которой просто было прицепить и утопить с головой всего Яковлева.

Мы ведь уже знали конспирологическую и катакомбную литературу не хуже, а лучше «их». Мы и цитатки знали, как подобрать и в праведных целях «дожать». Тут же на стол к Брежневу лёг подробнейший профессиональный разбор яковлевской статьи с указанием на сомнительные идейные источники, откуда он свои мысли черпает, - то есть на еврейскую эмигрантскую прессу, на амальриков и померанцев. Брежнев сам разбираться не стал, никогда не любил что-то долго читать. Но с грозным видом передал все Суслову. А у начётчика Суслова после ознакомления со специальной - параллельными столбиками! - подборкой «зеркальных цитат», волосы дыбом стали.

Семанов издевается в «Русско-еврейских разборках»: «На неловкого авантюриста обрушились все: и сторонники молодогвардейцев, и разбитые сталинисты, и замшелые столпы и профессора соцреализма, и старик Шолохов из Вешенской, и, наконец, был дан повод партийным ортодоксам: как учить партию через «Литгазету» от имени партии выступать не члену ЦК?»

Да, мы уже умели теперь работать с разными слоями интеллигенции. Всем уши прожужжали, всем адресно цитатки - каждому именно те, за которые тот, понимали, не сможет, не ухватиться, - «доброхотно» подсунули.

Мы и с националами поработали. Яковлев в мемуарах скулит-жалуется: «Шелест и Рашидов, угодничая, а может быть, по подсказке «сверху», инициировали обращения местных писателей, что я «оскорбил

старшего брата», обвинив некоторых русских полуполитиков-полуписателей в великодержавном шовинизме и антисемитизме».

А Михаил Шолохов, к которому мы специально съездили, сообщил в ЦК, что Яковлев грязно обидел честных патриотов и предупреждал, что он поставит об этом вопрос на ближайшем Пленуме ЦК.

Брежнев вслух ругался: «Этот м-к хочет меня поссорить с интеллигенцией!» Суслов кивал. Демичев все понял - вызвал Яковлева, завёл наводящий разговор о житьё-бытьё. Яковлев вспоминает: «В ходе разговора о житьё-бытьё я сказал, что, видимо, наступила пора уходить из аппарата. Демичев почему-то обрадовался такому повороту разговора. Как будто ждал: «А ты не согласился бы пойти директором Московского пединститута?». Это уже было номенклатурной насмешкой - с такого-то ключевого поста, при яковлевских-то амбициях?! Яковлев стал проситься хоть в послы к своим заокеанским попечителям - в Канаду. В номенклатуре было принято, что проштрафившихся отправляют в послы. Проситься в США он не решился. Но надеялся, что хоть в Африку, вместо пединститута, попадёт. И на следующее же утро лёг в больницу - это тоже было в номенклатурных традициях, отлёживаться при крупных неприятностях в Кремлёвке, выжидая, пока спадёт гнев Самого.

Но тут отлежаться не удалось. Брежнев неожиданно сразу согласился: «Все недовольны! Надо его скорее убирать. Куда-нибудь загнать за Можай. В Канаду хочет? А пускай! Пусть со своей любимой Америкой нам связи из Канады налаживает, и взять его под неусыпный контроль». Вопрос решался настолько оперативно, так Яковлев достал всех, что ни в чем не провинившийся посол в Канаде Мирошниченко был отозван из аэропорта, где находился, возвращаясь к месту работы после отпуска. Десять лет день в день мы не будем видеть «хромого беса» в России. При Брежневе ему дорога на Родину была закрыта.

В своих мемуарах Александр Николаевич потом скулил, что у него дружба со спецслужбами так в посольстве и не наладилась. Впрочем, почему многочисленны как раз в то время провалы нашей агентуры в Канаде, за которые не хотел отвечать посол?.. Боюсь сделать вывод.

Второй Ильич был миролюбив и убирал оппозиционеров не в концлагеря, а в послы. Но Яковлев-то стал сыгранной фигурой, а что делать дальше? Как поступить со сцепившимися насмерть органами печати, выразившими соответственно позиции «Иудейской партии внутри КПСС» и «Русской партии внутри КПСС»?

За кулисой пошли бои по самым принципиальным идеологическим вопросам, в которые оказалась втянута верхушка партии и государства. Андропов попытался переложить вину за свои «иудейские» проколы на Суслова. Логика его аргументов изложена в книге Ф.Д. Бобкова «КГБ и власть» (М., 1995), поэтому я её попросту процитирую: «Так или иначе, но от идеологической борьбы, от «холодной войны» партия в силу позиции лидеров (надо понимать, Суслова, Черненко и самого Брежнева? - А.Б.) полностью абстрагировалась, предоставив эту честь КГБ, вольно или

невольно перенося сугубо идеологическую работы партии в сферу деятельности специальных служб».

Обвинение нешуточное. Мол, мы-то при чём? Это у вас «ваш» подопечный Яковлев под крылышком Суслова напортачил. Брежнев, Черненко, Суслов занялись разгребанием «завалов». На сугубо частные, «задушевные беседы» приглашались Твардовский, Симонов, Чаковский, Дементьев с «их» стороны. А с нашей стороны Никонов, Софронов, Алексеев, Иванов. Ну и, естественно, - поскольку я был автором «Силуэта идеологического противника» и «Воткнутых деревьев», - то и я.

Мы настойчиво обращали внимание и на «крышу» ведущейся против нас «психологической войны» - на так называемое «демократическое движение», и на «проект демократии». Мы доказывали, что это яд в пёстрой обёртке. Теперь-то все знают по собственному горькому опыту, как «демократы» развалили страну, обрекли её на распад и экономическую разруху. Теперь-то в глазах всех, даже «ихней» еврейской интеллигенции, они превратились в «дерьмократов» и практически сошли с политической сцены вместе с Егором Гайдаром. Но тогда, в середине 70-х годов, выступить против «проекта демократии» (циничное название кодовой операции США в холодной войне против СССР) надо было иметь мужество, ибо это значило прослыть сразу неисправимыми ретроградами и консерваторами.

Инструкция «Тактические основы демократического движения», по которой действовали связные западных спецслужб, координировавшие психологическую войну на территории СССР, тщательно прописывала, как организовывать «оппозицию к Политбюро и перманентное сопротивление». Но Андропов тогда носился с идеей «внести раскол» в ряды «демократического движения», для чего практически именно КГБ организовывал, например, джазовые клубы (Андропов обожал американский джаз!), выставки абстрактного и авангардистского искусства и другие «демократические» акции в духе западной культуры, в итоге сам подготавливая удобные гнездовья для летевших с Запада идеологических хищников. Не верится? Почитайте мемуары того же «Бобка» - впечатление, что КГБ только тем и занималось, что (цитирую!) «добивалось разрешения у первого секретаря Московского горкома партии, члена Политбюро В.В. Гришина открыть выставочные залы авангардистской живописи в доме на Малой Грузинской улице и в одном из павильонов ВДНХ». Вот кто, выходит, насаждал «воткнутые деревья»!

Мы же доказывали, что, напротив, надо не «воткнутые деревья» насаждать, а, как в Отечественную войну, программно вернуться на отечественную патриотическую почву. К корням! К наследию! К ценностям вечным, а не относительным. Мы утверждали, что только так сможем противостоять лже-демократам, проводящим подлую «конвергенцию», - ползучее с Запада духовное растление.

Не знаю, дошли ли наши доводы до сердца руководителей партии? Они только слушали и хмуро молчали. Думаю, что, в свою очередь, «яковлевцы» и «андроповцы» нашли, какую грязь вылить на нас. Уж

ретроградами, и консерваторами, и черносотенцами, прямыми наследниками «Союза Русского Народа», на краски не скупясь, точно нас представляли. Но, во всяком случае, сделанные выводы были в нашу пользу.

Сменили и провели тотальное «укрепление кадров» «Нового мира». Выкинули четверых «евреев» - Лакшина, Кондратовича, Виноградова и Саца. В состав редколлегии были введены первым за все отвечающим замом Д.Г. Большов (мой бывший главный ещё в «Советской культуре» - человек, по крайней мере, на «антисионизм» нами проверенный), О. Смирнов, Рекемчук и - на критику - «крепкий мужик» Овчаренко. «Ихнего» главного Твардовского вынудили 12 февраля 1970 года «добровольно» написать заявление.

«Молодую гвардию» пожурили лишь для вида. Вроде бы тоже, чтобы не устраивала шум на весь мир, демонстративно не поднимала всех русских писателей на свою защиту, чуть-чуть реорганизовали; передвинули комсомольского работника Анатолия Никонова, но - тоже главным в шикарный популярнейший журнал «Вокруг света», который на столе у каждого школьника. Суслов лично заботился, чтобы Никонова не обидели ни с окладом, ни с благами. Мы практически дополнительно приобретали в русский лагерь новый популярный журнал «Вокруг света». Каким русским рупором его можно сделать?! Рассказывать в каждом номере о русском влиянии во всём мире!

А главным редактором «Молодой гвардии» стал мой близкий друг, молодой зам. главного Анатолий Иванов. Суслов знал, что именно Иванов лично редактировал ту самую мою статью в «Молодой гвардии», «Силуэт идеологического противника», с которой пошла даже реорганизация в КГБ. Тем не менее, именно на Анатолии Иванове все - то есть Брежнев, Черненко, Суслов и даже поддержавший их Андропов - остановили выбор. Практически это было великой победой «Молодой гвардии», наших «Русских клубов», Сталинградом в русско-иудейской идеологической войне.

Мы не только отстояли Сергея Семанова - равно отстояли всех его единомышленников от нападения идеологического противника. Но и сами, перейдя в контрнаступление, «ихнего» знаменосца - «жидовствовавшего» Александра Николаевича Яковлева скинули. Вот это был «контрабандистский» (контрпропагандистский) удар!

Мы развивали успех. В закулисе на самом высоком уровне мы добились повторной тщательной чистки в бывшей хрущёвской клоаке АПН - Агентстве печати «Новости».

Здесь всплывает фигура Михаила Фёдоровича Ненашева. В известной степени показательная для света и тени в нашей подковёрной идеологической борьбе с иудеями. Наш русский «тюфяк», получавший раз за разом благодаря биографии «без примесей» и «русским взглядам» буквально ключевые посты, он начинал в Челябинске в 1967-м заведующим отделом науки и учебных заведений обкома КПСС. И о нём

очень хорошо отзывался тогда челябинец «наш» Валентин Сорокин, его «тащил» тоже челябинец комсомольский вождь Е.М. Тяжельников. Ненашев был в 1975-м взят заместителем заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС - с перспективой на заведующего. Не справился. Но был переброшен в «Советскую Россию», где восемь лет просидел. Но больше ныл: «Я не знал много из профессиональных канонов газеты: не знал, как она формируется и управляется, набирается и печатается». Не руководитель, а декорация! Кого-то он сумел из русских выдвинуть. Например, посадил в отдел культуры одарённого русского писателя Арсения Ларионова. «Категоричный в суждениях и решениях, принципиальный в позиции Арсений Ларионов» - так отзывается о нём сам Ненашев. Вот, кажется, и обопрись на такого, сделай его своим первым, таскай за собой, когда тебя перебрасывают на другие важные посты (Ненашев потом был в Госкомитете по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и на Гостелерадио - везде проигрывал, потому что приходил без своих кадров). Но сам Ненашев как-то сразу потерялся, никак не мог сам быть таким же, как тот же Ларионов, «категоричным в суждениях и решениях, принципиальным в позиции» - короче говоря, не сумел стать храбрым и умелым полководцем, включиться в тяжёлую, за каждый кустик, за каждый окоп, русско-иудейскую войну, хотя знал, на что шёл.

В своих мемуарах «Заложник времени» (М.: Прогресс, 1993) - само название-то «Заложник» какое растерянное! чего же ты «заложником» у «иудейских террористов» себя чувствовал, а не бойцом невидимого фронта?! - он плачется с первых же строк: «Чтобы жить в Москве, не замечая того, что ты не приемлешь (а ведь ты знал, на что шёл! на идеологическую борьбу! - А.Б.), нужно в ней родиться. В столице новожитель встречается с многочисленными проявлениями неискренности (а где кто видел искренность в подковёрных, на смерть русско-еврейских разборках. - А.Б.), лицедейства, групповыми интересами, пристрастиями. В отличие от принятого на Урале, Москва не приемлет прямых отношений, отдавая предпочтение скрытым… Помню, 6 ноября 1975 года, первый Октябрьский праздник в Москве, мы с женой встретили во Дворце Съездов, на торжественном заседании, таких же испуганных провинциалов - Н.И. Рыжкова и его жену, Людмилу Сергеевну». Замечу, что Рыжков стал при Горбачёве председателем правительства и тоже все провалил. Слова все правильные, русские, а толку от него было ноль. Считалел русским, возглавил уже в постгорбачевское время блок патриотических сил и тоже, как Ненашев, все прокакал.

Но вернусь к Ненашеву. Какой он сляклый, серый был на контрпропаганде, считавшейся особым отделом «К», потерянным. Я помню по «Голосу Родины», вроде бы он был даже нашим начальником - не газеты, газета шла прямо на Суслова, а общества «Родина», - но приезжал в «Общество» - одна сладкая болтовня.

Вот и чистка АПН пошла через его, «главного контрпропагандиста», голову.

В «Заложнике времени» он теперь даже довольно подло вспоминает:

«В июле 1976 года неожиданно без всякого участия отдела пропаганды (ещё не дорасчищенного от «яковлевских» кадров. - А.Б.) было принято решение Секретариата ЦК КПСС «О работе агентства печати «Новости», в котором его работа оценивалась крайне отрицательно, в итоге освобождались от работы председатель правления И.И. Удальцов (от партии. - А.Б.) и его первый заместитель А.И. Власов (генерал от ГБ. - А.Б.). Одновременно проводилось значительное сокращение аппарата и более 50 наиболее квалифицированных работников («наиболее квалифицированых» с прежней «яковлевской» точки зрения». - А.Б.) увольнялись из агентства по особому списку, до сих пор так и не известно, кем составленному. Помню, как трудно было скрыть недоумение, когда этот список М.В. Зимянин, ставший только что секретарём ЦК, вручил персонально мне (но ты же был куратором «АПН», как главный контрпропагандист? Хоть в последний раз разуй глаза, сам посмотри, кого ты, лопух, пригрел! - А.Б.) на мой наивный вопрос: «Откуда этот список?» - М.В. Зимянин ответил, что он не уполномочен ставить меня в известность, думаю, что так оно и было. А вот поручение пригласить всех, кто оказался в этом чёрном списке, и поставить в известность об увольнении это секретарь ЦК был уполномочен мне доверить». И дальше Ненашев патетически восклицает: «К чему я веду речь? К тому, чтобы попытаться ответить: кто же управлял партией?»

А ведь прекрасно знает кто - перетягивали канат то «мы», то «они».

9. Организационная структура «русских клубов». Мы развиваем успех

А теперь самое время рассказать, как мы организационно-технически строили «криптологическую» работу.

Во главе «Русских клубов» (и в первую очередь, центрального, московского), прикрывая их своим авторитетом, стоял, как уже говорилось, академик с мировой известностью - имевший доступ к самым важным государственным секретам и потому вхожий наверх, Лауреат Ленинской премии Игорь Николаевич Петрянов-Соколов. Кстати, довольно аккуратно приходивший на бурные «вторники» и с удовольствием все слушавший.

Замы - Пётр Палиевский и Святослав Котенко. Ответственный секретарь - я.

Мозгом был Котенко. Я же, как ответственный секретарь, занимался «рутинной», первичной «сталинской канцелярией», когда ещё тот никем не был, то есть организационной работой с текущими кадрами. «Пахал» со списками, рассылкой приглашений, организацией «нужных» ораторов. Обеспечивал подстраховочные связи с опекающими и контролирующими инстанциями. Занимался нудным согласованием рекомендаций в «резерв на выдвижение» в различные органы, организации и «инстанции», куда непременно нужно было приткнуть-протащить своих. Вместе с Котенко я

также отвечал за особо опасные связи: с официальной Церковью (через моего друга архиепископа Питирима - Константина Владимировича Нечаева, предусмотрительно не закончившего наш Измайловский Автомеханический институт и ушедшего в монашество; но выходили и впрямую на Патриарха). За «подземные» криптоконтакты с катакомбными православными братствами и орденами. А также за тайные связи с эмиграцией, как внешней, так и внутренней.

Все мы были общественниками, совершенно бесплатно, на голом энтузиазме отдавали «Русским клубам» все своё свободное время. Считалось, что нас организовывал, а практически «прикрывал» штатный зав. отделом пропаганды ВООПИКа - полковник И.А. Белоконь, сидевший до ВООПИКа на кадрах в «Литгазете», человек дошлый и насмотревшийся на «них». Он был очень русским человеком.

О Палиевском сейчас судят по-разному. Пётр Васильевич Палиевский очень был склонен к мудрым советам по игре в «закулисе». Этим он, в известной мере, искупал то, что сам был творчески - русский «обломов», крайне мало писал. Мы потом уже в издательстве «Современник» с трудом ему собрали книжицу. Сейчас у Палиевского вышла книга «Из выводов XX века» (Владимир Даль. СПб., 2004, 556 с.), где он собрал свои труды за 40 лет. Яркая книга! Когда все вместе сложилось, видно, что перед нами крупная фигура в русской духовной жизни. А тогда свой авторитет «гения» Палиевский поддерживал исключительно за счёт блестящего знания наизусть В.В. Розанова. Известно, что человека «еврейского круга» от мелкого торгаша до Ю.В. Андропова легко определить по тому, что он пытается беспрерывно блистать остротами великого комбинатора из «Золотого телёнка» и «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова. Вот точно так же наш русский «гений» щеголял В.В. Розановым, который тогда был упрятан глубоко в «спецхран». Да, и вся русская культура, как я уже говорил, особенно её философия и православная мудрость, была при советской власти упрятана в «спецхран».

Мы в «Русском клубе» её из «спецхрана» осторожно вытягивали, чтобы вернуть собственное законное наследие нашему народу. И Палиевский здесь был впереди, хотя больше подсказывал «втай», чем выступал в печати сам. Но я сам боялся рот раскрыть, не сделал ни одного развёрнутого доклада: выступал только уже в прениях, где можно стенограмму подчистить. И мучительно ломал голову, не ляпнуть бы чего из перепутавшегося в моей голове «спецхрана». Что можно сказать, подстраховавшись охранительной «чёткой» догматикой? «Спецхрановский» гексоген был «взрывчатой смесью», с которой надо было тогда очень осторожно обращаться. А пойди сразу соберись, отсей - что было где-то в открытых публикациях, пусть хоть в «их», «враждебных», и значит - можно вслух вроде бы «покритиковать», сделав вид, что возражаешь, скажем, якобы «Свободе»? А что - жуткий «профессиональный идеологический крипт», за выдачу которых) головы не снесёшь?

А вот Палиевский всегда умел ходить по проволоке. Знал, что где говорить. Хотя однажды и он - душа русская не выдержала! - сорвался на дискуссии «Классика и мы». Столько наговорил «лишнего», да ещё при «них», я за это подвергся дичайшей иудейской травле. Ему евреи дискуссии «Классика и мы» не смогли простить.

Покаюсь, я всегда немного ревновал Палиевского. Он увёл у меня мою первую любовь - мою однокурсницу, студентку романо-германского отделения МГУ, дочку ещё сталинского председателя Комитета по делам искусств Беспалова, яркую жгучую желчную брюнетку, красавицу и удивительную умницу и эрудитку Ларису, от общения с которой я много вынес. Пётр сразу женился на ней, и это она сделала из него гения - обтесала, ввела в круги, короче, навела на самобытный русский талант лоск. Потом они разошлись, но лоск остался.

Вообще жёны очень много значат для формирования творческой личности. Известного русского литературоведа, философа и критика Вадима Валериановича Кожинова во многом сделала его вторая жена, моя однокурсница, милая и трогательная Лена Ермилова, дочка процветавшего при Сталине литературоведа и критика Ермилова и... уникальная «ермиловская» профессорская библиотека. Нашего главного и самого умного оппонента «жидовствовавшего» критика Юрия Ивановича Суровцева тоже сделала жена, моя очаровательная однокурсница, профессорская дочка Марина Фоминская. Недаром толкуют про умных жён-евреек, делающих из русских «обломовых» крупные фигуры. И тут важно, какой дух в семье возобладает. Не обязательно торжествует еврейский. Чаще именно непотопляемый, подземный, древний, как сам Иегова, - еврейский. Но тут все в воле Божией. Академика Сахарова подмяла под себя Елена Боннэр. У коллеги и - первое время - друга семьи Сахарова академика Петрянова-Соколова была жена, тоже молоденькая еврейка, но он стал опорой Русского Духа. И такое бывает! Посмотрел человек, в какой ад его тащат, и пересилил дьяволицу. Повторюсь, внутри семьи все в воле Божией. Даже Солженицын не стал бы Солженицыным без своей энергичной и верной охранительницы-супруги.

Вернусь в «Русские клубы». На наши «вторники».

В особо необходимых острых и скандальных случаях мы обращались к директору Института Истории Академии Наук СССР Борису Александровичу Рыбакову, всегда готовому умно подсказать и помочь, как «выпутаться». Для того же Суслова авторитет академика с мировой славой Бориса Александровича Рыбакова, уж конечно, был неизмеримо выше, чем строившего козни «русофоба», не слишком образованного Александра Николаевича Яковлева.

А повседневно душой компании и главным идеологом у нас был Сергей Семанов. Сергей Николаевич прошёл поразительный путь. Начинал печататься в «ихнем» «Новом мире», дружил с детьми «ихнего» Андропова-Файнштейна, который его прекрасно знал и высоко ценил. Казалось бы, какие оглушительные карьерные перспективы его ждали. Но, видимо, душа предков в нём счастливо заговорила, он сам своими

руками надевает себе на голову «терновый венец» явного, для всех политических бурь открытого русского патриота. По отцу из купеческой (Семановы торговали лесом), а по матери из священнической линии (болтали, что из родственников Симанского - патриарха Алексия I, но сам Сергей Николаевич это отрицает) - он с крепкой северно-русской Олонецкой почвы (фамилия происходит от поморского произношения цифры «семь»). В 1956-м закончил исторический факультет Ленинградского университета - блестящее образование! - и уже на последнем курсе был избран в комсомольские органы: стал заведующим отделом пропаганды ключевого Петроградского райкома - с таких должностей идут резко наверх. Именно с такой должности в Ставропольском комсомоле, в крае-вотчине Суслова, Андропов вытащил на самый верх аж до генсека Мишку Меченого - Горбачёва. Я думаю, пойди Сергей Николаевич по партийной линии, он с его энергией и пробивной, таранной силой до Политбюро бы уж точно поднялся. Но Сергей Семанов мечтает о научной карьере. Он поступает в аспирантуру Института истории, блестяще защищает диссертацию по новым фактам из истории революции 1905 года, для сбора которых - вот она всегдашняя кропотливая научная основательность Семанова! - Сергей не погнушался даже поработать сотрудником Главного архивного управления Министерства внутренних дел по Ленинграду, чтобы получить спецхрановский доступ и вдосталь порыться в архивах.

Однако заговорило ретивое - ему хочется нести правду людям; после аспирантуры он вдруг оставляет науку, берёт на себя самый трудный отдел в издательстве «Молодая гвардия» - «Жизнь замечательных людей». Серия книг, им выпущенных, стала поистине событием в русской литературно-философской мысли. При Семанове «ЖЗЛ» заговорила о коренных устоях русской нации, об основоположниках нашего великого самобытного мессианского Духа. Серия «ЖЗЛ» демонстративно была начата Горьким в 1933-м году с книги Александра Дейча «Гейне» - о рупоре иудейского духа. Таков был тогда общий настрой нашей «новой интеллигенции». Семановская же «ЖЗЛ» стала спасением для изголодавшихся по духовной пище русских людей. В изданных Семановым объёмистых, всегда научно основательных и живо написанных книгах «ЖЗЛ» для русского читателя впервые после революции 1917-го открылся русский мир во всём его самобытном блеске и мессианском великолепии. И мы все очень переживали, когда Семанова подняли с любимой «ЖЗЛ» на высокую номенклатурную должность главного редактора журнала «Человек и Закон».

Нужно ли было это русским делать? Думаю, что да. Брежнев - Суслов - Черненко - Андропов (таков был уровень решения о назначении Семанова, потому и снимали его на том же «рабочем» избранном Политбюро) искали знаковую фигуру на многомиллионный массовый журнал, чтобы русские люди поверили, что журнал действительно за законность. А тогда вся руководящая четвёрка Политбюро страшно носилась с идеей как-то остановить навалившуюся девятым валом коррупцию, таки поднять весь народ на борьбу за веру в Закон. Решение

секретариата ЦК КПСС о назначении Семанова было принято 20 декабря 1975 года.

Под руководством Семанова журнал «Человек и Закон» принялся за дело. Острые публикации обращались к сердцу рядовых в милиции, рядовых партаппаратчиков. Не к интеллигенции, хотя и к ней, а к непосредственным исполнителям Закона. Ибо Семанов понимал, что без массового движения расплодившуюся мафию не преодолеть. Семановым были на самом верху очень довольны. Членом редколлегии у Семанова стал первым зам. министра внутренних дел, влиятельный зять Брежнева Чурбанов, который, естественно, получил возможность поближе присмотреться к Семанову для тестя. Константин Устинович Черненко, сидевший на кадрах, интересуясь досконально фигурой Семанова, говорил мне в больнице-крёмлевке возле «Мосфильма», которую он использовал для конфиденциальных встреч, что Семанов у них в «резерве Политбюро на выдвижение». Ему, мол, как проверенному своему, «милицейскому» работнику (а Брежнев в то время уже больше доверял милиции - ещё раз подчеркну, что даже на постах в охране ЦК стояли обязательно рядом «гебист» и человек из милиции) очень высоко светит. Ты даже и не представляешь, как высоко. Более того, лидеры Политбюро уже поёживались после раскрученного семановским журналом «Сочинского дела» - уличать в коррупции аж первого секретаря крайкома - такого ещё не было! Журнал сработал на опережение КГБ. Андропову осталось только пожинать плоды. Брежнев в близком кругу уже поговаривал, что надо бы кинуть на Лубянку свежих, не зашоренных сомнительным происхождением людей. Мы уже гадали не на место ли «Бобка» в «пятёрку» Семанова хотят кинуть? А потом и выше?

Одновременно с Сергеем Семановым получил давно обещанное Сусловым высокое назначение и я. Меня кинули на вновь организованную (вернее реорганизованную из гебистской) и поставленную под непосредственное руководство ЦК партии (лично Суслова) газету «Голос Родины».

Задумана она была как ответственная и особо доверенная газета, четвёртая по статусу (после «Правды», «Известий» и «Литературной газеты») в закрытом ранжире отдела пропаганды ЦК КПСС не только по окладам, но и по политическому положению. Достаточно сказать, что в необходимых случаях я получил право подписывать в свет газету без цензуры, через её голову, если считал нецелесообразным цензурному ведомству что-то объяснять. Газета должна была специально и исключительно заняться внешней и внутренней эмиграцией (в том числе, потенциальными эмигрантами - диссидентами, которых собирались выслать из страны), воспитанием «бродящих умов» и вообще духовным противостоянием с Западом. Тем, что профессионалы называют контрпропагандой. Сформирована она была на останках издававшейся КГБ на тонкой папиросной бумаге газеты «За возвращение на Родину», затем переименованной в «Голос Родины». Но мы уже должны были выйти в новом, большом формате, который должны были выбрать сами. Мы выбрали форму цветной толстой газеты-еженедельника, весьма

популярную на Западе, особенно в США и в Западной Германии.

Распространялся «Голос Родины» внутри СССР вполне свободно, но ограниченно - продавался преимущественно по гостиницам и киоскам Интуриста. Но заодно должен был по деликатным вопросам служить и для информации руководящей элиты. Поэтому продавался в Большом Доме (комплексе зданий ЦК КПСС), у соседей (в комплексе зданий КГБ СССР на Лубянке и в Ясенево), в МИДе и внешнеторговых организациях. Основной тираж, естественно, весь шёл за рубеж: в эмиграцию, как старую русскую «белогвардейскую», так и новую русскоязычную - еврейскую. Газета была прекрасно информирована, касалась закрытых тем (оттого её хватали нарасхват все аппаратчики), не врала (за рубежом врать - сразу поймают и опозорят) и выполняла деликатные операции. Газета формально принадлежала общественной организации - Советскому обществу по культурным связям с соотечественниками за рубежом (обществу «Родина»). Председателем общества тогда, в 70-х годах, был президент академии педагогических наук СССР, академик Всеволод Николаевич Столетов, а управляли обществом генералы - первый зам прожжённый функционер-аппаратчик ЦК, «член Европейского общества культуры» Георгий Васильевич Горшков - от ЦК КПСС, второй зам, отпахавший за кордоном в резидентах генерал, «старший научный сотрудник НИИ проблем управления» Николай Павлович Гусев - от КГБ. Партия, подчеркнём, выше.

Во главе издательского, газетно-журнального комплекса стоял милейший огоньковский публицист и чудесный обаятельный человек (что немаловажно при постоянных поездках к настороженным эмигрантам) Олег Васильевич Куприн со звучной для эмиграции фамилией. Зам по ключевой пропагандистской газете - я. Зам по лощёному, с золотыми куполами и русскими красавицами в кокошниках, но беззубому «выставочному» журналу - Фролов. Мы с Фроловым, как нас строго предупредили в ЦК, непосредственно отвечали перед ЦК за свои издания. Но «деликатные» конверты с закрытой информацией и ориентировками (белые от партии из ЦК КПСС, серые из КГБ) фельдъегеря приносили под расписку мне. У меня было два кабинета - один в издательском комплексе на ул. 1905 года, другой в Большом Харитоньевском переулке на Чистых прудах. Машина, длинная, как сигара, была с гебешными номерами. Водителем был секретарь парторганизации автоколонны ГБ (присматривали крепко).

Куратором общества «Родина» был секретарь ЦК по Международным делам Пономарёв. Куратор газеты был выше - Второй секретарь ЦК, член Политбюро Суслов. С ним непосредственно решались заковыристые вопросы, по которым мы были не согласны с ведомством Андропова. Например, на тему запрещённого в СССР к любому упоминанию Солженицына с приглашением мною в авторы о нём авторитетного редактора массового журнала «Человек и Закон» Сергея Семанова. Или - с приглашением мною в редколлегию наряду с не вызывающей сомнений любимицей Брежнева Людмилой Зыкиной «острых», знаково русских фигур: академика Петрянова-Соколова, известного по его «назойливо

русской» активности в ВООПИКе, и популярного, звонкого, открыто и неистово русского поэта Валентина Сорокина.

Я хотел ещё ввести в редколлегию архиепископа Питирима - редактора «Журнала Московской Патриархии» и главу издательского отдела Православной Церкви (неслыханный был бы прецедент - церковника в негласный орган самого ЦК КПСС! Я когда вечером позвонил Питириму о готовящемся закрытом «Решении», то он ушам не поверил, мигом ко мне домой примчался: «Да это же был бы великий прорыв!»).

Но Семанова отвергли по чисто формальному признаку, что он сам уже «высоко номенклатурный главный редактор». Сняли из редколлегии после некоторой борьбы и имя Питирима - «рано», политически ещё общественность не созрела до таких новаций. Договорились на том, что, мол, будет достаточно, что в совет общества «Родина» войдёт более умеренный митрополит Таллинский и Эстонский Алексий - он же управляющий делами Московский Патриархии Ридигер Алексей Михайлович (будущий Патриарх Алексий Второй). А вместо Питирима поддунули Петросяна - хоть одного «национала», чемпиона мира по шахматам. Смешно, но тут главным доводом было то, что в уже утверждённом макете, который всем наверху страшно понравился, не нужно было делать серьёзных переделок - первая буква и количество букв совладали. Статьи Питирима же мы стали «лишь» (!) печатать в газете под портретом в рясе и с крестом.

Ни одного с «примесью» у нас ни в редколлегии, ни в аппарате не было. Здесь же сразу, во избежание диких домыслов, скажу про себя: звучит с «азиатчинкой» Байгушев Александр Иннокентьевич (отец Иннокентий из Сибири, из Иркутска), но по матери я - Прохоров, из коренной калязинской ветви знаменитой династии. Так что никаких «примесей» у меня в роду нет. Эмиграция внешняя и внутренняя - народ дошлый, и корни мои, конечно, сразу просветили. Что было мне на руку - возникло особое доверие, которое я, смею верить, никогда, как бы ни рисковал головой, не подводил. Ведь это про моих предков вспоминает в имевшейся у каждого эмигранта книге «История изнутри» Роберт Брюс Локкарт, организатор заговора трёх послов против советской власти: «Ранним утром (после выпивки с цыганами) миллионер Прохоров велел подать счёт, раздал щедрые чаевые. Поехали. Остановили свою машину около городового. Прохоров вынул кошелёк и дал рубль городовому, который звякнул шпорами и поклонился, положив руку на эфес своей шашки. Прохоров выпрямился во весь рост. Его глаза засверкали, и казалось, что он собирается скомандовать в атаку. «Боже, царя храни», - загремел он. «Боже, царя храни, - отвечал городовой, - и бей жидов». Мы поехали дальне. Нельзя сказать, чтобы Прохоров был юдофобом. По своим политическим убеждениям он был либералом, но всю дорогу повторял: «Боже, царя храни» и «бей жидов» Таков был ритуал. Такова была дореволюционная традиция» (русское переиздание: История изнутри. - М.: Новости, 1991). В «Русской партии внутри КПСС», о которой я рассказываю, тоже большинство было либералами и ни в коем случае не юдофобами. Но каблуками, каюсь, щёлкали. Семанов вскинет руку с

бокалом, вытянется, щёлкнет, а за ним все. И громко марш хором: «Как ныне сбирается вещий Олег отмстить неразумным хазарам...» Таков был ритуал.

Но вернусь в «Голос Родины». Мой шеф и однокашник по знаменитой школе имени А.С. Пушкина - в ней большинство мечтало об МГУ или Институте военных переводчиков - элегантный, блестяще образованный Олег Васильевич Куприн (в школе он был золотой медалист, я - только серебряный) держался с генералами Общества подчёркнуто самостоятельно и даже несколько свысока. Мол, мы, контрпропагандисты, действуем умнее и гибче, от нас больше пользы. Нам даже поручено присматривать от имени партии за ГБ. Поэтому в неприятные совместные посещения, было ли то - выбивать для газеты второе помещение, запускать типографию с трудным, капризным для нас тогда диковинным шведским офсетным оборудованием или - на съезд к неприкрыто враждебным эстонским националистам, Горшков и Гусев предпочитали ехать со мной. Куприн из-за этого меня немного ревновал. Приезжая из очередной загранки (он из Америки, Австралии, Бельгии, Франции не вылезал) и, рассказывая об установленных нужных контактах и задушевных банкетах, он - университетский друг редактора «Коммуниста» Ричарда Косолапова, чем он страшно гордился, постоянно перезваниваясь по вертушке, правительственной связи, - неизменно с шутливой подковыркой сворачивал на мои связи:

- Не понимаю, почему тебя мне так настойчиво рекомендовал КГБ, хотя я точно знаю, что ты не их генерал, иначе ЦРУ тебя в миг бы «высветило» и эти данные о тебе в иудейском «Новом русском слове» обнародовало, и нам со скандалом ввоз «Голоса Родины» в США запретило? И почему тебя дошлые, огонь и медные трубы «там» прошедшие полковники Базанов и Короткевич, которые у нас в иностранном отделе и в отделе контрпропаганды заведующими сидят, тебя так боятся - меня любят, а тебя настороженно боятся? Почему наш кадровик, он же наш первый отдел и хозяин спецхрана полковник Кошута, фронтовик тайного фронта, в начальниках особых отделов по Прибалтике, а затем по Москве собаку съевший, сразу стал твоим лучшим другом, вы с ним часами шушукаетесь. На чём ты держишься?

Я так же шутливо в тон отвечал:

- А на «Русской партии». Я - товарищ, идейно проверенный, резко «окрашенный». «Силуэты идеологического противника» и «Воткнутые деревья» скандально печатал. Перестаравшись, даже партвыговор «за нетоварищеское отношение к товарищам по работе», лично членом Политбюро товарищем Гришиным В.В. лукаво сформулированный (под «товарищами по работе» тихо имелись в виду «они», «воткнутые деревья»), в своей «партийной учётной карточке», как орден, имею. Таких только на самых острых, идеологически опасных участках и держать. Наш Хозяин не любит неожиданностей. Раз нынешняя брежневская политика строится на чётком балансе между двумя партиями власти - «Иудейской партией внутри КПСС» и «Русской партией внутри КПСС», то Хозяин хочет,

чтобы для него все было кристально ясно, кто чей, от кого чего ожидать, кому чего на общее благо страны заказывать. А ты с твоим супер-умником Ричардом Иванову чем, хоть вы по корням и проверенно русские, оба какие-то идейно блёклые. Ни партвыговоров для острастки, ни «силуэтов противника». Свои-то даже собственные русские силуэты у вас размыты, как интеллигентская каша в голове. Ты вот взят переводом из любимого Брежневым «Огонька». Хозяин тебя лично с удовольствием всегда читал. Но твой бывший шеф Софронов, хоть и признаёт, что ты был лучшим публицистом у него, но предупредил, что ты слишком уж какой-то, как воз, с которого вот-вот все посыплется, «перегруженный», «переобразованный». Ты два факультета - философский и журналистики блестяще закончил, а для русских продвинутых полуобразованных простаков, ничего серьёзного не закончивших, какие у нас сейчас прочно осели что в Политбюро, что в ГБ, такая характеристика подозрительна - вдруг ты слишком умный, вдруг с фигой «образованца» в кармане? Вот под тебя меня и посадили, чтобы не разбаловался. Он пихал меня в бок:

- Но ты тоже очных два вуза закончил - мало нашу с Ричардом «альма матер» МГУ да ещё ВГИК. Сценарист хренов. Для кого закулисные политические сценарии пишешь? Или ты нашим простоватым вождям сумел не таким интеллигентным, как я, показаться?

Мы оба смеялись. Но шутки шутками. А на координированном равновесии-противостоянии двух - иудейской и русской - ветвей внутри КПСС действительно ведь хорошо держалась вся брежневская «сбалансированная» власть. На координированном сверху и тщательно поддерживаемом равновесии в местных боях на русско-еврейском фронте!

С середины 70-х чаша весов в этих боях явно все больше склонялась в нашу русскую пользу.

Мы не только выдвигали кадры. Не только через журнал «Человек и Закон» прибрали к рукам проблему «прав человека» и соблюдения законности, а через газету «Голос родины» всю работу с внешней и внутренней эмиграцией, то есть отобрали у «них» традиционное их поле антисоветской деятельности, где они, казалось, так прочно окопались. Но мы все тщательнее подбирали ключи к интеллигенции. Мало что мы стремительно «русифицировали» ведущие творческие союзы. Мы научились организовывать массовые пропагандистские «шоу», продвигая свои идеи в самые широкие круги общественности. 21 декабря 1977 года в битком набитом Большом зале Центрального Дома литераторов состоялась дискуссия «Классика и мы» с привлечением самых звонких имён, с которой «жидовствующие» едва унесли ноги. Они были разбиты по всем статьям. Особенно блистательным было выступление Петра Васильевича Палиевского. Дискуссия имела колоссальный общественный отклик, повсюду только и говорили: «Русские идут!»

На фоне общего патриотического подъёма совершенно естественным стало назначение русского «собирателя» - вождя Валерия Николаевича Ганичева на самую массовую газету, многомиллионную «Комсомольскую

правду». Надо растить патриотически настроенную молодую смену!

Как все вышло? Наверху были крайне недовольным упадком «Комсомолки» - в результате деятельности политического интригана Панкина (этот выкормыш Яковлева сейчас живёт в Швеции) и его бездарного преемника Корнешова. В марте 1978 года на волне победы в дискуссии «Классика и мы» нам удалось подсказать Брежневу - Черненко - Суслову фигуру настоящего государственника и борца на эту газету - нашего «собирателя» Валерия Николаевича Ганичева. Ганичев до издательства «Молодая гвардия» работал на крупных постах в ЦК ВЛКСМ, молодёжь знал не понаслышке, и Политбюро утвердило его кандидатуру. Газета сразу заняла отчётливо почвенную, русскую линию.

На Ганичева началась «иудейская охота». Но идеологически он был весьма подкован, действовал всегда аккуратно. Поэтому его решили ловить на аппаратной дисциплине. Он был слишком доверчив к людям и, придя на новое место, оставил прежних, ещё панкинских замов, те его буквально «пасли». Но Ганичев все их не менял, вроде оба русские, вроде что-то поняли. На этом потом он необъяснимо и проколется. Но все по порядку.

Газета на глазах поднималась. Успешно «забивала» центральную «Правду», опережая её на всех участках. Брежнев был страшно недоволен Виктором Григорьевичем Афанасьевым, русским, но «тюфяком», думавшим только о бабах. Он ходил даже в импортном «клубняке» - костюме с металлическими блестящими пуговицами, как на Западе «лорды» ходят в свои клубы по интересам. Брежнев уже начинал рабочий день не с «Правды», а с «Комсомольской правды». Просил «своих» собрать информацию о Ганичеве - потянет ли центральную «Правду»? Ждали только Пленума ЦК, так как главный редактор «Правды» по статусу должен быть избран членом ЦК.

Мы продолжали наступать. Мы уже не молчали даже, когда в деле была замешана сама Лубянка. Мы и против неё готовы были поднять на ноги русскую общественность. Случай вскоре представился самый удобный.

10. Бой с Лубянкой

КГБ Андропова и конкретно «пятёрка» Бобкова продолжении носиться, как курица с яйцом, со своей фальшивой идеей «раскола демократов» - а под этим лживым флагрм поддерживать многие заведомо антирусские и антипатриотические идеи. И вдруг стали навязывать сборник под названием «Метрополь» («подземный город»). Сборник был из произведений «шестидесятников», преимущественно евреев, которых в своих целях курировала «пятёрка» КГБ. Чтобы быть документально точным, процитирую самого Бобкова: «КГБ ещё до заседания секретариата Союза писателей предложил издать сборник. Мы понимали: вошедшие в альманах произведения - далеко не шедевры, а некоторые из них попросту не оригинальны. Но ничего страшного, несмотря на то, что альманах не грешил патриотизмом, мы в нём не находили и были

убеждены: читатель сам разберётся и сам должным образом оценит».

Итак: «не шедевры», «произведения не оригинальны», «не грешат патриотизмом». Естественно, что ни одно уважающее себя издательство не взяло на себя ответственность обижать своих читателей и явную бездарность и антипатриотичность им подсовывать. Но «Иудейская партия внутри КПСС» встала на уши и давит, опираясь на... КГБ, - издавайте, иначе нас американец Проффер издаст. Вот таким образом выламывают руки. Да русским бы за одно упоминание Проффера тот же КГБ уголовное дело мгновенно еостряпал. А тут за евреев КГБ стал сразу заступаться. Ничего себе игры у ГБ в «раскол демократов»?!

И тогда «Русская партия внутри КПСС» дала бой. Московское отделение Союза писателей во главе с его первым секретарём Феликсом Кузнецовым предложило обсудить навязываемый КГБ к изданию альманах на расширенном заседании своего секретариата с приглашением самых известных писателей. Результат был ошеломляющий - все пятнадцать выступавших говорили о нецелесообразности выпуска альманаха как литературно слабого, дурного тона и, в общем, совершенно несостоятельного. КГБ был в растерянности - Андропов пожаловался на Феликса Кузнецова члену Политбюро В.В. Гришину, Первому Москвы. Мол, наведите партийный порядок среди московских писателей, помогите нам в нашей специфической чекистской акции. Но... Гришин категорически встал на сторону русских писателей. Раз вы сами в ГБ признаёте, что это антипатриотичный и пошлый альманах, так чего нам его издавать? Гришин, естественно, доложил о странной жалобе Андропова Брежневу.

Сейчас, уже по прошествии времени никто не сомневается, что операция «Метрополь» была разыграна, как по нотам, в пользу разведки противника для обустройства её протеже. Таких, как считавший, что ему советская власть чего-то не додала, Василий Аксёнов-Гинзбург, и как литературный прохвост и ярый русофоб Виктор Ерофеев. «Но если прагматичный Аксенов использовал «Метрополь» практически как повод, чтобы обменять литфондовскую дачу и жену на более престижный вариант в Биаррице, наряду с гражданством, - пишет респектабельная «Литературная газета», № 42, 2004 г., - то Ерофеев ещё более циничен: «Я предал родину на всю свою последующую жизнь. Я предал страну, в которой я так никогда и не почувствовал себя свободным. Я предал родину, не заметив этого: легко и свободно. Я опоздал и к раздаче русского антисемитизма».

Это он пишет сейчас. Тогда Ерофеев ещё не делал таких саморазоблачений. Но хватало и другого. Уже и тогда, двадцать пять лет назад, все мы понимали и ужасались тому, что заведомых предателей поддерживает КГБ. Больше того. Поскольку аналогичных историй, как с альманахом «Метрополь» (1979 г.), у нас ещё с конца 60-х вплоть до этого особо показательного «цветочка», накопилось уже немало - и с картинами, и с книгами, и с музыкой, особенно с эстрадной и джазом! - то мы, контрпропагандйсты, материал подобрали, суммировали и положили

на стол Хозяину. Полюбуйтесь, на кого КГБ работает!

Впечатление усилило подоспевшее как раз вовремя пространное письмо поэта Станислава Куняева в ЦК КПСС (февраль 1979 г.). Станислав Куняев использовал случай навязывания обществу альманаха «Метрополь» как повод для того, чтобы пробить тревогу по факту неблагополучия в государственном взгляде (подтекст в «органах» и в ЦК КПСС) на русско-еврейскую идеологическую войну. Жаловался, что вот уже несколько лет не может опубликовать антисионистские стихи. И писал «о русофобстве как форме сионизма». «Надо сказать, что за последнее время вообще немало исторических, литературоведческих и филологических изысканий выходит в свет с идеями, родными и близкими сионизму в самом широком смысле слова», - утверждал Куняев. И письмо пестрило конкретными примерами откровенно сионистских публикаций Андрея Вознесенского, Семёна Липкина, Генриха Сапгира, Бенедикта Сарнова, Олжаса Сулейменова, славящих еврейский - «главный народ». Ударной была заключительная часть письма:

«Да что говорить о нашей прессе, о наших издательствах, о наших статьях и стихах! Достоевского полного собрания сочинений издать не можем - дошли до семнадцатого тома несколько лет тому назад и остановились в недоумении перед «Дневником писателя», в котором гениальный Достоевский уже фактически сто лет назад разглядел цели и суть тогда ещё нарождающегося сионизма и писал, глубоко проникая в тайну его могущества: «А безжалостность к низшим массам, а падение братства, а эксплуатация богатым бедного, - о, конечно, все это было и прежде и всегда, но не возводилось в степень высшей правды и науки, но осуждалось христианством, а теперь, напротив, возводится в добродетель. Стало быть, не даром же все-таки царят там повсеместно евреи на биржах, не даром они движут капиталами, не даром они властители кредита и не даром, повторю это, они же и властители всей международной политики»…

Издание собрания сочинений Достоевского задержано, и нет особенной надежды, что возобновится, если принимать в расчёт нашу уступчивость по отношению к сионизму в области литературы. А о собрании сочинений Блока я уж и не говорю. Все предыдущие собрания выходили с купюрами, там, где Блок касался проблем еврейства и русофобства, - купюр этих около полусотни. Совершенно уверен в том, что собрание сочинений, готовящееся к столетнему юбилею Блока, появится в том же обрезанном виде. А что же появляется в необрезанном виде? Размышления Гейне, работающие на идею мессианства, на прославление «избранного народа», на националистическое высокомерие. Вот несколько мыслей из собрания сочинений: «Еврейство - аристократия, единый Бог сотворил мир и правит им, все люди - его дети, но евреи - его любимцы, и их страна - его избранный удел. Он монарх, евреи его дворянство и Палестина экзархат божий»… Издание классиков - тоже политика. Но почему в результате этой политики все почти расистские откровения Гейне мы популяризируем, а проницательные размышления Достоевского по этому поводу (мирового классика покрупнее, чем Гейне),

которые бы работали в борьбе с сионизмом на нас, а не против нас, мы держим под спудом. Почему?»

Письмо Куняева стало известным для многих русских людей. Мы подпольно размножили его громадным тиражом. Мы переняли «их» тактику. Научились владеть «их» оружием. Семанов пишет в свой книге «Юрий Андропов» (М.: Алгоритм, 2003): «Со второй половины 70-х густо пошёл по рукам русский «самиздат» (не так давно он был исключительно еврейским). Некоторые тексты оказали огромное воздействие на общественность и разошлись по Руси во множестве копий. Там замелькали имена видных деятелей с прямыми обвинениями в русофобии. А тут ещё перешёл в Православие бывший революционер Солженицын, а потом и в зарубежье затеплились слабенькие русские огоньки. Казалось, русское возрождение вот-вот одержит победу в России. Так, во всяком случае, полагали многие участники движения».

Но вернусь к письму, - несмотря на дикое сопротивление ГБ! - предопределившему будущее назначение Куняева главным редактором журнала «Наш современник». Общественность оценила принципиальность и смелость автора. Сам Куняев в своих мемуарах излагает его суть так: «Выступая против еврейского засилья в культуре и идеологии, я не мог говорить прямо: «еврейская воля к власти», «еврейское засилье», «агенты влияния», а потому мне приходилось использовать обкатанные штампы, в которых основным термином было слово «сионизм». Конечно же, моё письмо было крупным актом борьбы за позиции в русско-еврейской борьбе. Сделав хотя бы часть этой борьбы гласной, я рассчитывал ошеломить недосягаемых чиновников из ЦК, помочь нашему общему русскому делу в борьбе за влияние на их мозги, на их решения, на их политику». Знал бы Куняев, под какую громадную фигуру он реально копал?! Под самого Андропова!

Естественно, что мы не скрыли озабоченности патриотической «русской партии» непатриотическим, а если называть вещи своими именами, то провокационным поведением «идеологов» из ГБ. Мы возмущались тем, что КГБ сам «организовывает сионистов», и размахивали многочисленными самиздатовскими» копиями письма Куняева. Вот что они натворили! Мы требовали укрепления руководства КГБ. Даже не Бобков, а сам Андропов подвис. Второй Ильич «думал». А мы наступали и наступали.

«Они» затаились и готовили провокации внутри русского движения, для которых были активно использована методы «пятёрки».

11. Кризис внутри «Русского клуба»

И в середине 70-х начался кризис внутри «Русского клуба».

Были у нас в руководстве «Русских клубов» (на нашем «Русском Политбюро», как шутил Палиевский) и раньше очень острые споры о нашей политической линии. Но как-то обходились - вырабатывали консенсус. Но тут мы сцепились чуть не насмерть. Формальным поводом

для недовольства генеральной линией «Русских клубов» стали поставленные мною в план работы клуба два приглашения на «русские вторники» главного редактора Анатолия Софронова и главного редактора Анатолия Иванова. Договорились, что Софронов почитает новую «антисионистскую» поэму (так он её смысл охарактеризовал), а Анатолий Иванов - снятые цензурой главы романа «Вечный зов». Но Пётр Палиевский, поддержанный Анатолием Ланщиковым, возмутился:

- Ты подрываешь саму трансцендентную идею «Русского клуба». Ну, мы ещё можем стерпеть «долболома» Иванова, все-таки в «Молодой гвардии» печатаемся, но выслушивать издателя персонального настольного журнала для Брежнева? Уволь нас от своих дружков, номенклатурных партфункционеров! И вообще нам надо в корне менять генеральную линию. Ты себя уже «генсеком» вообразил, а не понимаешь, что гробишь на корню саму нашу независимую Русскую Идею.

Ланщиков неожиданно предложил:

- А, может, нам вообще в «Русском клубе» не собираться? Мы все перезнакомились. Зачем «их» дразнить? Это будет мешать нам проникать к «ним» и разлагать их ряды. А то с репутацией завсегдатая «Русского клуба» ни в Союз писателей не вступишь, ни в «Литературной газете» не напечатаешься, а проникать надо.

Я сгрубил:

- Это тебе Бобков насоветовал? Ланщиков растерялся:

- Я на него прямого выхода не имел.

Я знал, откуда ветер дует. Имел информацию от своих людей в КГБ, что Палиевский и Кожинов якобы дружески встречались с начальником «пятёрки» - 5-го управления КГБ по борьбе с инакомыслящими генералом Бобковым и «говорили за жизнь». У меня не было никаких оснований подозревать Палиевского и, тем более, Кожинова или Ланщикова в предательстве, хотя я, конечно, знал, что Ланщиков закончил спецучилище МГБ. Но мы в «Русском клубе» даже принципиально считали необходимой просветительскую работу среди «гебистов». Хотят распропагандировать самого Бобкова - полезное дело. Но кто тут кого «распропагандировал»? Бобков такая штучка, что стелется, будто свой, а за пазухой - «андроповский верный пёс».

Палиевский запунцевел, как красная роза:

- Нет, о самороспуске «Русского клуба» не может идти речь. Но линию, стратегию и тактику надо менять на более либеральную и близкую интеллигенции. Надо проникать, вживаться. Ставь на бюро мой развёрнутый доклад на эту тему.

Я посоветовался со Святославом Котенко и Игорем Васильевичем Петряновым-Соколовым. Святослав сразу отмёл «социальный заказ» Бобкова:

- Бобков, наверняка, тут был советчиком. «Проникать», «вживаться»,

разлагать «их» изнутри - его лексикон. Но наши никогда в платные агенты к нему не пойдут. Не тот у наших менталитет. Не унизятся. Суть не здесь. Суть в том, что на Палиевского после дискуссии «Классика и мы» идёт страшное давление «их» стороны. И ему, и Ланщикову всегда хотелось сидеть на двух стульях, бывать в «их» эстетствующих компаниях, щеголять перед «ними» суперинтеллектуальностью. Мол, вроде бы, хоть они и русские, но не такие толстокожие долболомы-антисемиты, как Софронов и Иванов, а тонкокожие рафинированные просвещённые либералы и суперинтеллигенты. Вот после ясно разделившей нас и «их» дискуссии «Классика и мы», да ещё антисионистского письма Станислава Куняева в ЦК КПСС оба и завибрировали.

Петрянов-Соколов кивнул:

- На меня тоже идёт страшное «их» давление. Грозят «отлучить от общества». Требуют, чтобы я «Русский клуб» прикрыл.

Время потом жестоко рассудило нас с Палиевским. Надавало отрезвляющих оплеух и мне, и ему. Его любимый выученик и главная надежда среди молодых Владимир Бондаренко в двух статьях своей лучшей книги «Крах интеллигенции» (М: Палея, 1995) разнёс наотмашь Петра Васильевича Палиевского - да не со вкусовыми спорами, а с откровенным желанием изничтожить, вывернуть блудливую изнанку своего учителя. Одни заголовки статей чего стоят: «Пётр Палиевский как символ трусости» и «Импотенция непротивления». Не слабо! Даже привычно всеми признававшуюся «кропотливую работу Палиевского по воспитанию смены» вывернул наизнанку: «Встречаясь с нами, молодыми литераторами, философами, художниками, в частных разговорах демонстрировал нечто другое. Он был куда решительнее и экстремальнее любого из нас. Его взгляды тогда, в семидесятые - восьмидесятые, были гораздо ближе (судя по тем его разговорам), скажем, суждениям нынешних Александра Баркашова или Александра Дугина, чем вполне умеренным пробердяевским (?) взглядам всхсоновцев. Он был как бы крайне правый. Зачем он все это нам говорил: чтобы подвигнуть нас на резкие действия - издали смотреть, как мы погибали?»

Я сам с Палиевским не был никогда слишком близок: он таки либерал, а я скорее экстремист. Я даже в чём-то согласен в том, что Палиевский порой искусственно тормозил русское национальное движение своим деланным либерализмом. Но каждому своё. И не один я, а многие поёжились, когда Бондаренко от души врезал: «Может быть, поэтому и царит до сих пор в России «оккупационный режим», что иные из числа русской интеллигенции в трудную минуту занимают страусиную позицию? Может быть, хватит винить внешних врагов, которые ясны, которые не подводят и не предают, а лишь прекрасно учитывают склонность к предательству?! Заразный грибок «палиевщины» страшнее Бейтара и Бнай Брита, вместе взятых».

Палиевского попытался как-то выгородить Валерий Николаевич Ганичев, всегда пользовавшийся советами Палиевского. Он на внутреннем

писательском собрании намекнул «газетчикам из «Дня» (старое название газеты «Завтра»)», что на Палиевского в русском движении были всегда возложены другие, очень трудные, даже неприятные, не афишные, а «конспирологические», особо важные задачи. Но Бондаренко не присмирел под окриком «мэтра», а и эту защиту принципиально в открытую печать вынес: «Ганичев заговорил о каких-то мифических «секретных складах», где скрываются национальные «стратегические запасы» (их раскрытие просто преступно). Такой милитаризованной метафорой Валерий Ганичев уличил меня в выдаче противникам нашего секретного агента Палиевского».

Вот тут уж многим стало не по себе.

В разоблачительном раже Бондаренко обвинил Палиевского даже в том, что тот, мол, работал заместителем директора по научной части в ИМЛИ и при «их» Сучкове, и при «их» Бердникове, и при «нашем» Феликсе Кузнецове. Ну, так что же, не работать ему было с Сучковым и Бердниковым, сдать всецело евреям ИМЛИ? Усилиями предшественника Палиевского на должности зам. директора по научной части - великого подвижника русского дела Романа Михайловича Самарина - ИМЛИ был превращён в настоящий центр русской культуры, вырастил целую плеяду боевитых русских учёных, начиная с того же Вадима Валериановича Кожинова. И что, Палиевскому надо было отказаться от должности? Уступить её какому-нибудь откровенно «жидовствующему»?

Не знаю, но, мне кажется, что Владимир Бондаренко все-таки несколько перегнул в посрамлении своего наставника.

Критик-«собиратель» должен творческие противоречия в русском стане сглаживать. А «неистовый ревнитель» может и из искры пламя раздуть, на публику пошуметь. Единственно, что надо понять, что к «ним» дощечку через пропасть нам не перебросить. Своих нельзя никогда сдавать, помнить, что мы на войне. Ведь «они», пусть по плечу тебя и похлопают, пусть даже где-нибудь упомянут, а своим ты «им» никогда не станешь. Как ты ни распинайся, что учился у «полукровки» Игоря Золотусского, они тебя ненавидят, как сатана Бога. А это уже не тактика или стратегия. Это провиденциально.

Я это говорю сейчас. Но и тогда, в апреле 1979-го, нервно обсуждая в кабинете Белоконя на расширенном заседании бюро программный доклад Палиевского о смене стратегии и тактики «Русских клубов», мы много спорили как раз вот об этих «собирательных» проблемах. О дерзких, для привлечения внимания эпатирующих общественное мнение, сознательно вызывающих огонь на себя выступлениях. И об организации их «прикрытия». О том, на какие слои населения мы должны опираться. С кем и как и должны ли вообще в «верхах» и в КГБ работать.

Палиевский обвинил меня в том, что я превращаю «Русские клубы» в низовую организацию «Русской партии внутри КПСС», и предложил проводить более либеральную, «широкую» и чисто просветительскую линию, привлекая даже «их», то есть «жидовствующих», стараясь сделать

«Русские клубы» лакомым местом для самой рафинированной интеллигенции. Он категорически выступил против практики приглашения на «вторники» нужных людей из партноменклатуры. Бушевал, что тут даже одна «одиозная» фигура скомпрометирует все наши «русские вторники» в глазах всей интеллигенции.

Ещё один акцент он сделал на гласности. Он настойчиво предостерегал против резких печатных выступлений. Тут досталось больше всего Дмитрию Жукову за его фильм против сионизма. Палиевский упрекал Жукова, что тот при всех несомненных его положительных качествах: и напоре, и искренности, и вере в Русскую Идею, - порой демонстрирует образец непонимания некоторых сложных вещей и обязательных профессиональных правил - нет, не в закулисной борьбе, тут он дока (даже к самому Андропову, проталкивая свой фильм, пробился!), а в тяжёлой и часто вынужденно сугубо «конформистской» работе участников русского национального движения. Он подчеркнул, что не оговорился, что нужно уметь быть «конформистами» не только к власти, но и внутри самой интеллигенции. Надо, мол, уметь «заигрывать» и даже чутко подыгрывать общественным настроениям. Особо Палиевский остановился на ложной открытости. Хотя, мол, он берёт это слово в кавычки, но в жизни нам, русским людям, приходится, к сожалению, даже слишком часто оказываться в положении, когда «открытость» попросту невозможна и преследуется репрессивными или другими «принудительными» мерами со стороны оппонентов. Например, бойкотом. Презрением. Как же уберечься? А в этом случае, мол, нам всем надо твёрдо усвоить: сболтнёшь чего, ещё не так страшно: суда, возможно, и не будет. За сказанное среди своих - не убирают; убирают - за напечатанное. От сказанного всегда можно своего человека защитить даже от Андропова. А вот за «тексты» сразу сажают.

Резко против Палиевского выступил Дмитрий Жуков, предлагавшей кончить трусить и откровенно подыгрывать Брежневу с его доктриной: «Пусть болтают, сколько хотят, но среди своих и не в печати», - и сделать доминантой нашей работы беспощадную борьбу с сионизмом.

Ругались долго. В довершение выяснилось, что у меня тем временем украли меховую шапку, которую я оставил на стойке-вешалке в передней. В том году была повальная мода воровать шапки - меховушки срывали с голов даже прямо на улице. Надо мной смеялись: как это символично, что у «генсека» украли голову - кстати, это был единственный случай воровства в «Русском клубе». Мы шли по улице и доругивались. Это был, пожалуй, единственный раз, когда мы все вместе не пошли после клуба по-русски посидеть в ресторане или в пивнушке, если поздно очень, то хоть на вокзале и даже в путейском ночном буфете.

Мы долго ходили взад-вперёд. Была весна, и нас охлаждал мелкий дождичек. Святослав Котенко пытался не допустить раскола, примирял стороны. Убеждал, что надо действовать по разным направлениям, у кого где лучше получается. И все - в общую копилку.

12. Суждены нам благие порывы...

Но суждены нам благие порывы, а свершить ничего не дано. В самый неподходящий момент в игру вступила третья сила - собственная наша русская расхлябанность, Несобранность, неумение по-еврейски быть сплочёнными и хотя бы не выносить сора из избы. Я настойчиво советую русским людям прочитать дневниковые записи Сергея Семанова за 1980-й год, они опубликованы в журнале «Наш современник», 2004 г., № 1, - и очень хорошо передают ту атмосферу нашего напора, но одновременно и нашего русского внутреннего психологического бардака. Евреи действуют сплочённо, чётко - а мы выясняем между собой отношения, треплемся, колеблемся, прекраснодушничаем, боимся кого-то обидеть, кидаемся друг на друга, науськиваемые евреями, с кулаками, неумеренно пьём и по пьянке доносничаем на своих русских. И все время - ощущение, что у нас земля уходит из-под ног.

Вдруг загорелось синим пламенем писательское издательство «Современник» Юрия Прокушева и Валентина Сорокина, на потоке выпускавшее прекрасную русскую литературу. Издательством в ряде книг были допущены, как тогда, говорилось, «грубые идеологические ошибки». На самом деле - блошиный ряд. Ну, перегнули палку в гимнах белогвардейским генералам и т.п. Ну, что-то ещё подобное. В-общем, однако, подставились. Чтобы спасти своё издательство, Прокушев и Сорокин, имея в виду мою репутацию крепкого «контрпропагандиста», знающего чётко «силуэты идеологического противника», попросили меня перейти к ним замом главного - на официальное идеологическое укрепление. Для меня, конечно, вдруг перейти бы из самого идеологического пекла, где шаг влево, шаг вправо - стреляют без предупреждения, в благословенное, спокойное да ещё и совершенно русское издательство было свалившимся с неба счастьем.

Я никогда не хотел носить мундир, хоть даже с золотыми генеральскими погонами, всегда стеснялся повелевать и никогда не умел приказным непререкаемым голосом командовать. Я вообще никогда не хотел быть начальником, администратором. Ну, не для меня это. Не по моей натуре. Я крупно терял в заработке, но никакая самая высокая зарплата не заменит писательской свободы. Чтобы писать, когда голова полна нахлынувших образов, можно проснуться и среди ночи, и - за письменный стол. А вот нестись на службу непременно к 9.00, выслушивать однотипные рапорты, стоять перед вытянувшимся в струнку строем, берущим «на караул!» - увольте! У меня во время бума на русские кадры и, поскольку я уже числился в номенклатуре ЦК, не было недостатка в хороших предложениях - и на телевидение, и на киностудию главным или директором, учитывая моё второе кинематографическое образование. Буквально за два дня до этого мы с Софроновым были у Черненко, согласовали мой переход первым замом в «Огонёк» - с перспективой. Но там оперативный еженедельник, тяжёлая административная работа. А тут два творческих дня! - я так и сел на пол. Плюс два выходных - это четыре дня в неделю можно запереться и

писать, писать, витать в дивных творческих замках.

Я понимал, что, пока не поздно, надо сделать писательский выбор. Не для административной же рутины я учился на сценарном факультете ВГИКа?! Я пошёл наверх слёзно обивать высокие пороги, прося меня отпустить. Меня сначала обвинили в дезертирстве. - «Тебе доверили важнейший идеологический участок, а ты рвёшься на дачу - в писательскую синекуру?» - но неожиданно мне подыграло андроповское ведомство: не известно, где ещё теперь самый опасный участок! Если русское национальное движение выйдет из-под контроля, а все к этому идёт, то весь «страшный сионизм», которым мы друг друга запугиваем, покажется маленькой букашкой перед гигантской русской «самиздатовской волной» - волна эта вот-вот сметёт всю партию, как вчерашний снег. Конечно, Андропову прежде всего хотелось меня убрать от прямого подгляда за его ведомством. Но мне это сработало на руку.

Решение по моему заявлению о переводе было: «Хочет, ну и пусть поварится в сладком писательском соку. А может быть, это даже и выход, раз органы настойчиво сигнализируют, что издательство «Современник» превратилось в координационный центр русского национального движения. Туда сейчас сходятся все пути. Практически оттуда сейчас, если верить органам, незримо управляется весь Союз писателей, с которым тоже нужно держать ухо востро, - вспомним «пражскую весну». Свой, проверенный человек, по крайности, хоть осознающий реальное положение сил, будет на месте в «Современнике». Пусть идёт, а потерю в зарплате компенсируем».

Меня с недельку потаскали по «административным надстройкам» (к министру печати Свиридову, в отдел ЦК и т.п.), где на меня глядели и делали вид, что что-то решают, хотя без них все давно решено. И все обещали помощь и «инструктировали» в том, чего сами не очень понимали. А потом мне сообщили, что приказ подписан, и я могу ехать «на дачу» - по Рублёвке на самый край Москвы, где среди ослепительной зелени недалеко от престижных домов ЦК партии, почти напротив своей квартиры Прокушев разместил в пустующем детсадике, в страшной скученности (так что все редакторы вынужденно работали по домам) мощнейшее новое русское издательство «Современник». Так я оказался в русском раю. Это были самые счастливые годы в моей жизни. К сожалению, недолгие.

По распределению служебных обязанностей я получил под свою ответственность издательский тематический план (то есть ни одно имя не могло просочиться мимо меня), всю рутинную работу по согласованию темплана в инстанциях, а также конечный фильтр - все «подписание в свет». Ни одна сколько-нибудь вызывающая идеологические сомнения рукопись не должно была идти в набор до моей подписи. Практически получалось, что я - своя предварительная внутренняя проверка перед цензурой, в которой было много неприятной, но вынужденной рутины: объяснения с авторами, что можно, а что, увы, ещё нельзя. А ведь были среди авторов самые маститые, именитые, с которыми говорить ох как

трудно! А я не имею им права сказать, что это снимаю куски не я, а цензура. Перед авторами мы обязаны были делать вид, что политической цензуры у нас в стране вроде бы как нет. Сказать бы:

- Уж куда я только не звонил, на самый верх обращался, но разрешения оставить оды Сталину в ваших воспоминаниях, товарищ Ваншенкин, нам не дали, хотя вы всего лишь правду пишете: был и такой Сталин для многих!

В итоге Ваншенкин обижался лично на меня, а не на упрямого цензора-«демократа» Солодина. Но чаще, конечно, вместе с автором мы находили разумное решение. Сугубо по моей инициативе «Современник» оперативно издал книгу критики Льва Аннинского. Его всегда недолюбливала цензура, искала у него аллюзии даже там, где их не было. Но тут я сработал хорошо - убедил всех и «тех», и «наших». Андропова даже настолько, что тот сам позвонил Маркову с рекомендацией перестать зажимать и чаще печатать «демонстративно не примыкающего к группировкам Аннинского». Книга Аннинского была раскуплена мгновенно. Это был прорыв.

Очень трудно шла блестящая книга критика Анатолия Ланщикова. Он упоминал имена новых эмигрантов, которые запрещены были к упоминанию спецсписком ГБ. Андропов упёрся, делать кому-то исключения не хотел, даже Ланщикову, к которому в ГБ всегда относились хорошо. Я пожаловался на ГБ в ЦК. Пользуясь своими связями, пытался решить вопрос на уровне Суслова. Доказывал, что Анатолий Ланщиков просто пишет правду - никого не идеализирует. Что запрещением упоминать диссидентов Андропов практически работает на подрывную радиостанцию «Свобода», которая постоянно раскручивает именно эти имена. А мы про них оплеванно, будто виноватые, молчим. Что народу надо всю правду знать, что они из себя представляли до отъезда - еврейские посредственности! Дешёвки, вроде крайне поверхностного модерниста Василия Аксёнова-Гинзбурга! Что-то удалось у Ланщикова отстоять. Но я плакал, потому что нам все-таки пришлось наполовину перевёрстывать замечательную книгу. Хоть мы и шикарную обложку сделали, и тираж увеличили. Не мог же я шепнуть Ланщикову, хоть он был мне по «Русскому клубу» близкий друг, не мог даже своим в издательстве шепнуть - только на ухо одному директору Прокушеву! - что Суслов с Андроповым лишь «наполовину» по этим диссидентам между собой примирились.

Не меньше мне пришлось пережить из-за книги Юрия Селезнева о Достоевском с её акцентами на духовном отторжении Достоевским Вечного Жида. Слава Богу, тут мы знали, что надо обращаться к его покровителю Зимянину, который цыкнул на цензуру. А когда те все равно начали качать права и обращаться уже к Андропову, то вёрстку прочитал Суслов и поддержал Зимянина без малейших замечаний: «Не хватало нам ещё классиков поправлять, Ну, и что «не хорошо про жидов»? Это мнение Достоевского, а не Селезнева, Селезнев только цитирует. У меня нет вопросов».

Но самой нашей большой победой были - издания Федора Абрамова, Василия Белова и Бориса Можаева в неугрезанном виде. Я горжусь, что через меня прошло первое издание «Пряслиных» Федора Абрамова. До этого цензура никак не давала издать Абрамова концентрированно - отдельной большой книгой, и можно понять почему: такая сразу сложилась щемящая картина русской муки, такая за деревню нашу русская боль! Что я пробил через «инстанции» эпические романы «Мужики и бабы» Бориса Можаева и «Кануны» Василия Белова, с очень честным, полным слёз взглядом на трагедию крестьянства при коллективизации. И скажу больше - на всю трагедию советской власти. «Кануны» - это самый откровенный и глубокий анализ катастрофы Великой России, я не читал лучше книги.

Я держал в руках красивые тома Абрамова, Белова, Можаева - и хотелось жить, и я поверил, что не зря перешёл в «Современник». Русские что-то могут! Мы поехали с главным редактором Сорокиным и большой русской компанией с тамадой Иваном Шевцовым (как же без него! раз «они» его «антисемитом» объявили, мы ему громадный роман «пробили»), крепко напились в старом Русском купеческом ресторане «Балчуг» - там ещё мои предки Прохоровы пили! - на Софийской набережной напротив Кремля. «Я никого не боюсь, у меня гебешный генерал в замах!» - витийствовал, целуя меня, Сорокин.

Я никогда не был «гебешным генералом». Когда предлагали оформить погоны, всегда наотрез отказывался. Не то чтобы брезговал, пугался дурного общественного мнения. Мне просто хотелось оставаться в номенклатуре ЦК, в номенклатуре каких-никаких, но русских Суслова, Черненко, Брежнева - не Андропова-Файнштеина.

Мы в «Балчуге» долго пели «отмстим неразумным хазарам!» а когда вышли из ресторана на улицу, нам всем было видение: златоглавый Кремль вдруг оторвался от земли и повис на белом облаке, как град Китеж. Несколько минут длилось это видение. Мы все попадали на колени - крестились. Мы верили: с нами, русскими, Бог!

Насколько уверенно мы себя в «Современнике» чувствовали, можно судить по тому, что мы дерзко занялись - взялись даже... за ревизию официальной трактовки ленинского наследия. Ленинское наследие тогда было, как «Отче наш» перед едой. Когда нужно было что-то сказать, о чём говорить вслух запрещалось - пользовались, как отмычкой, «ленинским наследием». С.Н. Семанов, когда решился сделать в «Русском клубе» доклад о русофобии троцкистов, назвал доклад «Борьба В.И. Ленина против троцкизма в области истории и культуры». И - проскочило! Лениным неистово клялись и тот, и наш лагерь. Сталин якобы возвращал партию к ленинскому наследию после троцкистско-бухаринских ревизий. Хрущёв сваливал Сталина, «возвращаясь к ленинскому наследию». Брежнев уже от «ревизиониста» Хрущёва, «вернулся к ленинскому наследию». Горбачёв уже из «брежневского застоя» обещал вернулся к «ленинскому наследию». Вот мы к юбилею Ленина и решили ни много, ни мало, а насколько предельно возможно «русифицировать» его. Положить

русским на стол такой «ленинский талмуд» - только листай и подбирай нужные цитаты для оправдания русского направления.

До сих пор трактовку ленинского наследия евреи всегда крепко держали в своих руках. Целый Институт марксизма-ленинизма, громадный «Политиздат» - и везде сплошь они. Присосались! Мы не то, чтобы решили оттеснить пиявок. Но ещё энергичнее - мы решили попытаться влить в ленинское наследие свежую кровь. Каждый политик ведь говорит и действует в зависимости от ситуации. А уж Ленин-то всегда вертелся, как уж на сковородке. Поэтому вычленить сквозную линию можно из него было и «ту», и «эту». Где умно забыть про его русофобские высказывания, а где-то вспомнить нечто похожее на русскую национальную гордость. Опыт манипулирования цитатами мы накопили большой, хорошо знали, откуда что можно, нам нужное, взять. И вот, пользуясь связями, мы решили отнять у «Политиздата» и самим издать официальный сборник «Ленин о литературе». Я привлёк к работе видного деятеля Академии общественных наук при ЦК КПСС, одно время даже её ректора, Василия Васильевича Новикова, с дочкой которого мы семьями дружили ещё со ВГИКа и который мне настолько доверял, что отводил со мной душу, честя «их» почём зря.

Мы с Новиковым решили полярно переменить «академические» акценты не только умелым подбором материалов, но и соответствующе подобранными примечаниями. А также умело сгруппированными свидетельствами современников В.И. Ленина. Никакой отсебятины, но отбором и чужими устами красноречиво сказать все. Василий Васильевич загорелся: хоть что-то стоящее сделаю в жизни перед уходом на пенсию. Ленин у нас предстал вполне даже патриотом, довольно консервативным во взглядах на искусство, настойчивым в требовании неукоснительной ассимиляции евреев и ярым врагом всех иудо-модернизмов и перехлестов. В-общем, мы вытащили «нужного Ленина» и хорошенько обернули «примечаниями». Новиков слыл добросовестнейшим ортодоксом. Про Новикова в журнале «Знамя» говорили: мы открываем год В.В. Новиковым, а потом печатаем, что хотим. Под надёжного «Новикова» Суслов лично дал разрешение готовить красивый юбилейный том: «Вот, мол, «Современник» исправляется!» В утверждённом ЦК КПСС тематическом плане стояло: «В.И. Ленин о литературе, 550 стр., вступительная статья В.В. Новикова; составители В.В. Новиков и А.И. Байгушев. Примечания Т.Н. Марусяк».

Сборник был набран и свёрстан, но света не увидел. Дело в том, что на пенсию ушёл директор «Современника» Юрий Львович Прокушев, который один только и мог взять на себя ответственность подписать в свет столь дерзкую книгу, предлагающую нарушить еврейский канон и взглянуть на наследие В.И. Ленина так, как нам, русским, нужно. А новый директор Г. Гусев взять на себя всю ответственность не решился, тем более, что ситуация с «Современником» предельно обострилась. И - скажу и про себя честно - я тоже уже как-то не был уверен в том, что, коли нас с В.В. Новиковым «они» начнут бить, то в новой ситуации Суслов встанет на нашу с В.В. Новиковым защиту. Вот так печально было с последней

вёрсткой, какую я держал в своих руках перед подписью в свет в «Современнике». Мы какое-то время с В.В. Новиковым тщательно хранили вёрстку, надеялись выпустить в другом издательстве. Но события стремительно побежали так, что В.И. Ленин вскоре вообще стал сначала дурним тоном, а потом вовсе никому не нужен. Сейчас ещё вспоминают державника И.В. Сталина, а от Ленина, как от зачинщика смуты, шарахаются все.

Ну, а с «Современником»? Мои счастливые дни оборвались так же внезапно, как начались. В «Современник» вползла андроповская змея. Внешне она маскировалась под самую банальную склоку. Двое русских поэтов, Юрий Иванович Панкратов и Александр Александрович Целищев, вчера обнимались и клялись Прокушеву и Сорокину в вечной верности, буквально ползали на коленях, благодаря за свои изданные книги, а сегодня, сами занимая в издательстве не маленькие посты, перепившись (!), «разобиделись на весь белый свет» за то, что у Сорокина идёт книга в другом издательстве «Художественная литература», а Прокушев широко печатается в издательстве «Просвещение». «Избранное» у Сорокина, а у них нет, и, в дымину пьяные, накатали на директора и главного редактора, своих же русских, телегу евреям в ЦК. Мол, раз так - пусть евреи, как третейские судьи, нас рассудят, определят со стороны, кто больше достоин «Избранного». Так они сами мне объяснили телегу.

По существу телега была «пустой». И даже в ней чувствовалось некое удивительно профессиональное незнание издательского дела - ведь то, чтобы руководители издательства печатались не у себя, как раз поощрялось. Издательство - не газета, где, чтобы не разбазаривать добытую информацию, не разрешается своим сотрудникам печататься вовне без специального разрешения. В издательствах все наоборот. Гонорары - не маленькие газетные, а большие деньги. И поэтому, чтобы руководители и даже рядовые сотрудники издательств не устраивали себе кормушку, не хапали в свой карман, для печатания у себя им было нужно каждый раз разрешение министра на основе чрезвычайно придирчивых спецрецензий Комитета по печати. Но профессиональное незнание понятно, если текст письма готовился не самими его авторами, а где-нибудь в «конторе». За «контору» свидетельствовало, что уж очень все рассчитали гады, кому именно направить и как для верности ещё и за якобы недоплаченные взносы с гонорара просигналить.

Честно говоря такого «письма» надо было ожидать. За Юрием Панкратовым был давний грех, когда его могли попутать. Он был лучшим учеником Пастернака, был своим в еврейских кругах. Те его тянули вверх, славили. Но внезапно в момент травли Пастернака именно Юрий Панкратов открестился от своего учителя - с чего бы? А не с того ли, что его с поэтом Хабаровым простили в ГБ за некий манифест. Простили, но «повязали». Впрочем, это только мой домысел. Но есть ему косвенное подтверждение. Я помчался гасить письмо к своим людям в КПК. Но, хотя я ссылался аж на члена Политбюро Константина Устиновича Черненко (которому всю подноготную с «ихней» провокацией против русского «Современника» объяснил, и тот все понял), мне намекнули, что письмо

на «соседском» контроле, что даже звонил, интересовался сам Андропов.

«Факты» не подтвердились, но работать Прокушеву и Сорокину стало некогда - наши недоброжелатели обрадовались, пошли проверка за проверкой. Сами себя, мол, русские евреям подставили, а те и рады русских «проверять». Мы еле отбивались. Я предупредил Прокушева, чтобы он взял больничный на месячишко-другой и не ходил на обсуждение в КПК. Меня попросили его так предупредить - у них в КПК была не та обстановка: только что прошла «накачка сверху», и Прокушев мог попасться под горячую руку и таки схватить выговорешник ну ни за что. Но Прокушев упёрся: «Я не брошу на растерзание Валю, а двоим брать бюллетени слишком явно. Отвечать будем вместе! Я молодых не подставляю, не предаю и не прячусь. На мне нет вины!»

Прокушев, как мне потом рассказали, держался на КПК достойно, но ему таки дали выговорешник, на всякий случай. Не Бог весть какое наказание, через год бы сняли. Другие с такими выговорами годами работают. Тот же Софронов, который на «Огоньке». Но Юрий Львович кровно обиделся: «Я старый коммунист, а со мной так поступают! Мне не верят, что я ни копейки из гонораров себе не взял, - все, что было, до копейки, перевёл на Музей Есенина. Ну, что они сами проверить это не могли? Я справки должен им с собой носить. Да пошли вы все...» Прокушев категорически подал заявление об уходе: «Грызитесь без меня!»

Я тоже стал подумывать о переходе на творческую работу. Как раз вышла и получила хорошую прессу моя книга критики и публицистики «Точка зрения». Весь стол дома был у меня завален непристроенными рассказами, повестями, даже пьесой. А в нижнем ящике стола лежал готовым большой исторический роман «Плач по неразумным хазарам». Проскочить с ним через цензуру даже при моих связях я пока никак не мог - дёргался, но в моём романе о хазарах - увы, именно «в семье» увидели аллюзии на брежневское время, в фигуре Кагана - аж самого Брежнева. Я был обижен и страшно колебался. Конечно, если уйти с работы, то ведь не связанный служебным положением я мог бы и на Запад «Хазар» передать - хорошие предложения у меня были. А там будь что будет.

Но как вдруг - боролся-боролся с диссидентами и сам по их дорожке?

Я пока оставался в «Современнике».

Мы уговорили прийти к нам директором Сергея Николаевича Семанова, уже приказ был подписан, но Семанова из журнала ЦК в последний момент вдруг не отпустил, мотивировав тем, что у партии на него свои очень, очень высокие виды. Пришёл директором секретарь СП, крепкий русский прозаик, милый человек Николай Шундик, они с Сорокиным знали друг друга ещё по саратовской «Волге» и хорошо сработались, но пасквилянты и Шундика начали изводить. Меня не трогали, мне только притворно слёзно каялись, какую они глупость по пьянке сотворили. Но от этого мне было не легче. Уже шёл на работу,

повесив голову. Стыдно признаться, но даже начал разочаровываться в Русской Идее. Пока боролись с «ними», все было как дважды два. Ты на невидимом фронте и должен выстоять. Но тут в «Современнике» «их» ни одного. На дух «их» нет. Ни один «ихний» автор даже не заходит, договора не просит. Только делай русское дело. Печатай боевые русские книги. Расти молодёжь, поддерживай русскую провинцию. Какие в провинции самобытные таланты! И вдруг такая грязь, такая свара. Мы чувствовали себя, как оплёванные. Как сами на потеху евреям нагишом раздевшиеся! Может, «они» и правы, что мы - народ рабов?!

И тут в конце 1980 года произошёл ещё более страшный и нелепый прокол в русском лагере - Брежневу очень понравился очередной номер «Комсомольской правды», поднявшей важные для развития сельского хозяйства вопросы - о расширении птицеводства, недорогом и прибыльном. И Сам решил лично позвонить - поблагодарить редактора. Второй Ильич очень любил делать такие звонки. Он считал, что так он показывает всем, что держит руку на пульсе страны. Брежнев уже смаковал, как его поддерживающий звонок сразу разойдётся по среде всех «державников». Но на беду именно в этот момент Ганичева не оказалось в служебном кабинете, а подлецы-замы (которым Ганичев доверился как русским людям) сообщили, что, мол, совершенно не знают, где их шеф, что он чуть ли вообще не ходит на работу, а, мол, работают одни они. Дешёвка! Но надо было знать натуру Брежнева. Помню, он (он тогда ещё не был генсеком) всегда лично завозил дочку Галю по дороге в Кремль к нам на работу, сам за рулём, - он очень любил сам сидеть за рулём - и задолго до 9.00. По Гале мы проверяли время. А тут сам генсек звонит главному редактору, а тот неизвестно где. Второй Ильич взбесился:

- Подыщите ему другую работу, где не надо ходить вовремя!

В это время у нас происходит и третий сбой.

Мы подготовили штурм главной еврейской цитадели - издательства «Детская литература». Евреи давно приспособили для себя эту кормушку, в детской секции Союза писателей их было под 90%. А у нас практически один Сергей Михалков, ну, ещё два-три имени. Издательство «Детская литература» выпускало мало что дикую макулатуру, но ещё и направленные книги, сознательно разлагавшие молодое поколение - отравлявшие мозги детям и подросткам. После ряда русских сигналов мне поручили подготовить закрытый обстоятельный анализ продукции издательства «Детской литературы» для принятия мер. Дело оказалось неприятнейшее - я снова должен быть рыться в помойке. Только если прежде мне приходилось разгребать и «аналитически обобщать» нечистоты, производимые за кордоном, то здесь я встретился с нечистотами сугубо внутреннего производства. Я занимался уже не столько своим «Современником», сколько «Детской литературой». Каюсь, может быть, поэтому я прозевал у себя пасквилянтов, напавших на Прокушева и Сорокина. Вовремя не засёк двух неблагодарных «старух» из «Сказки о золотой рыбке», и мы «профилактически» не образумили их.

Но - к «Детской литературе». Наши дотошные анализы поразили даже видавших виды аппаратчиков ЦК. Неужели такое у нас прямо под носом возможно? Да что же «кагал» делает с нашими детьми? Срочно в противовес было создано издательство «Малыш», куда пришли русские кадры - наш русский крепкий мужик, поэт Николай Георгиевич Поливин. А издательство «Детская литература» было укреплено - главным редактором - туда пришёл воспитанный Прокушевым в «Современнике» энергичный, стойкий, крепкий русским духом поэт Игорь Иванович Ляпин.

Ляпин - прекрасный русский человек. И о нём стоит сказать чуть поподробнее. В 1971-м году он пришёл в издательство «Современник». Под крылышком у Прокушева и Сорокина быстро вырос и как крупный поэт-трибун с собственным самобытным лицом и как хваткий организатор. Был выдвинут издательством на учёбу в ВПШ, после которой был распределён по линии партноменклатуры в мощное издательство «Советская Россия» заместителем главного редактора - по всей художественной литературе. Там себя хорошо проявил, и был ЦК партии с подачи «Русской партии» брошен на прорыв - главным редактором на эту самую «Детскую литературу». Три года (1979-1981) он вёл неравную борьбу. Но провести кадровую чистку и привести за собой своих людей ему не дали - руки у него оказались связанными. Он много успел сделать. Но один в поле не воин. Еврейское лобби его постоянно ело поедом, а поддержки сверху было ноль. Он трезво оценил обстановку, понял, что практически один одинёшенек в стане противника, и подал заявление о переходе на творческую работу. Так мы не сумели «обрусить» еврейскую «Детскую литературу».

Ни Прокушева, ни Сорокина, ни Ганичева «Русская партия» не дала в обиду. Сидевший на кадрах член Политбюро Константин Устинович Черненко лично принял участие в судьбе «проштрафившихся» русских. Но разговор у меня с ним был тяжёлый:

- Вот они, ваши русские кадры - ничего толком довести до конца не умеете! А ещё хотите, чтобы партия на вас опиралась!

Прокушев из «Современника» ушёл в ИМЛИ - издавать полное академическое собрание сочинений Есенина, делать работу, о которой мечтал всю жизнь. Сорокин ушёл ректором Высших литературных курсов - он тоже всегда мечтал отыскивать молодые таланты. Ганичева перевели на очень хорошую должность главного редактора «Роман-газеты», которая печатала массовым тиражом лучшие новинки литературы и была практически в каждом доме. Для писателя - лакомое место, и хорошо можно влиять на литературную жизнь, щедро поддерживать своих материально и делать их популярными.

Наверное, я тут обязан сказать и о себе. Я встал перед соблазнительным выбором. Главный редактор издательства «Прогресс» Новиков предложил мне перейти к нему, с тем чтобы через пару месяцев, когда будет доработано решение по организации нового издательства «Радуга», которое будет выпускать переводную художественную литературу - русскую на Запад, зарубежную у нас, - стать при нём,

директоре, главным редактором. Новиков был директором издательства АПН, и мы хорошо знали друг друга. Но принять его предложение означало вернуться целиком и полностью в систему советской контрпропаганды. Другой вариант был ещё более соблазнительным. Валерий Осипов, набравшийся опыта в ЦК, был назначен директором самого большого и самого авторитетного советского издательства «Художественная литература», и ему нужен был человек, с которым он мог бы прийти в это чрезвычайно влиятельное заведение - элитарное, очень трудное, с давно сложившимся (в основе своей еврейским) коллективом. Мне предлагалась должность помощника директора, старшего научного редактора, с компенсацией в зарплате и перспективой на главного после определённой чистки. А по обязанностям расписывалась та же работа, что и в «Современнике», - темплан, согласования и подписания в свет. Казалось бы, лучше мечтать трудно. Издам полного Достоевского, остановлю печатание собраний сочинений «жидовствующих».

Держать под контролем и направлять политику практически всех подписных изданий в стране, все переиздания классики нашей и зарубежной. Вот где можно применить и образование, и эрудицию, и все свои специфические идеологические познания. Сколько можно издать нужного как отечественного, так и зарубежного и сколько отсеять шелухи, искусственно раздуваемых «ими» своих имён. Но по зрелом размышлении я отказался от обоих предложений, хотя и Новиков, и Осипов меня настойчиво уговаривали. Скажу, я уже немножко избаловался в «Современнике», меня неудержимо тянуло к письменному столу. А тут в обоих случаях о собственном творчестве предстояло по крайней мере на несколько лет забыть. Налаживать новое издательство «Радуга», начинать все практически с нуля. Искать свою издательскую нишу. Ну, внутри СССР все ещё более менее ясно. А на зарубеж? Да одни международные ярмарки, на которых предстоит сбывать продукцию, тут замучают. А проводить зачистку в «Художественной литературе»? Вдвоём с директором против сплочённого десятилетиями «высоко интеллигентного» коллектива?! Да съедят и не подавятся.

Я пошёл советоваться к Константину Устиновичу Черненко, за номенклатурой которого (среди резерва помощников по ПБ) формально числился. Откровенно высказал свои опасения, сказал, что морально устал, а тут опять в борьбу. Он меня, к моему удивлению, понял. Не стал говорить о партийном долге, а просто сказал: «Ну, посиди, попиши. Приди в себя. Места ещё будут. У нас на идеологическом фронте всегда проблемы с кадрами. Но не проси меня за своих «Хазар». Тут - тема. Ты же знаешь, что тут не я перестраховываюсь. С «хазарами» в России всегда было не гладко. Подожди, конъюнктура изменится. Может быть, тема сама станет востребованной». Я все-таки добился от него разрешения включить своих «Хазар» в план редподготовки «Современника». Но сам понимал, что придётся либо резать роман по живому, выхолащивать до примитива (а зачем тогда его издавать?), либо надеяться на случай. Пока же писать, писать, писать другие книги.

Мы очень даже были довольны партийным решением Русских «недоразумений». Все хорошо трудоустроились.

Но все-таки, если честно, то мы ведь проиграли.

Мы хоть не отдали евреям издательство «Современник» - пришёл из ЦК наш верный русский человек, умелый организатор Геннадий Гусев, разгрёб грязь и спас «Современник». Но быстро ушёл - помощником к члену Политбюро, председателю Совмина РСФСР В.И. Воротникову. Остались после Гусева в «Современнике» другие русские люди, хорошие, свои, но не столь знаковые, менее энергичные. Издательство перестало быть кузницей русских кадров.

Мы не сумели взять под себя издательство «Детская литература». Мы не взяли под себя и «Художественную литературу»: как я и предполагал, Валерия Осипова довольно быстро съели.

А ключевой пост главного редактора «Правды» мы потенциально потеряли. Туда пришёл русский, но «тюха», не боец.

13. Политбюро обсуждает закрытую записку Андропова против «русистов». Дело русского националиста Семанова

На войне, как на войне. А русско-еврейская идеологическая война шла по военным законам. И вот - потеря темпа в наступлении, вынужденное топтание на месте, теряющие время перестроения во время боевых действий.

«Иудейская партия внутри КПСС», совсем было попритихшая, терпя поражение за поражением, опять, как ненавистница-кикимора, ожила:

- Ах, эти русские лопухи! Мы их голыми руками возьмём!

Наши идеологические противники мечтали о реванше за высылку «хромого беса», за поражение с «Метрополем», за… компрометацию КГБ.

Иудейское решение было напрашивающимся: мы выявили «жидовствующего» знаменосца (Яковлева) - они ответно взялись вырубать с не меньшим скандалом русского знаменосца.

Андропов-Файнштейн начал охоту за Сергеем Семановым. Вроде бы странно с его стороны. Я уже говорил, что его дети Ира и Игорь прекрасно знали Сергея Николаевича. Игоря он поддерживал в писательских начинаниях (Игорь печатался под псевдонимом «Андросов»). А Ира, очень милая, приветливая, общительная, даже работала у Семанова в «ЖЗЛ». Партбоссы и их ближайшие прислужники вообще любили «засылать» своих детей в «Русскую партию». Не то, чтобы не доверяли спецслужбам, но хотели иметь информацию не «процеженную», а живую, из первых рук и… думали о будущем своих детей. Андроповская дочка тоже не ходила без дела - «контролировала» Семанова, то есть видела каждодневно «Русскую партию».

А начальник страшной чекистской «пятёрки» Бобков, он стал затем даже первым замом в ГБ, «внедрил» своего сынка Серёжу по кличке «Подвознесенский» - посредственного поэтишку, подражавшего «ихнему» Вознесенскому, - в редколлегию самой «Молодой гвардии», а затем секретарём по молодёжи в «опасный» Союз писателей РСФСР (сейчас Серёжу не видно; за точность не поручусь, сам сего имения не фотографировал, но упорно болтают, будто живёт Серёжа «Подвознесенский» рядом с Гусинским в папином имении в Испании; всегда за болтовнёй что-то есть, пусть даже и в сильном искажении).

Так вот: открыто напасть на Семанова значило для Файнштейна «засветить» свою «обрусевшую» Иру. А тут ещё и в редколлегии журнала «Человек и Закона» состоит сам первый замминистра внутренних дел, зять Брежнева Чурбанов. Выходило, что Андропову как-то уж совсем не с руки было охотиться за Семановым.

Было и ещё одно немаловажное обстоятельство. Только что прошёл юбилей Михаила Шолохова, на праздновании которого Семанов был весьма востребован, многие юбилейные статьи были за подписью Семанова. Ясно было, что член ЦК КПСС, Нобелевский лауреат Шолохов встанет за Семанова. И второй член ЦК КПСС - уже от армии - замминистра обороны, Маршал Советского Союза Кирилл Семёнович Москаленко, тоже был опекуном Семанова, только что написал восторженное предисловие к книге Семанова «Брусилов», которая как раз легла на стол Брежневу. Москаленко был командующим 38-й армией, в которой политическую работу вёл Брежнев, и они подружились на всю жизнь. Возможно было, что и Москаленко заступится за Семанова.

Получалось, что, выступая против Семанова, Андропов «бил» по самому Брежневу: вот твои семейные друзья каких «антисоветчиков» опекают. Бил по всем нам - русскому лагерю, сразу компрометируя и отодвигая от попытки дружно войти во власть всех нас. Может быть, это слишком красивое сравнение, но, когда окружение Николая Второго сдало Столыпина, оно, само того не понимая, сдало масонам Русскую Идею - все русские кадры, которые могли стать рядом с Николаем Вторым и сохранить русский престол. Мы в русском кругу часто вспоминали Столыпина, как его царь сдал, и каждый из нас, с тревогой следя за судьбой Семанова, заранее примерял его судьбу на себя. Он вроде вырвался вперёд. Но хорошие карьерные предложения делались тогда в русском лагере многим. Но, уж покаюсь, многие, однако, думали: «А ведь сразу возьмут «они» на мушку, как Семанова. Серёжа-то вроде всегда был у нас герой. А смогу ли быть героем я? Выдюжу ли под постоянными пулями-то? Вторым-то, каким-нибудь замом или помощником, всегда легче просуществовать. И вроде дело делаешь по силам, и Русской идее красиво служишь, а спрос меньше. Не всем же Столыпиными вырываться со знаменем вперёд и трагически погибать?!»

Я думаю, на наше смятение и рассчитывал Андропов. Показательно, мол, уберу одного героя - присмиреют и другие.

Ну, он и за шкуру свою боялся. Он, конечно, все взвесил. Понимал, что

шустрым русским мальчикам вокруг Брежнева и Черненко палец в рот не клади - только и ждут повода откусить. Понимал, какой он тайной ни обставит свою охоту на Семанова, те, кто за ним, самим Андроповым, по поручению Брежнева зорко присматривают, тоже острого момента, чтобы свою русскую игру сыграть, не упустят. Не Семанова будут защищать - себя всех, а это уже значит, что выходит он войной не на некое лицо, пусть и номенклатурное, но не слишком, а на саму Русскую Идею. Очень, очень опасно. Такое никогда не забывают.

Но тут уж для Андропова все впрямь было - пан или пропал. Вдруг получить под себя явную «подсидку» - человека, который прёт, как на баррикады, и в идеологии, в отличие от него самого, крепко образован, Андропов никак не хотел.

А о чём думал Брежнев? Не знаю, сознавал ли он, что система уже подгнила. И что никакой самый правдивый и принципиальный журнал «Человек и Закон», никакой самый талантливый и умный, солидно образованный и с хорошими связями перспективный русский человек уже не мог ей помочь. Но знаю точно, что Брежнев был недоволен тем, что КГБ Андропова-Файнштейна практически воюет не против агентов противника, не против мафии, а против своих, против опоры Державы - русской интеллигенции. Да к тому же ещё именно ГБ целенаправленно распускает слухи про его «брежневскую» якобы нечистоплотность. Раззвонили про супердорогие машины, которые Брежневу за границей дарили и которые он тут же нашим автозаводам разобрать передавал: чтобы лицензии не покупать, а «ноу хау» иметь - мы экономили так валюту. Но сплетничали: ах, какие у Второго Ильича дорогие машины! Сделали жупел из дочери Гали. Она, конечно, не подарок. Пьёт, гуляет, подарки принимает. Старея, чтобы прикрыть морщинки, искрящимися бриллиантами обвешалась. Но все это раздувалось до предела. Андропов явно копал под Брежнева, пытался, где возможно, скомпрометировать его. Брежнев это просёк, и Андропов подвис. Брежнев «думал». Обложил он Андропова своими замами - друзьями семьи Цинёвым и Цвигуном. Но явно на ГБ был нужен уже свежий и отчаянно русский человек, которого Брежнев осторожно подбирал. Семанов с его опытом главного редактора популярного журнала «Человек и Закон», где он не боялся «щупать» первых секретарей крайкомов, тут очень подходил. Народ бы Брежнева правильно понял.

Но Андропов на то и был Файнштейном, что не сдался, а, почувствовав, что стул под ним качается, пошёл на самую грязную провокацию.

Два года по России ходила, вызывая бурную реакцию, самиздатовская книга без подписи «Логика кошмара», в которой автор «откопал» еврейские фамилии жён членов сталинского Политбюро, подлинные еврейские фамилии палачей ЧК и 37-го года и «изобразил историю КПСС и Советского государства как непрерывную цепь заговоров, переворотов, грубого насилия, задуманных и осуществлённых людьми, мечтавшими только о сохранении свой личйой власти» (так автора цитирует шеф КГБ

Андропов). Круто! Факты надо было где-то узнать. Ясно, как считали в ГБ, что такую богатую эрудицию автор мог заполучить только от людей, причастных к спецслужбам и к спецхрану. КГБ стоял на ушах, пытаясь установить автора. Книга «Логика кошмара» из номера в номер, уже в постсоветское время, будет перепечатываться газетой «Русский вестник» за 1992-й год, номера которой будут расхватываться жаждущими продолжения читателями. Она выйдет также двумя отдельными изданиями в 1992 и 1994-м годах, в 1996 году благодаря авторитетному издательству «Verlag der Freunde» дойдёт и до широкого западного читателя. И все узнают имя автора - серьёзный историк Анатолий Михайлович Иванов, отмотавший уже срок, но оставшийся верным Русской Идее.

Ведомству Андропова - выследили таки! Выдали иностранные дипломаты, с которыми он пошёл на контакты - это имя стало известно раньше в феврале 1981 года. Слежкой устанавливается, что А.М. Иванов - завсегдатай художественного салона Ильи Глазунова и, случается, посещает кухню Сергея Семанова. Какая удача! Не делается никаких следственных действий, не допрашиваются ни сам Иванов, ни свидетели. Ещё идёт подготовительная рутина. Ещё совершенно не подтверждены факты. Есть только зыбкий донос. Но Андропов-Файнштейн уже пишет закрытую записку в Политбюро. Его не останавливает, что Глазунов - выдающийся русский живописец и что Семанов - известный историк и «высшая номенклатура» - главный редактор журнала «Человек и Закон». К чёрту законность. Не нужно никаких доказательств и признаний виновных. Андропов играет ва-банк.

В обход «кадровика» Черненко он разослал членам Политбюро провокационную «закрытую записку» от 28 марта 1981 года - про ужасных, подрывающих, мол, все устои советской власти заядлых «русистов». Обратим особое внимание, какой уровень - закрытая записка в Политбюро. То есть все ставится на карту. Испытанное клеймо - «черносотенцы» Андропов письменно наклеить, однако благоразумно не решился - не те фигуры, сразу бы в Политбюро все брезгливо замахали руками. Это грязное клеймо Андропов оставил для устных кулуарных шепотков своим людям на ухо. Поэтому вроде нейтральное - «русисты». Заклеймив Иванова, Андропов переходит к Глазунову. На Глазунова он уже записку в Политбюро в 1976-м году писал: «Глазунов - человек без достаточно чёткой политической позиции, есть, безусловно, изъяны и в его творчестве. Чаще всего он выступает как русофил, нередко скатываясь к откровенно антисемитским настроениям». Но изолировать всемирно известного художника или даже выслать, как Солженицына, на это уже рука ни у кого не поднимется. Поэтому Андропов всего лишь призывал: «Было бы целесообразно привлечь его к какому-то общественному делу, в частности, к созданию в Москве музея русской мебели». Мол, пусть лучше мебель собирает, только бы вызывающе русские картины не писал. Поэтому, походя лягнув ещё раз Глазунова, подмоченный шеф всесильного КГБ переходит к главной цели своей записки - обрушивается на Семанова и, по сути, обвиняет Семанова в том,

что он - лидер теневой «Русской партии в КПСС» и готовит контрреволюцию.

Андропов предложил «русистов» незамедлительно репрессировать, потому что (цитирую подлинник) «согласно документальным данным, противник (мол, не наши какие-то надуманные наветы КГБ, а сам идеологический противник! И документы на то есть! - А.Б.) рассматривает этих лиц как силу, способную оживить антиобщественную деятельность в Советском Союзе на новой основе». Дальше идёт умелое нагнетание: «Подчёркивается при этом (самим, мол, врагом подчёркивается! - А.Б.), что указанная деятельность имеет место в иной, более враждебной среде, нежели потерпевшие разгром и дискредитировавшие себя так называемые "правозащитники» (эко как! Но для Андропова всегда русские патриоты были большими врагами, чем евреи-диссиденты. - А.Б.)». И Андропов грозно пугает Политбюро: «Изучение обстановки среди «русистов» показывает, что круг их сторонников расширяется и, несмотря на неоднородность движения, обретает организационную форму». Ох, как надо хорошо знать психологию Брежнева и уметь Леонида Ильича организационной формой пугануть! Уже, мол, все у них готово. А дальше призыв к репрессиям: «Опасность прежде всего в том, что «русизмом», т.е. демагогией о необходимости борьбы за сохранение русской культуры, за «спасение русской нации», прикрывают свою подрывную деятельность откровенные враги советского строя». Откровенные враги советского строя! Жёстче не скажешь.

Это все точные подлинные цитаты из документа. Как видим, не бедно Андропов Брежнева на массовые репрессии против русских провоцировал. Сталин бы после такой «убедительной» - со ссылками на перехват секретных документов в посольствах США, Италии, ФРГ и Канады совершенно жуткой оперативной докладной сразу бы всех расстрелял. Причём, вынося свой пасквиль на Политбюро, Андропов играл с огнём. Он не мог не понимать, что скрытая внутренняя партразведка (а такая, начиная со Сталина, под разными названиями, но со строго конфиденциальной, особой номенклатурой была закулисно у всех генсеков; балбес Хрущёв только ею пренебрегал, а чем кончил?) отслеживает его ходы. Не мог не знать и того, что всесильные помощники по Политбюро Владимир Васильевич Воронцов (у Суслова) и Иван Иванович Кириченко (у Черненко) обожали Сергея Николаевича - обходительного, стройного, с киношно «белогвардейской», сводящей с ума дамское общество выправкой (как когда-то дамы умирали по душке Керенскому, так теперь умирали по душке Серёженьке). Но главное для помощников: всегда особо информированный, он щедро и великодушно, и совершенно неназойливо, будто в винт играючи, советовал, как умно что доложить, чтобы переиграть «арбатовых» и «бовиных». А ещё охотно снабжал «своих» (а оба помощника были для нас именно в доску своими, до кончиков волос русскими!) достоверными, занимательнее Пикуля, анекдотами из родной русской истории, чем они могли потом блеснуть перед «шефами». Андропов не мог не просчитать, наконец, что Воронцов и Кириченко тут же кому надо сигнализируют, а уж те прямо Второму

Ильичу. И Брежневу особо близкие люди, в первую очередь дочка и зять и кое-кто из обласканных, готовых голову положить за Второго Ильича, знающих, проверенных на самом опасном деле - ещё в заварушку со свержением хитрована Никитки Кузькиной Матери! - друзей дома, конечно, все сразу объяснят в лицах и со всеми пикантными закулисными подробностями.

Но Андропов понимал и другое: времени у него уже, чтобы дорваться до власти (а для этого ему надо было, как минимум, разгромить теневую «Русскую партию»!) практически уже нет, и потому он сугубо по-фарисейски и саддукейски отчаянно блефовал. Для убедительности он даже стал на Политбюро якобы отслеженную картинку рисовать, показывая в лицах, как будто бы вызывающе нагло, беспардонно антисоветски - ах, антибрежневски! - держал себя Семанов в посольствах США, Италии и Канады, в которых Семанов никогда не был. Но чего не приврёшь, не нарисуешь ради «дела».

Однако Брежнев даже и на «расписные картинки» не клюнул. Не взбесился. Помнил по рассказам самого же Андропова, как тот коварно лгал «лохам» - венгерским аппаратчикам в глаза при подавлении Венгерского мятежа, рисовал тем то, чего никогда не было, горы золотые, обнимался, целовался и... отвёз в тюрьму. Брежнев таким же доверчивым «лохом» для коварного Андропова быть не захотел. Он опирался на теневую «Русскую партию внутри КПСС» в её сдерживающем напирающих либералов и удеев противостоянии. Брежнев на Политбюро категорически возразил против предлагавшихся репрессий. Он сразу сообразил, что у Андропова «под ковром», и прежде всего вообще категорически запретил трогать кого-либо из «патриотов». «Нам новый 1937-й, да ещё против своих русских государственников, опоры державы, не нужен. Скорее всего КГБ просто попало на изощрённую провокацию со стороны западных посольств. Меня на такие «фуфу» не возьмёшь. Я не Никитка Кузькина Мать. Сразу топать ногами не начну. Андропов прав, что доложил. Но поговорили - и спасибо за бдительность. Никаких лишних телодвижением! Поговорили и забыли!»

У Брежнева вообще была отработанная метода, если, что ему явно не нравится, то прямо не возражать, а - засекретить. Самый яркий пример. 22 сентября 1981 года, пока Брежнев болел, Суслов осуществил мечту свой жизни - протолкнул постановление ЦК «Об усилении атеистической пропаганды». Когда в переполошившейся «семье» Брежневу с ужасом в глазах об этом донесли, он не стал отменять решения, а - просто засекретил. Да так засекретил, что ни в один обком для осуществления оно не дошло, «испарилось», как будто его и не было.

Такова была осторожная внутренняя логика Брежнева и в отношении «русистов» Однако тихие неясные слухи по верхам все-таки поползли. Не про «русистов». Самого этого слова - андроповского «новояза», никто даже не узнал. А поползло, что что-то, мол, вокруг Семанова было. И тут побитый Андропов сделал ответный ход, чтобы подставить Второго Ильича. Люди Андропова стали с расширенными глазами шептать одно

слово «Сочи». И, на всякий случай, Коллегия министерства юстиции отправила Сергея Николаевича, без всяких объяснений, на творческую работу, опять же тихо шепнув ему самому: «Сочи».

Только через полгода просочится, что вовсе не из-за борьбы с коррупцией обсуждали на Политбюро Семанова. Но к этому времени Сергей Николаевич был на партучёте в Союзе писателей.

Повторим, Брежнев никогда ничего не решал с ходу. Как когда-то Александра Николаевича Яковлева, даже раскусив его провокационную антирусскую сущность, он убрал в ссылку не сразу, а хорошенько подготовив операцию. Так и тут: он изучал, обсасывал вопрос! Но раз уж человек сам перешёл на творческую работу, то, пока круги на воде от брошенного Андроповым во всех «русистов» (понимай, «черносотенцев»!) камня не разойдутся, может, и впрямь надо повременить с выдвижением Семанова?

Или все-таки выдвинуть? Мы давили. Мол, дали Семакову встряску, он не дурак - поймёт, подправит своё поведение, а теперь поставьте его, куда планировали. А планировали, насколько я был информирован, очень высоко. Человек, работая в советской юстиции, опыта набрался, человек «милицейский», значит абсолютно свой. Почему его не подложить под самого Андропова? С перспективой. Надо омолаживать Лубянку. Тем более, что уж теперь-то, после андроповской записки, «русисты» с «андроповцами» уж точно не сговорятся! Второй Ильич тоже был не лыком шит - ему эта идея очень пришлась по душе. Уже готовились в аппарате «бумаги». Мы опять почувствовали себя на коне. Очень на коне.

И тогда Андропов делает второй ход - решает сдвинуть с точки замерзания начатую им, но после недовольства Брежнева придержанную операцию против «русистов». В августе 1981 года таки арестовывают Анатолия Михайловича Иванова. Но тот тёртый орешек - уже посидевший порядком, поэтому так-то просто его не раскрутишь. Только через полгода руки следователей доходят до Семанова.

В это время в стране происходят два настораживающе синхронных события, в результате которых Брежнев остался без своей главной опоры в секретариате ЦК и без своей главной опоры в КГБ. До мнительности одновременно «старуха с косой» приходит при загадочных обстоятельствах за Цвигуном и вслед за ним сразу за Сусловым.

В ГБ люди Брежнева держались на Цвигуне. Все особые связи, особые досье, повязанные на партию, были у него. Многие контакты, в которых были задействованы со. вместно ГБ и партийная «контрпропаганда», шли только через него. Я с Семёном Кузьмичем был в особых отношениях - рискуя вызвать недовольство Андропова, активно поддерживал его в коридорах власти. И даже демонстративно рецензию на его книгу «Тайный фронт» написал («Молодая гвардия», № 10, 1974)- под знаковым заголовком «Шпионаж меняет лицо», в которой, отсылая читателя к своему нашумевшему «Силуэту идеологического противника», развивал те идеи и особо подчёркивал, что противник переключился на

использование агентов влияния. Верный своей манере я подключил дополнительный закрытый материал. И даже несколько двусмысленно, но, главное, имя Солженицына назвал - вопреки распоряжению Андропова великого писателя ни в коем разе не упоминать, а погрузить в забвение. И расставил акценты так, что Цвигун в моей рецензии выглядел таким мыслителем на главном участке - борьбе с сионизмом, что хоть завтра делай его министром. Цвигун не скрывал своих симпатий к «Молодой гвардии». К Андропову захаживали «бовины» и «арбатовы». К Цвигуну - «ивановы» и «фирсовы». Незадолго до его смерти он советовался относительно кандидатуры на ГБ - как бы для верности с разных сторон одного и того же, ещё молодого подсказать человечка. Его личные отношения с Андроповым были уже натянуты до предела, но себя он трезво отвёл: поймут нас только, если подскажем молодого с именем.

Мы строили большие планы. Но 19 января 1982 года С. Цвигун вдруг, согласно заключению «кремлёвки», покончил с собой. Якобы застрелился после того, как неудачно попытался по поручению Андропова раскрыть глаза Брежневу на похождения дочки Гали. Сивый бред, расстранявшийся для простаков людьми Андропова! Да Брежнев сам прекрасно о Галиной дури знал и с неё не слово брал перестать пить - остановиться. Это была боль, и он сам искал сочувствующих ему. И они были с Цвигуном слишком на «ты», чтобы Брежневу обидеться на сочувственную информацию о болезни и очередном запое дочки. Нет, тайна вдруг «застрелившегося» Цвигуна - в одной цепочке странных смертей в борьбе за власть. Во всяком случае, достоверно одно, что со смертью Цвигуна самому Брежневу стало ясно - ходи по даче да оглядывайся.

Брежнев понимает, что его обложили. И он принимает решение срочно перевести Андропова на «выдвижение» с Лубянки в Большой Дом, пусть полномочия сдаст, а уж потом… Так и Сталин, всегда осмотрительно поступал, когда убирал главных чекистов.

Но 25 января 1982 года неожиданно «умер от инсульта» серый кардинал при Брежневе Суслов. До этого он был совершенно бодрый. И даже к «инсульту»… надо же, приготовился. Словно зная, что его трахнет, заранее прибрался у себя в сейфах. И напоследок загадочно сделал всем ручкой - унёс с собой в могилу всю теневую структуру партийной контрразведки Брежнева, оформленную под контрпропаганду, слившуюся с ней и маскировавшуюся ею, как бы растворённую в ней. Многие видные и не самые видные политики после смерти Суслова оказались «на свободе». Как при крепостном праве: барин умер, оставил завещание - все его крепостные получают вольную. Черненко кинулся занимать кабинет Суслова, мгновенно переехал, но сейфы и шкафы в сусловском кабинете оказались пусты. Помощник Черненко Виктор Васильевич Прибытков пишет: «В ЦК КПСС существовало непреложное правило - после смерти любого секретаря ЦК, его архив в обязательном порядке изымался, анализировался и помещался после сортировки в сверхсекретный сектор. Такие архивы оставались практически у всех - у кого больше, у кого меньше. Архив Микояна составил не меньше трёх здоровенных грузовиков, потому Микоян и был непотопляем. Исключение составил

лишь один человек - главный идеолог партии Михаил Андреевич Суслов, после которого не было обнаружено никаких архивов». Даже «особой важности особая папка» (сверхсекретная документация) исчезла. Все досье Суслова исчезло, растворилось, как золото партии, в адском небытие. До сих пор нигде не всплыло. Значит, впрямь утрачено навсегда.

Это был второй мощный удар судьбы (Андропова?) по Брежневу. Конечно, Брежнев и Черненко кого-то помнили, кого-то срочно вызвали. Но восстановить саму тайную структуру так и не сумели.

А Андропов не торопится переезжать с Лубянки. Он весь, как натянутая струна. Он хочет заранее знать, кто придёт на его место.

А теперь интересное место из опубликованного дневника С.М. Семанова: «26 марта 1982 года рано утром за мной приехали два приятных молодых человека и предъявили ордер на допрос».

Я ни на что не намекаю. Но просто сопоставьте даты - как раз в эти дни Черненко поручили подготовить окончательную кандидатуру на освобождаемый Андроповым «второй трон», то есть КГБ. И Черненко жаловался в доверенном русском окружении, что кандидатуры практически нет. Федорчук с КГБ Украины, которого предлагает Щербицкий как своего человека, на самом деле, когд мы покопали, предстал человеком то ли не слишком энергичным, то ли даже с двойным дном. А русская кандидатура, мол, была, да сейчас с ней уже не вылезешь. И не заикайтесь даже мне о ней.

Повторяю, я ни на что не намекаю, но такие люди, как Андропов, ничего никогда не делали случайно, на том так высоко и поднялись. Убрать «со стола» вовремя нежелательную карту - это высший пилотаж политической игры.

Но вернусь к мемуарам Семанова: «Я разбудил жену, щепнул ей на ухо, кому звонить, если «задержусь», и мы сели в машину. Судя по маршруту, догадался - везут в Лефортово. Неплохо. Меня проводили через несколько коридоров со стальными дверями, которые гулко захлопывались позади, один из сопровождавших спереди, другрй сзади, в кабинете усадили на стульчик против света и т.п. - словом, все шло по учебным приёмам. Допрашивали меня в Лефортове два дня, устроили очную ставку с Ивановым. Я все вежливо отвергал, угроз обыска и записи на видеомагнитофон не боялся (во всяком случае, так им утверждал). Признался в пустяках, что когда-то покупал (не брал, покупал) у Иванова журнал «Вече», оговорив особо, что никому его не показывал, а уничтожил. (Это чтобы мне «распространение» не пришили). На том, подписав осторожный протокол, и расстались».

Кажется, все - пролетело. За что судить? За покупку журналов, которые сам же покупатель, так как они ему «не понравились», уничтожил? За это даже по советским законам дело не пришьёшь. И, тем не менее, факт допроса-то был. Семанов в роли как свидетеля, но следствие-то идёт. Андропов потирает руки: подходящая русская фигура пока крест-накрест перечёркнута. А другую эти простаки не приготовили.

Русские на какое-то время обезврежены.

И в мае 1982 года Андропов наконец-то переехал, оставаясь в Политбюро, с опасной Лубянки на глаза в Большой Дом. Даже стал вроде выше - вторым (рабочим) секретарём, хотя тут они с Черненко «сражались», кто над кем. А на его место с мая 1982 года был переведён с КГБ Украины Виталий Васильевич Федорчук - как авангардный полк Щербицкого, который должен был занять плацдарм и обеспечить приход в генсеки самого Щербицкого, как планировал Брежнев. Мы Федорчука не очень-то приветствовали, но Щербицкому заранее радовались. Приходил в партию и страну заведомый патриот.

Но мы напрасно радовались. Всем нам - хотя конкретно опять Семанову, но тень-то брошена на всех нас! - Федорчук, едва придя, тут же наносит боксёрский удар в солнечное сплетение. Сомнительное дело Иванова идёт в суд. По чьей заинтересованности попало вдруг в суд «неспешное», «строго засекреченное», сознательно «висячее» дело, читателю, надеюсь, понятно. А суд состоялся 24 июня 1982-го года в главный масонский праздник - Иванову дали год лагерей, уже им практически отбытый: меньше было дать нельзя - пришлось бы извиняться за арест - и пять лет поражения в правах. На большее приговор при всём гебешном желании никак не тянул. В «Логике кошмара» ведь были приведены достоверные факты и никаких прямых призывов к свержению советской власти не было. Практически осудили человека лишь за раскрытие имён еврейских жён и еврейских псевдонимов! Семанов, будучи умным, на неправый суд не явился, взяв больничный. И все равно, хотя суд не проверил «факты» следствия, и.о. председателя Московского городского суда Л.К. Миронов направляет некое частное определение в Союз писателей: «Факты недостойного поведения Семанова должны стать предметом обсуждения Московского отделения Союза писателей и его партийной организации». И какой главный аргумент этого частного определения? «Семанов также показал, что после прочтения очередного выпуска нелегального машинописного журнала «Вече», в котором помещались статьи Иванова под псевдонимом «Скуратов», он его уничтожал. Такое заявление Семанова подтверждает, что ему была понятна антисоветская направленность журнала. Остальные обстоятельства Семанов отрицал». Вот такая логика гебешного кошмара - раз уничтожал, значит антисоветчиной пахло. Как в том анекдоте! Но этой логики достаточно, чтобы, ссылаясь на частное определение суда, В. Федорчук написал 4 августа 1982 года записку КГБ СССР в Политбюро об антисоветской деятельности Семанова. За место надо держаться? Даже тень любого возможного конкурента морально уничтожать? Или отрабатывал указание?

А Брежнев? Разве он не понимал, что Семанова просто подставили? Что с самого начала вся эти записки про «русистов» и про якобы антисоветскую деятельность С.Н. Семанова были банальной провокацией, рассчитанной на то, чтобы вывести «Русскую партию внутри КПСС» из игры. Понимал. Ему это прекрасно объяснили в «семье». Но есть правила партийной игры на самом верху. Да и волнует Брежнева больше, как бы

Андропова не спугнуть! Он с Андроповым воюет. А с Семановым? С ним, увы, как царь со Столыпиным. Хорошая была фигура, да что поделаешь - вот-вот убьют. А мы руками разведём. Он ведь и всерьёз почти так сказал, когда ему жаловались, что опять пошла травля русских. Спасибо, что хоть в отличие от позиции царя со Столыпиным Брежнев все-таки посочувствовал, как бы Семанова не ликвидировали. Решение:

- Работой обеспечен? Писатель? Вот пусть годик пока снимает выговор, и попишет в стол. А партвыговор ему дать, чтобы гусей не дразнить, а то его затравят, ещё физически уберут, раз КГБ замешано, пусть осмотрительнее будет! И вы, его друзья, его одного не оставляйте. У нас все бывает. Федорчук явно делает что-то не то. Ну, а с Файнштейном и этими настырными записками против «русистов» давно мне все ясно, как на блюдечке. Под меня, под меня копают! Чтобы у меня поддержки не осталось. Однако самого Андропова, как мелкого Яковлева, увы, в послы не отошлёшь. Ни одна себя уважающая страна не примет. А что-то делать надо. Думайте-думайте!..

Я не поручусь за уж совсем документальную точность, но, насколько мы были информированы, именно такой ход мыслей был у Второго Ильича. Мы ждали, когда уберут в послы Андропова. Когда все-таки придёт Щербицкий.

Однако к великому урону для судьбы страны Виталий Васильевич Федорчук хоть и получил в свои руки все нити, но связать их не смог или сознательно не захотел. Верхушка ГБ не сумела или не захотела взять на контроль закулисную игру. Из Большого Дома, используя свои отработанные каналы связи и прежде всего закадычную дружбу с главой «Кремлёвки» - всезнающим доктором Чазовым (даже его засветить Федорчук не сумел или не захотел), Андропов все-таки переиграл поразительно быстро вдруг, как по мановению волшебной палочки, совсем одряхлевшего Брежнева. И как тот уже даже гласно ни прочил себе в преемники Щербицкого, как ни собирался на ближайшем пленуме лично из рук в руки передать тому власть, однако не сложилось у Брежнева этот свой самый последний, широкий и мудрый жест сделать. Не дождать мы пленума.

Брежнев тихо умер в своей постели 10 ноября 1982 между восемью и десятью часами утра. Сам предупреждал нас, чтобы друзей не оставляли одних, раз такая игра пошла. А остался один. Поразительно, но в точности, как в случае со смертью Сталина, близкие увидели уже только его остывший труп. В доме не было не только врачей, но и медсестры. Я не намекаю на хозяина «кремлёвки» друга Андропова Чазова. Но как же, как так вот не оставить никого из медперсонала, зная, что генсек болеет?

Естественно, первым - от доложившего своего закадычного друга Чазова! - узнал о смерти Второго Ильича Андропов-Файнштейн и, имея время для опережения, хорошо подсуетился - умело оттеснил Черненко, сам оперативно встал во главе Похоронной комиссии, пошёл во власть в генсеки.

Так «Иудейская партия внутри КПСС» вдруг восторжествовала. Евреи обнимали друг друга, а мы ходили, оцустив головы. Что-то будет?!

14. Андроповская агония брежневского «золотого русско-еврейского полёта»

Но сам Андропов-Файнштейн ничего не успел сделать, только какие-то малозначительные «телодвижения». Он не решился прервать брежневскую линию на «полёт Двуглавого державного орла», построенный на балансе двух голов и двух крыл - теневых «Иудейской партии внутри КПСС» и «Русской партии внутри КПСС». С некоторыми русскими он даже заигрывал - помогать приглашал. И делал это всерьёз. Не рекламно.

Общеизвестно, что он породил Горбачёва: «курортный персек» приглянулся ему обходительностью и услужливостью - Андропов отдыхал всегда на Минеральных водах, входивших в Ставропольский край, где, по словам Горбачёва, они подружились семьями. Но не только. Это Горбачёв, «накачав» водкой тоже отдыхавшего у него зятя Брежнева Чурбанова, «разговорил» его, прознал, что Андропову-Файнштейну по планам Брежнева не только стать преемником не светит, а то и вовсе его уберут. И тут же Миша вылетел в Москву. И на Лубянку - пересказал все слово в слово Андропову, многозначительно добавив: «Я вот почему к вам сразу. Вы, старые бойцы - наш лес. А мы молодые - ваш подлесок». После этого разговора Андропов неизменно называл Горбачёва «подлесок» и за уши вытянул его в Москву, сделал своим фаворитом и наследником. Выделил ему госдачу рядом со своей и растил-воспитывал. Горбачёв хвалился:

- Ведь мы с Юрием Владимировичем старые друзья, не только семьями дружим, у нас было много доверительных разговоров, и наши позиции совпадают.

Но мало кто знает, что и наш показательно русский Егор Кузьмич Лигачёв - тоже кадр Андропова. В своё правление весной 1983-го года Андропов вытянул застрявшего первым в Томске на восемнадцать лет Лигачёва в Москву и сделал заведующим организационно-партийным отделом (отвечающим за все кадровые передвижения в партии и государстве), а вскоре же и секретарём ЦК, именно с которым обговаривал все свои кадровые назначения. Бедой Андропова, как и «подлеска» Горбачёва, шло, что они, в сущности, не знали партию, её русские кадры. А Лигачёв в начале 60-х поработал в существовавшем тогда Бюро ЦК по РСФСР, занимаясь организационными и идеологическими вопросами и зарекомендовал себя «человеком решительным и въедливым». Андропов запланировал, что Егор Кузьмич станет вторым человеком в партии при генсеке Горбачёве, подперев его по русской линии».

И был даже ещё и третий русский кадр Андропова - Николай Иванович Рыжков, будущий горбачёвский премьер-министр. Ещё Брежнев вытащил его в Москву из директоров «Уралмаша». Но именно Андропов

доверил ему всю экономику: придя к власти, сделал его заведующим вновь образованного экономического отдела ЦК и секретарём ЦК. В широко известной на Западе скандальной книге «Заговорщики в Кремле» Е. Клепикова и Е. Соловьёв писали: «В 70-е годы русофилам больше не от кого было скрываться, маска секретности сброшена за ненадобностью, условия идеологического существования улучшаются, как говорится, не по дням, а по часам. Андропов сделал секретную идеологическую ставку на «Русскую партию»».

Парадокс. Но скандалисты не так уж и передёргивали факты. Андропов давил русских, пока рвался к власти, так как понимал, что русские Файнштейна своим генсеком не сделают. Но вот он дорвался до царского кресла, И все стало наоборот. Он стал больше опасаться «своих» евреев, которые лезли к нему с неумеренными аппетитами, норовя потопить державный корабль. А мы, русские, Андропова-Файнштейна, во всяком уж случае, как только он пришёл к власти, абсолютно перестали бояться. Были даже им убеждены, если Брежнева он и не прочь был натравить исподтишка на русских (чтобы его убрать!), то он сам - тем более еврей! - на стержнеобразующий народ державы ни за что не полезет. Закон сохранения.

Конечно, Андропов-Файнштейн верил больше своим - «бовины» и «арбатовы» из его кабинета не вылезали. Консультировали! Но принципиально - и не только на показуху! - он стремился показать, что продолжает брежневскую политику полёта двуглавого и двукрылого орла. Он даже уж слишком, как актёр на сцене, стал опираться на Егора Кузьмича Лигачёва, понимая, что тот «русский тюфяк» - гор не свернёт, но выглядит вполне репрезентативно - этакий русак, рубящий правду-матку с плеча. Как же такого народу не показать как свою опору? Кстати, и пройдоха Горбачёв, по завету Андропова, тоже вполне «показно» сделал у себя вторым Егорушку. На внутреннем языке у евреев это называется: «выставить наперёд Иванушку-дурачка». Но ведь, если судить по русским сказкам, то Иванушка-дурачок был не так глуп. Свою игру мог тоже сыграть. Сидя у Меченого на кадрах, именно Егорушка Лигачёв подбирал для Горбачёва весь состав его будущего Центрального Комитета, советовал по составу будущего горбачевского Политбюро. Так было заведено: генсек определял, кто войдёт в ЦК, а члены ЦК в благодарность выбирали его своим руководителем.

Вот бы и заложить Егорушке под себя «кадровый фундамент». Но ведь не заложил. Своими руками, напротив, сдал Русскую Идею Меченому. Не предал, но… не сумел воспользоваться положением. Дал динамичным евреям себя легко переиграть. Он остался слишком советским. Вяз в болоте «общих фраз в защиту социализма и интернационализма». Так и не понял, что «национальные особенности» - это не только «пятый пункт», которым спекулируют. Это ещё и мистический дух. Это непримиримые провиденциальное идеологии. Он остался наивным провинциалом, не способным видеть не вершки, а корни общественных явлений. Он все ещё жил ленинизмом, которого давно уже в стране не было, верил в какие-то совершенно утопические идеалы. Он так до конца и не поймёт, что это не

дерьмократический» новый «Огонёк» Коротича и консервативная «Молодая гвардия» Иванова взяли друг друга за горло, а провиденциальный еврей провиденциального русского. Что тут уже давно вовсе и не о социализме речь, а о том, кто выживет в смертельной схватке. Он видел только ковёр и не чувствовал, что творится под ковром, какой там змеиный клубок. Вот неповоротливый русский тюфяк и остался при разбитом корыте.

Андропов все это кожей чувствовал. Потому Андропов и о балансе в среднем кадровом звене сразу очень озаботился. Конечно, в первую голову ставил на евреев. Но и - чтобы на уж слишком динамичных и нередко зарывающихся евреев сохранялся сдерживающий «их» русский надзор.

Меня свои русские тащили на телевидение. Присмотрели для меня вполне творческую работу - главным редактором в студию художественных фильмов. Сериалы смотрят все. После «Современника» я за писательским столом сидел день и ночь - весь стол завалил рукописями, жутко выдохся и уже не прочь был походить на службу. Но после смерти Суслова и Брежнева у меня уже не было закулисной «руки» - сусловской закрытой, ему одному известной, особой «номенклатуры» как бы не стало, а еврейское лобби моё появление на телевидении, как могло, саботировало. К Черненко идти и опять «завязываться» мне не хотелось. Да и «Костя» мог переиграть - обрадовавшись подвернувшемуся своему, русскому кадру, сунуть меня, куда не мне хочется, а ему нужно, - на самую тошнотворную работу. Меня ещё Суслов все порывался пристроить в прямую обслугу - в помощники. Этот вид аппаратной закулисы весьма расцвёл в правление Брежнева, а числились все помощниками членов Политбюро и секретарей ЦК по штату общего отдела и там же платили партвзносы, состояли на профучете, то есть были под колпаком у Черненко. А я даже к Суслову в своё время наотрез отказался идти. Я пробовал полгода в старших референтах ещё в АПН - у меня даже что-то получалось. Встречал самые высокие персоны «оттуда». Готовил договоры на миллионы долларов. По одним «Воспоминаниям» маршала Жукова какие деньги государству с иностранных издательств за право первой печати содрал. Присутствовал при самых конфиденциальных беседах с «идеологическим противником». Но очень не по душе было мне это - ой, как тошно оказаться в обслуге! Я совсем приуныл.

Но переехал в мае 1982-го в Большой Дом Андропов, и вот буквально через несколько дней после того, как Андропов принял дела Суслова, вопрос по мне был решён положительно. Андропов, прекрасно зная ещё с «Голоса Родины» о моих «русистских» настроениях (прямое столкновение даже было из-за напечатанной мной статьи Семанова про запрещённого им лично к упоминанию Солженицына), тем не менее, дал мне возможность поработать на него на телевидении: его очень беспокоило там состояние дел и, в первую очередь, коррупция. Субсидирование больше, чем всей Прибалтики, а финансовые потоки уходят в мафию. Так что Андропов-Файнштейн, хоть и всецело симпатизировал еврейству и выслуживался перед ним, не был таким уж упёртым «хасидом». Скорее он

был со Сталиным в душе. Кстати, он был крайне обеспокоен разрушающим засильем еврейства в торговой сети. Он предсказывал, что нажитые торговлей громадные теневые капиталы захотят легализироваться и взорвут советскую власть. Он начал кучу антикоррупционных дел по торговле, переключив на них лучшие силы ГБ, но ему не дали их довести до конца. У нас ходили упорные слухи, что его мафия «остановила»! Во всяком случае, многие русские, в том числе и я, очень жалели, что Файнштейн недолго пробыл генсеком и не сумел пощупать своё «торгашеское еврейство».

Меня при нём назначили главным редактором в студию художественных фильмов, и я сразу же предложил развёрнутый план на многие десятки названий, естественно, с сильным русским акцентом. Заключил договоры на сериалы с крупными фигурами русского лагеря - Иваном Стаднюком по его «просталинской» книге «Война» (по совету Андропова!), Петром Проскуриным, замечательным русским писателем Вячеславом Горбачёвым (отчаянно знаковым замом главного журнала «Молодая гвардия»), Вячеславом Марченко, Михаилом Колосовым и т.п. Многие фильмы даже успел выпустить.

Приходилось «на развод» ставить и «ихнего» Анатолия Рыбакова (Аронова). Когда сам А.Н. Яковлев за него - пойди не подпиши договор, но договор Рыбакову я дал все-таки не на гнусных «Детей Арбата», а на вполне лояльного «Неизвестного солдата». Даже закрытые цензурой и «смытые», остро «антисионистские» последние серии «Вечного зова» Анатолия Иванова не без нашего русского давления (здесь очень много сделал мой близкий друг ещё со ВГИКа, завотделом заказных фильмов в «Экране» талантливый русский сценарист и писатель Иван Воробьёв - как ему трудно было с обступившими его евреями, как они его подсиживали оплетали своими сетьми! Но ему удавалось таки заказать на киностудиях и хорошие русские телесериалы - отыскались на балконе у режиссёров и вышли в эфир. В общем, я вертелся, как мог. Посещал все летучки руководящего состава, присматривался к лицам, наматывал на ус.

Лапин после звонка Андропова дал мне «открытый лист» на выравнивание процентного соотношения между еврейскими и русскими телесценаристами, и практически каждый сценарист с открытым русским лицом, заглядывавший ко мне, мог сразу получить заказ, попасть в план и в кассу - получить аванс. Напротив, я наотрез отказался подписывать договор на восемнадцать серий художественно-документального фильма Егора Яковлева, известного «дерьмократа», о Ленине. Позвонил по прямому внутреннему телефону Мамедову и Лапину и предупредил, что готовится крупное хищение - на полмиллиона. Что к договору на документальный сериал - самый примитивный документальный монтаж - «нарезку текстов» из статей Ленина, зачитываемую актёрами без грима, - в графе жанр приписали задним числом «художественно» (?!)документальный, а это оплата в десять раз больше.

Скандал пошёл до парткома. Но повязаны были все. Пока разбирались, договор вдруг «по незнанию ситуации» (?) подмахнул зам.

Лапина по хозяйственной части (?) Сорокин, и деньги автор получил. Потом уже метали громы и молнии по состоявшемуся факту «чьего-то недосмотра». А «бешеные деньги», видимо, шли по целевому предназначению. Егор Яковлев, давно примкнувший к «Иудейской партии внутри КПСС» и игравший в ней не последнюю роль, на эти бешеные деньги «выкупил» и «раскрутил» газету АПН «Московские новости», давшую «разведкой боем» в наступлении «перестроечников» на советскую власть.

Кто знает, добейся я возвращения Егором Яковлевым «бешеных денег» и не было бы иудеев столь успешной «разведки боем». Но, к сожалению, ни Андропова, ни Черненко к этому времени уже не было в живых, и дело об откровенной коррупции нагло спустили на тормозах. Так вот липовыми приписками «художественно» перед определением жанра «документальный» на телевидении давали заработать своим большие деньги на будущую «прихватизацию».

Но вернусь к связке Андропов - Семанов. Честно говоря, я ждал, что Андропов и его вернёт на работу. Так в партии было принято - никого не списывали, «номенклатурой» дорожили. Врежут, «повоспитывают», но в кадровом резерве оставят. Откроется вакансия, которую не просто закрыть, - вспомнят. Да ещё и нажмут: «Мало ли, что у вас увлекательная творческая работа?! Нечего дома сидеть. Надо думать не о себе. Это приказ партии». Сталин даже сажал для острастки, а потом, не моргнув глазом, возвращал на крупные должности. Андропов очень мечтал стать новым Сталиным. Благодарные люди рядом ему, ох, как были нужны. Дочка Ира знала про солдатскую преданность Семанова, про его верное товарищество. Не продал бы Семанов Андропова, снова красиво поднятый им из грязи в князи. И думаю, Андропов был готов к такому шагу.

Во всяком случае, при нём ведомство КГБ упорно держало в строжайшем секрете обстоятельства разбора на Политбюро дела Семанова. Даже всезнающий, прекрасно информированный А.Н. Яковлев пишет в своих мемуарах: «В апреле 1981 года освободили от работы главного редактора журнала «Человек и Закон» Семанова. Причём ещё 18 апреля заведующий отделом пропаганды ЦК Тяжельников внёс предложение о награждении Семанова орденом Трудового Красного Знамени, а через три дня срочно отозвал наградные документы. О причинах снятия Семанова также ничего не было сказано. Но в партийных кругах шли разговоры о том, что Ганичев и Семанов, кроме редактирования своих печатных органов, занимались побочной деятельностью, никак не вязавшейся с их положением в номенклатуре. Время от времени они собирались со своими единомышленниками и прикидывали организационные формы изменения в руководстве страны, говорили о необходимости «сильной руки» и наведения порядка». И дальше без разделительного абзаца, прямо в подбор к предыдущему тексту, как бы в его пояснение (аллюзия, которой все в советское время пользовались, когда хотели на что-то серьёзное и «непечатное» намекнуть): «Во время моего очередного отпуска я зашёл к Андропову по кадровым делам его ведомства. Он сообщил мне, что арестован автор

книги «Осторожно, сионизм», естественно, за антисоветскую деятельность». Все понятно, за что, мол, тихо убрали Ганичева и Семанова?

Но, как только Андропов пришёл к власти, - ситуация для него круто изменилась. Теперь, пожалуйста, вот вам патриоты - «сильная рука», о которой вы мечтали. Во всяком случае, таким хотел стать, подражая Сталину, Андропов. И, значит, ему сторонники «сильной руки» были, ох, как нужны. Вернул же он меня, хотя я тоже был замечен на борьбе с сионизмом, даже «Силуэты идеологического противника» писал. Значит, по логике вещей, он тем более должен был вернуть Семанова. Но не вернул. В судьбу человека вмешалась глупость «тюфяка» Федорчука - тот взял да передал в суд дело, по которому свидетелем» (всего лишь «свидетелем»! Осторожно ведь было сделано, умно!) расчётливый Андропов держал про запас на крючке, на всякий случай для острастки Семанова.

Я помню, как ахнул, как ругался, узнав об этой самодеятельности Федорчука Константин Устинович Черненко - у него вылетал нужный проверенный человек из кадрового резерва. Я думаю, что ругался на лопуха, не знающего, что в кадровых вопросах «крючок» гораздо важнее, чем уничтожение, и Андропов. Во всяком случае, окружи себя Андропов поближе патриотами, сторонниками «сильной руки», то есть такими, как Семанов и Ганичев и их кадрами, то, может быть, Юрий Владимирович Андропов и прожил бы лишний годок - ведь верный ему пёс «Бобок» - Филипп Денисович Бобков, например, прямо пишет, что Андропова поторопили в могилу. А поторопить могли не русские патриоты-державники, а, напротив, те, кто готовил русскую смуту. Кому дозарезу нужна она была, чтобы приватизировать русские богатства.

Страшные были те времена сплошных смертей наших генсеков. Избирали как будто на тот свет. То ли судьба кого убирала, то ли… Про смерть Андропова больше сплетен: про то, что и покушение на него якобы было, что чуть ли не молодая супруга Щёлокова с ним за самоубийство Мужа расплатилась, и пуля в последнюю больную почку попала. Только вот, как её к кабинету генерального пропустили с пистолетиком в дамской сумочке? Хотя все бывает, когда начинается великая русская смута…

Первый помощник Черненко всезнающий Виктор Васильевич Прибытков, например, убеждён, что Черненко отравили. Он долго жуёт страшную историю, как председатель комитета ГБ Федорчук сам явился в Крыму на отдыхе к «Косте» с собственной отловленной копчёной рыбкой, после которой ему одному-единственному (какой целенаправленный кусочек скумбрии!) стало жутко плохо, и его пришлось срочно самолётом отправлять в Москву. А Чазов, глава «кремлёвки», отвёл глаза и сказал: вирусная инфекция. После этой вирусной инфекции Черненко уже не оправился и быстро угас (особенно после того, как ему, астматику, доктор Чазов провокационно посоветовал подлечиться в высокогорье - клин клином вышибают?).

Прибытков убеждён, что тогда многих, как на конвейере, на тот свет поторопили, освобождая трон Меченому. Он пишет: «Тайное стало явным. Черненко был ещё жив, и жить ему оставалось полгода, а Раиса Максимовна уже готовилась стать «первой леди» страны. Да, готовилась. Готовилась столь интенсивно, что хочешь - не хочешь, а подозрения усиливаются. В одну цепочку выстраиваются: копчёная скумбрия «а ля Федорчук», рекомендация вопреки медицинским противопоказаниям высокогорного курорта «а ля Чазов и Горбачёв», нетерпеливые ожидания чего-то «а ля Раиса Максимовна» и непонятная, необъяснимая, скоропалительная, быстротечная смерть маршала Устинова. Устинов, вне всякого сомнения, твёрдо и прочно стал бы новым генсеком! Но Устинов умер в кремлевско-чазовском люксе из-за ерундовой болячки... Можно допустить, что, не согласись Андрей Андреевич Громыко собственноручно передать власть Михаилу Сергеевичу па очередном «похоронном пленуме», то и по нему траурная музыка у кремлёвской стены заиграла бы куда раньше»ю Прибытков убеждён, что «Меченому» Мальтийским Орденом, просмотренному лично самой леди Маргарет Тэтчер льстивому, как сколький уж, Мише Горбачёву «либералы» из «Иудейской партии внутри КПСС» расчищали путь, как своему долгожданному Мессии. А как думать иначе, если Горбачёв, будучи секретарём по сельскому хозяйству, приезжает в сопровождении А.Н. Яковлева к лидеру западного мира «железной леди», премьер-министру Англии Маргарет Тэтчер и выкладывает на стол ту самую секретную карту советских военных уцаров в случае войны, за которую ЦРУ бы весь свой аппарат «двойных агентов» положило?! Додумываю? Нисколечки! Даже не западная печать, а сам «агент американского влияния» А.Н. Яковлев в своих признаниях «Постижение» (М., 1998) - надо понимать «постижение» логики его предательства? - об этом написал:

«Переговоры продолжали носить зондажный характер до тех пор, пока на одном из заседаний в узком составе (я присутствовал на нём) Михаил Сергеевич не вытащил на стол карту Генштаба со всеми грифами секретности, свидетельствующими о том, что карта подлинная. На ней были изображены направления ракетных ударов по Великобритании, показано, откуда могут быть эти удаи все остальное». Тэтчер смотрела то на карту, то на Горбачёва. По-моему она не могла понять, разыгрывают или говорят всерьёз. Пауза явно затягивалась.

- Госпожа премьер-министр, со всем этим надо кончать, и как можно скорее».

Вот так Меченый в сопровождении «хромого беса», как Фауст и Мефистофель, проследовали в ад - сдали противнику Советский Союз. Вот так оба доказывали, что готовы быть «агентами американского влияния» и что мировой закулисе их надо «тянуть наверх».

И никакими средствами не брезговали тогда, вытаскивая за уши наверх Меченого; не знаю досконально, в таких делах всегда сразу концы в воду, но болтали всякое, и это всякое по логике вещей могло быть. Действительно, уж слишком мгновенно одна за другой - без длительных

болезней, как будто кремлёвские врачи сразу были бессильны! (Я ничего не утверждаю, но такой ли уж профессионально слабый был персонал андроповского друга Чазова, с которым Андропов встречался на конспиративной квартире?) - последовали все эти смерти генсеков, расчистившие дорожку Меченому с Яковлевым? Уже цитировавшийся мною Олег Греченевский пишет в Интернете про цепочку «загадочных смертей среди правящей верхушки. Никому не удалось умереть среди бела дня на руках у врачей - или хотя бы при свидетелях! Сценарий был один и тот же: вечером человек здоров - ночью его оставляют без присмотра - утром находят очередной труп. И Чазов даёт стандартное заключение: «сердечная недостаточность»...

В апреле 1976 умер министр обороны Гречко. Он отличался хорошим здоровьем, но Андропова не любил... в июле 1978 года умер секретарь ЦК Кулаков. Он отличался крепким здоровьем... но большинство сходится на том, что нужно было освободить место в ЦК для Горбачёва. 19 января 1982 года С. Цвигун покончил с собой». Почти тут же 25 января умер Суслов, второй человек в партии после Брежнева («найден утром» и т.д.). Наверху перетягивали канат. Сначала Политбюро вёл Андропов. Потом Черненко стал вести заседания Политбюро, т.е. занял второе место в партии и государстве. Но уже в октябре Леонид Ильич опять доверил вести заседания Политбюро Андропову. Больше Брежнев был не нужен, и 10 ноября он умер. Схема та же, ничего нового: вечером вполне здоров - ночью без присмотра - утром уже готов. Потом всеобщий траур и «Лебединое озеро». Так складывает смертельную мозаику Греченевский, но ведь это только версия.

А факт, что все мы, кто хоть как-то был причастен к номенклатуре, жили тогда в оцепенении. Какой-то хоровод дьявола. Было только одно желание - отойти в сторону. Переждать. Не оказаться затянутым под колесо. Помню только, как сам тогда на телевидении слушал заранее включавшуюся заунывную музыку и думал: «Ну, кто следующий?»

Пока Андропов был жив, я себя слишком даже уверенно-нагло в останкинском Новом Тель-Авиве чувствовал. При Черненко было уже не без тревоги: как его уберут, что-то будет? Я хоть с Мишей Горбачёвым и Раисой вместе в МГУ учился, но я для них - из другого лагеря. Вряд ли Раиса заступится. Она меня, правда, вроде вспомнила. Но похоже - так, для отмазки, на всякий непредвиденный случай, что, мол, она всех помнит. А тут на телевидении Новый Тель-Авив день ото дня был все наглее и наглее. Что-то страшное грядёт...

Андропов, как уже было сказано, по-своему ещё пытался продолжить линию брежневского баланса сил, лететь на двуглавом и двукрылом державном орле. Черненко? Болдин, помощник Горбачёва, правильно отметил, имея в виду русских: «Часть художественной интеллигенции примкнула к Черненко и прочно связывала с ним своё место под солнцем. В-общем, все шло так, как это было в «добрые старые времена». Но Черненко ничего сделать не успел. Его быстро «отравили рыбкой». Немногие знают, что Черненко «разглядел» Горбачёва и хотел его убрать.

Во всяком случае, Черненко уже поручил «своим людям» присмотреться к «опасным связям» Меченого с Яковлевым и с Западом. Горбачёв завис. Достаточно было соответствующей раскрутки одного факта, что он, будучи секретарём по сельскому хозяйству, вдруг привёз в Лондон и показывал противнику секретную военную карту, чтобы на карьере авантюриста был поставлен жирный крест. Но Горбачёва буквально спас наш русский «тюфяк» Е.К. Лигачёв. Странный всегда был Егор Кузьмич, дико обманывался в людях, доверчив был до наивности. Как свидетельствует тот же Болдин, «именно Лигачёв по просьбе Михаила Сергеевича провёл переговоры с генсеком Черненко, стараясь убедить его в личной верности Горбачёва». Только это спасло Горбачёва. Черненко снаивничал, поддался на уговоры и почти тут же сыграл в ящик.

Таков был расклад сил на русско-иудейском фронте. Можно теперь горько жалеть об отдельных «провалах», как в воздушные ямы летевшего брежневского державного орла, о взаимно выщипанных перьях на его крыльях. Действительно, не без жестокой внутренней идеологической борьбы всегда было! Подставляли и щипали друг друга не жалеючи, хотя, встречаясь, мило разговаривали друг с другом и обменивались закрытыми новостями! Однако как бы то ни было, но наш державный двуглавый орёл при Брежневе все восемнадцать лет высоко летел. Шутка ли, вторая держава мира! Держалась! Да и во внутренней политике партия чувствовала себя устойчиво. Жизненный уровень был достаточно высокий - за деликатесами были очереди, но на праздник в домах всегда все было. За дорогими шмотками давились? Но сейчас - для большей части населения деликатесы и дорогие шмотки просто исключены, не по карману. Работа всегда была и возможность получить бесплатно высшее образование для всех. Давало перебои плановое снабжение, торговля научно организовывала дефициты, на которых наживалась, это и надо было исправлять рынком. А для интеллигенции был, если трезво оглянуться, «золотой век советской власти» - без концлагерей, при умеренной гласности (без перехлестов!), когда критику принимают, и при полной свободе творчества. Свобода была везде - говорить и писать можно было что угодно. Только не призывать открыто к свержению конституционного строя. Но за такой крайний экстремизм и в самых демократических странах судят. Это уже зона «политических рисков».

Часть II. Горбачёвская катастрофа самолёта с двумя крыльями - русским и еврейским. Оба крыла отваливаются от фюзеляжа

Сейчас, оглядываясь далеко назад и ища коренную причину, почему мы, русские, при Горбачёве и Ельцине проиграли русско-еврейскую войну и допустили падение советской власти и развал Советского Союза, я, как это кому-то ни покажется странным, вынужден признать, что мы сделали катастрофу сами - своими русскими руками.

И ещё более неожиданно скажу: тут не «войну» с евреями мы проиграли, потому что евреи, хотя и были, как всегда, страшно активны, хотя бежали, как всегда, впереди паровоза, но красный паровоз скатили-то под откос мы, русские. Мы сами допустили падение советской власти, потому что - как это ни кощунственно прозвучит для многих! - сами этого подспудно весьма хотели.

Советский Союз именно как союз России с другими нациями тоже развалили прежде всего мы сами. Член Президентского Совета при Горбачёве, выдающийся русский писатель и властитель дум Валентин Распутин озвучил первым обуявшую нас идею «избавиться от присосков». Кому-то покажется, что я говорю страшные вещи, но и «предательские» Беловежские соглашения были нами, русскими националистами, подспудно «запланированы». Отделиться от всех «окраинных» республик-присосков, превративших Российскую Республику в экономического донора и пьющих кровь русской нации. Остаться только вчетвером - три славянские республики Россия, Белоруссия, Украина плюс, по населению больше чем наполовину русский, Казахстан. Этого мы очень хотели. То есть Борис Ельцин сделал то, чего мы от него хотели. Сделал дурно, непродуманно. Помощнички его, вроде Бурбулиса, что-то сознательно не сообразили, оформили не так и не так договорились. А Украина потом подставила нам ножку - уже 1 декабря 1991-го года провела референдум о суверенитете и практически вышла из Беловежских соглашений. Развалила четвёрку - развалила планировавшую нами славянскую Россию без «инородческих» присосков. Но ведь это нам, русским, тоже надо было просчитать.

Увы, мы всегда плохо знали и понимали Украину. Только, пожалуй, недавняя книжка Сергея Семанова «Махно» (М., 2005) объяснила нам не лакированную, вечно «братскую», а разрываемую духовно изнутри многострадальную русскую «окраину» («украину»), издавна траченную, как тлёй, «жидовствующими», склонную равно как к жесточайшим еврейским погромам (знаменитые Киевский, Одесский - в России таких беспощадных никогда не было), так и к угодничеству перед Западом и наивному преклонению перед духом либерального всеотрицания. Украина - мученица духа. На Украине противостояние между Третьим Римом, как наследником византийского ортодоксального православного духа, и «западничеством» прямо вылилось в противостояние восточных и западных областей. На Украине уже давно играли в коварные «унии». А мы, имея активный «Славянский собор» на Украине и сильную прорусскую, православную, минимум, половину населения республику, увы, не доработали - позволили западным, антирусски настроенным, ополяченным, католицизированным областям сыграть именно свою краплёную игру.

Но и этого мало. Мы не только грубо просчитались на Украине. Мы, русские, провалили политический расклад сил и внутри самой России. Когда Ельцин баллотировался в президенты, то взял себе в пару как бы «нашего», на словах русского Руцкого - тогда весьма активного в патриотических кругах, первого зама московского «Отечества» (ещё не

лужковского, ещё тогда «нашего»!). Когда Лужков баллотировался в мэры Москвы, то себе в пару он взял в вице-мэры тоже как бы «нашего» Шанцева - первого секретаря Краснопресненского райкома, крепкого русского мужика, тогда активно патриотичного. Только благодаря таким хитрым упряжкам Ельцин и Лужков первый раз прошли с оглушительными под 80% результатами. Стали практически «всенародно-избранными». Чем потом и козыряли.

А мы где в это время были? Увы, мы все опять надеялись на брежневский баланс сил. Мы опрометчиво жили инерцией брежневского державного орла с двумя головами и двумя крыльями в то время, как забежавшие вперёд паровоза евреи активизировались в своём «всеотрицании» и по живому отрезали от брежневского орла русское крыло.

Мы полностью потеряли контроль над горбачёвским и ельцинским окружением, вот нас «они» и макнули головой в кровь.

Как же мы до этого скатились? Оглянусь назад.

1. Жуткое переиздание «Оттепели»

Пришёл в генсеки Горбачёв, и стало ясно, что Андропов трагически ошибся с подготовленным им молодым преемником. Потому что при «меченом» Горбачёве (у него по всему лбу, как дьявольская россыпь, будто даже мистически обнажились крупные чёрные родимые пятна) управление государством было почти полностью утрачено.

Спросите, почему же «Русская партия внутри КПСС» не «просветила» заранее Горбачёва с его Раечкой или Ельцина с его Наиной? Но у них с молодости не было сомнительного окружения. Они считались без примесей! Мы, русские националисты, последовательно симпатизировали приходу к власти и Горбачёва, и Ельцина. Увы, это горькая, но правда.

Не разобрались. Не предвидели. Хотя, ну, что, я, например, мог знать о студенте юридического факультета МГУ Мише Горбачёве и его дорогой «философине» (с философского факультета) Раечке Титаренко? Ну, учился я одновременно с ними в гуманитарном корпусе МГУ - маленьком четырёхэтажном старинном зданьице напротив Кремля и Манежа на Моховой, где все были, как на ладони, и все всех знали? А что бросалось в глаза? Да только то, что они были заядлые театралы. На общей любви к театру и сошлись. Поженились в сентябре 1953-го, и свадьба была, как тогда у всех на Стромынке, в общежитии. Шумной, но скромной. Миша по натуре - сам артист, в самодеятельности брался за большие роли. Мечтал стать великим трагиком, как Михоэлс. Умирал по аплодисментам публики, мечтал о больших залах с ослепительными огнями рампы. Но подвёл язык - малороссийский корявый «волапюк» с диким произношением и неправильными ударениями, который он никак в Москве выправить не мог. Оказался совершенно не способен к языкам. Так вот и пришлось ему, вместо школы-студии МХАТ, поступить на юрфак.

Ещё про Горбачёвых мы знали, что, как все мы, они переболели

хрущёвской «оттепелью». Но единственный реальный «оттепельный» компромат был на Мишу лишь в том, что Миша не разлей вода был с будущим крупным диссидентом-«шестидесятником» Зденеком Млынаржем, одним из закопёрщиков «пражской весны», а после 1968 года злым эмигрантом - рупором антисоветских сил. Зденек Млынарж даже гостил у Миши в Ставрополье. Едва Миша станет генсеком, как Зденек Млынарж сразу начнёт наезжать в Москву, станет для Горбачёва окном в Европу и первым консультантом. Но кто же это мог предвидеть?

Напротив, мы тогда сочувствовали, что комсомольскому вожаку Мише оказался закрыт престижный путь в КГБ, куда он рвался, потому что в оккупацию дом Миши выбрали для постоя фашисты, и он часами ощипывал гусей, уток и кур для их стола. Тогда уже выглядел услужливым «лучшим немцем». Но сейчас я говорю с иронией. А тогда я сочувствовал, что, «замаливая оккупационные грехи», Миша вынужден был после университета распределиться «всего лишь на комсомольскую работу».

Уже позже были слухи, что у молодого Горбачёва кличка в Ставрополе «Миша - конвертик» (с намёком, на то, что без конвертика к нему не приходи). Но весь этот компромат в глазах того же кадровика Черненко, которому докладывали о сомнениях в «Русских клубах», пересиливался тем, что Мишу тащит сам «гебешник» Андропов, который уж должен был бы тут его тщательно проверить. Проверил ли? Или решил, что с такими пятнами не только на лбу, но и в биографии да ещё с дедом «Моисеевичем» всегда будет Мишу крепко на привязи держать? Сейчас легко склониться к версии, что Горбачёв был завербован. Но все же я не верю в мифы о том, будто изначально Горбачёв наметил сознательно развалить партию и государство. Нет, поначалу он лишь «артистически» (выступать он сразу начал, как артист, до упоения, до цельного сценического счастья от огней рампы!) надеялся стать любимцем народа на некоем переиздании хрущёвской «оттепели». Он мечтал повторить трагическую фигуру Хрущёва на новой исторической сцене. Идеологию «Оттепели» Горбачёвы пронесли с собой через всю жизнь. Мы, благодаря «Русской партии внутри КПСС», опомнились - они с Раечкой остались на периферии с шумными оттепельными «шестидесятническими» идеями «гласности» и «обновления» (то есть «перестройки» - что абсолютно то же самое по конспирологической масонской терминологии).

Итак, переиздание «оттепели»? На этом, я убеждён, споткнулась и была повязана «ими», всегда бегущими впереди паровоза, провинциальная чета Горбачёвых. Они думали (а они думали всегда вместе, Миша и Раечка!) бурную первую «оттепель» раскрутить. Однако как её раскрутить, да ещё при неминуемом в таких случаях, естественном, весеннем грязном разливе, со всеми оттаявшими нечистотами, плохо контролируемом, власть удержать?

Своих близких, заранее проверенных и особо доверенных людей, - тонкого слоя «тайных советников» - суперпрофессионалов-

контрпропагандистов, на которых можно всецело положиться, у Горбачёва, как и у Хрущёва, увы, не было (может быть, потому оба вождя так легко «сгорели»). Горбачёв, как ни хитрил, был весь на виду, как и хитрован Хрущёв. Хитрецы, ловкачи, но без решающей тайной власти.

Черненко, придя к власти, подстраховываясь, просто не передал Горбачёву, как своему второму рабочему секретарю на хозяйстве, особо важные доверенные кадровые списки из личного сейфа. Да и не знаю, насколько большие тайные кадры были они у него. Ведь Черненко все-таки был «всего лишь» общий отдел. Знал все, просвечивал все кадры. Но кадры не свои собственные, а выдвигаемые по линии других, «отраслевых» отделов. Сам он был всегда только милым другом Костей - тенью Брежнева. Тайны особо доверенной партийной «К» - контрпропаганды у Черненко уже, пожалуй, и не было. Она исчезла, растворилась, как столбик дыма над кучкой пепла, вместе со смертью Суслова и его зиявшими пустотой сейфами. Только в КГБ тогда «их» своя собственная «К» и оставалась. Но тоже уже была не без греха. Про её основателя и предателя Олега Калугина, живущего сейчас в Америке, я уже рассказывал.

Отсутствие своей собственной тайной «идеологической охраны», на мой взгляд, и предрешило, что Горбачёв был умело «окуклен», продуманно дезинформирован, осторожненько подтолкнут в рыцари Мальтийского Ордена. Но подчёркиваю: в этом была его трагедия, не преступный замысел.

Горбачёв был трагически, роково лишён правдивой информации о внутреннем «закулисном» положении в партии - раз ни Суслов, ни Андропов, ни Черненко не передали ему никаких «ключей». Поэтому Горбачёв, как и Хрущёв до него, вынужден был действовать сугубо по формальной партийной лестнице. А партийная лестница у нас давно прогнила, на её ступеньках стояли либо карьеристы, либо всем удобные русские «тюфяки». Да и партийная лестница, как иерархия власти, одна мало чего стоит без тайной опоры. Тут неминуемо свалят, спихнут - вопрос только в том, сколько лет сумеешь «на весу» продержаться. Умная Раечка это болезненно понимала, но подменить собой всю партийную разведку не смогла.

Меченый хитрил, вертелся, пытался всех «наколоть», но все это на уровне деревенского мужичка-кулачка - кто его и как подставляет, толком ни он, ни его Раечка информированы не были. Так ведь уже было с вероломным, но дешёвым хитрецом Хрущёвым, за спиной у которого стоял лишь сын Сергей. Тоже к концу правления Хрущёвы остались «одинокой парочкой». Как только умерла Ванда Василевская, умер Куусинен, отошла в сторону обиженная верная подруга Фурцева, так в тот же год свалили Хрущёва. Даже зять Аджубей повёл совсем другую - свою «младотурецкую» (т.е., масонскую) игру, надеясь выкинуть тестя и повести, сев на его место со своей молодой и крайне амбициозной «младотурецкой» компанией, свою собственную политику. Аджубей не был масоном, но удочки к масонству закидывал, масонству страшно

подражал, как и все его окружение.

Знал ли обо всём таком печальном опыте Хрущёва Горбачёв? Знал. Не мог не знать. Но, видимо, недостаточно прочувствовал. Вот потому все так же точно, как под копирку, и стало с ним - с политическим переизданием болтуна Хрущёва в тоже жутко скользком «хитроване», но тоже не слишком далёком и лишённом какой бы ни было собственной лично «необходимой просвечивающей оглядки», таком же «упоённом болтуне» Горбачёве. Кроме лучшей советчицы Раечки - всерьёз ведь впрямь у Миши Меченого не было никого. Яковлев, Черняев, Шахназаров - ближайшие советники Горбачёва отнюдь не были ему верными друзьями. Они были просто не из его партии. «Жидовствующие», они делали свою игру. А русские? Даже первый помощник и начальник аппарата Болдин оказался в душе своему шефу скрытым идейным противником. Иначе не случилось бы ГКЧП.

Вот и вышло, что куклу «Горби» оказалось несложно запрограммировать. Осталось только опытным кукловодам с Запада подёргать «Горби» за ниточки.

«Двойные агенты», вроде Яковлева и Калугина, уже, видимо, докладывали заокеанским хозяевам, что все у них готово, что они поведут «Меченого козла» на заклание. А сам Горбачёв в это время наивно мечтал, как раскрутить вторую хрущёвскую «оттепель». Как дать вторую жизнь косыгинским реформам 60-х годов.

Самое естественное решение - мобилизовать всех сохранившихся при деле «шестидесятников». Но как их пробудить из спячки - поднять на волну? «Через печать и телевидение» - услужливо подсказывал «хромой бес» Яковлев.

Но и хочется и колется. Горбачёв все тянул, никак не решался. Вроде бы предпочёл сохранить неизменной апробированную брежневскую политику.

Ох, уж этот двуглавый орёл! Он до сих пор, как сакральный знак, который пытаются каждый раз наполнять новым содержанием! Даже теперь «Литературная газета» устами Анатолия Салуцкого (№ 38-39, 2004) ещё зовёт к возврату: «Птица исторического российского сознания всегда была о двух крылах; пока в обществе существует монополия одной группы, птица не взлетит, и о мобилизации нации мечтать бессмысленно».

При Горбачёве «Иудейскую партию внутри КПСС» возглавил Яковлев, а «Русскую партию внутри КПСС» - вроде бы крепкий мужик, но слишком уж простоватый Егор Кузьмич (имя и отчество-то какие сермяжные, свои!) Лигачёв. Оба с самого начала оказались в одной упряжке с Горбачёвым и тянули все в разные стороны, как лебедь, рак да щука. Не «птица» была уже, а кикимора адская. Какой тут полёт?!

Известно, что «хромой бес» вышел на Горбачёва через его помощника Болдина, с которым сам Яковлев был связан давней аппаратной дружбой в Большом Доме. Именно через Болдина Яковлев «затащил Горбачёва к

себе в Канаду», где отбывал брежневскую ссылку в послах, и «у себя» в Канаде «обработал». Известно, что к Тэтчер с «секретной картой» на просмотр лояльности к Западу Горбачёв ездил уже на пару с Яковлевым, организовавшим эту роковую для СССР встречу. Поэтому никого из «посвящённых» не удивило, что уже 11 марта 1985 г., сразу же после своего избрания генсеком, Горбачёв предложил Яковлеву должность своего помощника. Но тот отказался. Выморочил для себя должность в руководстве Большого Дома и поднялся аж до члена Политбюро, хотя все это время оставался практически лишь на положении одного из помощников - главного «спичрайтера». Координатора горбачёвской бесовской говорильни на сцене. Что-то вроде главного суфлёра.

Яковлев сам остро чувствовал, что ему надо менять поприще. Он не раз взывал на Политбюро:

- Ну, поймите меня, почему мне ни разу не дали ни одного участка работы, где бы можно было действовать самостоятельно?

Но Горбачёв - давайте уж договаривать правду до конца - боялся довериться «двухголовому». Последнее - не моя острота. Это характеристика Яковлева самим Андроповым. Есть свидетельства, что на настойчивые просьбы Миши Меченого за Яковлева - чтобы вернуть того в «эту страну», на все безумные похвалы Миши в адрес «этой головы!» ещё Андропов веско предупредил: «Это верно, голова у него есть, и даже не одна, а две. Поэтому с ним надо все взвешивать и не спешить».

Однако Горбачёв оказался настойчив и таки настоял - добился от Андропова возвращения Яковлева, пусть хоть не в аппарат ЦК, но в престижное директорское кресло Института мировой экономики и международных отношений. Мол, раз с Западом крепко повязан, пусть через Институт и налаживает нам связи.

Андропов однако строго предупреждал Горбачёва, что максимум, куда можно допускать «двухголового» - это служить «связным» с Западом. В конце концов, на такой роли может вполне использоваться даже человек, подозреваемый в том, что он «двойной агент».

Но кто бы тогда писал длинные и пустые, как порожняя посуда, бесконечные, как бег белки в колесе, многочасовые речи для трагического артиста Горбачёва, который, как его идеал Хрущёв Кузькина Мать, ударился в сплошные публичные выступления? Практически ведь и не работал, а только выступал, выступал, выступал.

Дело осложнилось тем, что на Яковлева Горбачёв очень скоро получил в свои руки тяжёлый криминал - обвинение в государственной измене от преемника Андропова Крючкова.

Объяснюсь. Яковлев, считалось, что-то делал для разведки. Он сам любил утверждать, что (цитата!), «учась, в Колумбийском университете, роясь в специфической университетской библиотеке и встречаясь с американскими учёными, я добывал такую информацию и отыскивал такие её источники, за которыми наша агентура охотилась не один год». Его усердие тогда сразу оценили, и во многом именно за это усердие в

первые годы правления Брежнева его сделали первым замом в отделе пропаганды КПСС. Он распространял о себе мнение, что уж он-то по-настоящему узнал в лицо идеологического противнии лучше других, поучившись в Америке, теперь знает, с ним бороться. И в это сперва поверили. Характерно, что Болдина он познакомил на собственной даче с В.А. Крючковым - тогда шефом внешней разики. Они все очень дружили. И вдруг - гром небесный. В «Записках из «Матросской Тишины»» (газета «Завтра» № 35, 1991 год), переданных помощником Горбачёва Болдиным, когда того посадили туда за ГКЧП, засвидетельствовано: «Докладывал В.А. Крючков М.С. Горбачёву о связи А.Н. Яковлева с зарубежными спецслужбами. Впервые я услышал об этом от В.А. Крючкова, который направлялся на доклад по этому вопросу к генсеку. Поскольку Крючков, как и я, был хорошо знаком с Яковлевым, Владимир Александрович рассказал мне вкратце о жути своего предстоящего сообщения Горбачёву. Такое известие меня буквально шокировало. Я сказал тогда Крючкову, что идти с подобной новостью можно только, будучи очень уверенным в бесспорности фактов. Помню, Крючков ответил мне так:

- Мы долго задерживали эту информацию, проверяли её и перепроверяли, используя все наши самые ценные возможности. Факты очень серьёзные».

Начальник Генерального штаба С.Ф. Ахромеев тоже подтвердил, что военная разведка располагает приблизительно такими же данными, как и КГБ. Но какую позицию занял М.С. Горбачёв? Снова цитирую Болдина: «Спустя какое-то время Горбачёв спросил меня: «Ты знаешь о том, что за Яковлевым тянется колумбийский хвост? Может, и ты примешь участие в беседе?» Михаил Сергеевич любил делать вот такие ходы - все неприятное спихивать на кого-то другого... Как же, зная все, повёл себя Горбачёв? Существовала группа особо секретных документов и Горбачёв сам расписывал, кого с ними ознакомить. Как правило, это было две-три, иногда четыре фамилии. Специальный сотрудник приносил их члену Политбюро в кабинет и ждал, пока тот при нём прочитает информацию. Так вот, Горбачёв стал ограничивать Яковлева в подобной информации, а с уходом его из Политбюро и вовсе запретил направлять ему сколько-нибудь секретные материалы, иных мер, по-моему, он не принимал. Иногда спрашивал меня: «Слушай, а неужели его действительно могли «прихватить» в Колумбийском университете?» Однажды, подписывая решение Политбюро на поездку Яковлева то ли в Испанию, то ли ещё какую-то страну, он в полушутливом тоне сказал: «Видимо, его туда вызывает резидент». Ну, как это следовало воспринять?» - задним числом возмущается Болдин.

А в самом деле - как? Да, все слишком просто. Юристу Горбачёву «агент американского влияния» был нужен. Он мечтал о таких же триумфальных поездках в Америку, какие делал Никита Сергеевич Хрущёв - его кумир со времён «шестидесятничества». За такие поездки на Запад он и особенно его Раечка готовы были душу чёрту продать.

Такова правда об А.Н. Яковлеве. С положением «Иудейской партии

внутри КПСС» при Горбачёве все ясней ясного.

А «Русская партия внутри КПСС»? Она-то при Горбачёве что делала?

По распределению обязанностей она должна была пристально заниматься идеологией - эта позиция по традиции закреплялась за вторым секретарём, кем стал у Горбачёва Егор Кузьмич Лигачёв. Был у Лигачёва и полный единомышленник, тоже из «Русской партии», севший на экономику Рыжков. Да и все остальное Политбюро в подавляющем большинстве (за исключением кавказца и давнего друга Меченого министра иностранных дел Шеварднадзе, сдавшего Горбачёва Европе!) стояло на крепких русских позициях. Поддерживало именно Лигачёва и Рыжкова.

Но у обоих провинциалов, как и у Горбачёва, не нашлось своих кадров. Все пришли голенькими. Оба суетились, говорили правильные вещи. Но, будучи по природе несколько наивными «тюфяками», на жёсткую бескомпромиссную смертельную идеологическую борьбу с «Иудейской партией» не решились. Такая не на жизнь, а на смерть борьба начинается именно и только с кадров - как говорил ещё Сталин, «кадры решают все!». Но и Лигачёв и Рыжков будто витали в облаках. Все уговаривали, увещевали «жидовствующих» геростратов. Но последовательно одного за другим выгонять «их» и упрямо, - несмотря на все вопли о «недемократических», «непрогрессивных» гонениях! - расставлять всюду на ключевых цостах только своих, только из «русской партии» - на такую жёсткую, «сталинскую» кадровую борьбу Лигачёв и Рыжков «мягкотело» не решились...

Потрясающий пример. Иудейские «Московские новости», обнаглев и подталкивая партию и страну к крушению, было, взяли уже на мушку и самого Горбачёва. Тот терпел все, кроме критики в собственный адрес, и взбесился. Потребовал от Лигачёва остановить «Московские новости». Кажется, для Лигачёва самый удобный момент жёсткими мерами привести желание Горбачёва в действие. Но Лигачёв все медлил, все уговаривал, все произносил громовые речи, а никаких реальных жёстких кадровых перестановок не делал. В результате иудеи успели отмобилизоваться на защиту «своего» рупора. Всей сворой иудейской «четвёртой власти» встали на защиту «Московских новостей» - и Горбачёв вместе с Раечкой дрогнули, дали задний ход. Горбачёв стал жалко заискивать перед разгулявшейся прессой, просить пощады.

Так было и с телевидением. Главный урок Второй октябрьской революции (октябрь 1993 года), осуществлённой руками «Иудейской партии», состоит в том, что вооружённый переворот был сделан не столько стрелявшими по Верховному Совету танками Ельцина (это уж трагикомическая точка с позором на весь мир, транслировавшимся телевизионными камерами CNN, установленными на крышах вокруг Дома Советов), сколько телевизионным оружием - олигархов СМИ председателя российского Еврейского Конгресса Гусинского и Березовского - огромным останкинским вколотым в русское небо чудовищным «наркотическом шприцем». В народе про телевидение уже иначе и не говорили как «тель-

авидение». Штурмовать его и уничтожить, как наркотическую иглу, было мечтой каждого русского патриота.

Когда я там поработал главным редактором, «насладился» воочию, какой на окраине Москвы в Останкине выстроен «Новый Тель-Авив». Было там несколько русских людей, вроде видного сценариста, автора многих хороших детских фильмов и знаменитого мультика «Капитан Врунгель» Ивана Алексеевича Воробьёва. Мы иногда собирались вместе - ахали, охали, что «еврейня творит». Но небольшой кучке русских людей, работающих на телевидении, не по силам оказалось бороться с засильем «демократического», «иудейского» лобби при тюфяке Лапине. Я сам это на собственной шкуре испытал.

Ещё только став членом Политбюро и немного пообтершись в секретарях ЦК, Горбачёв уже осознал, что главная опасность для сохранения крепкой власти идёт от превратившегося в особой город и разгулявшегося не в ту степь, ставшего совсем тлетворным «тель-авидения». Оседлаешь телевидение - удержишь бразды правления. А выйдет останкинский «Тель-Авив» в статус вольного города с катальным самоуправлением - все развалится.

И Горбачёв доверил курировать телевидение «крепкому мужику» Лигачёву. Но лучше бы не доверял.

Конкретный случай, начавшийся ещё во времена Черненко. Тот лично курировал опасное телевидение. Часто лично смотрел телепрограммы, имел хорошую информацию о внутренних телеразборках. И, будучи генсеком, намекнул, что только нужна озабоченная телеграмма SOS снизу, из самого останкинского «Тель-Авива» для реорганизации телевидения и проведения определённой кадровой зачистки от неуправляемых элементов. Почему телеграмма? Да потому что телеграммы трудящихся по заведённому в ЦК порядку ложатся прямо на стол Самому.

И вот в декабре 1984-го (Черненко ещё жив, но работает на партийном штурвале, правит бал на секретариатах уже Горбачёв!) развёртываются события, как в классической комедии положений. Вместе с художественным руководителем студии Владимиром Мотылём (тем самым автором «Белого солнца пустыни» и других замечательных лент) я принимаю и выпускаю на голубой экран румынскую сатирическую классическую комедию «Осиное гнездо» в постановке Московского Драматического театра им. Станиславского (спектакль доступен для скачивания здесь - http://kinozal.tv/details.php?id=1124815). В театре спектакль шёл под названием «Матушка Аннет» с блистательной Маей Менглет в главной роли - «матушки», главы местечкового семейства, обустраивающей своих деток по принципу все продаётся и покупается и, прежде всего, чувства. На сцене была громадная гротескная постель, вокруг которой совершались бесчисленные сделки совести. Актёры не стеснялись шаржировать портреты «под Одессу», что резко усилило сатирический эффект. А мы при экранизации восстановили резко оценочное авторское название «Осиное гнездо», да ещё ввели прямо в

действие рядом с актёрами характерный еврейский оркестрик, беспрерывно наигрывающий что-то вроде «семь-сорок». Сатира получилась злая и беспощадная. Экранизацию специально поставили на субботний день, но я не удержался, позвонил Константину Устиновичу с приглашением вволю похохотать «над Одессой»: «они», мол, так сами себя приложили, что не сразу сообразят, что в комедийном фриволье натворили.

Но вскоре выяснилось, что звонил в субботу Константину Устиновичу не один я, а что после просмотра «они»-таки все сообразили, и «их общественность» засыпала ЦК гневными звонками. Возникло состояние шока, и тут же подключённая цензура сняла все рецензии на «Осиное гнездо» в печати - не появилось ни одного отклика, хотя хохотала над «одесситами» вся страна. Сработал старый механизм - «Ревизор», осмеивающий русских балбесов крути хоть с утра до ночи, а вот «Осиное гнездо», осмеивающее балбесов «ихних» и в «их» исполнении, - это уже табу. Табу, как само слово «еврей», - прав был в своём предупреждении Зеев Жаботинский.

Через несколько дней редактор фильма Екатерина Маркова расписалась в отделе кадров «Экрана» за строгий выговор, и меня вызвали в управление кадров Гостелерадио расписаться за выговор. Владимира Мотыля, видимо, как еврея, помиловали.

Но в управлении кадров генерал Никитин, вместо того, чтобы прочитать мне мораль, вдруг начал долго и с удовольствием при всех, глядя на меня, хохотать. Мы и раньше были с ним в хороших отношениях. У меня всегда с кадрами были распрекрасные отношения. Кадровики если и не знают тонкостей (не всё ведь даже укреплённым гебешниками кадрам положено знать, за ними тоже всегда был партийный глаз нужен), то нюхом чуют, кто за кем стоит. Но тут все хохотали так, словно сотрудники управления собрались не сочувствовать, а меня дружно поздравить.

- Ну, дали вы «Осиным гнездом» по «ним» шороху! Давно так за животы не хватались!

А когда сотрудники разошлись, генерал Никитин весёлым шепотком сообщил мне, что и наверху сатирическая комедия по душе пришлась:

- Выговора всем «подельникам», конечно, мы дать вынуждены. Достали вы «их» крепко. Но с удовольствием сообщаю, что тебя лично ждёт повышение. Заходи послезавтра к Лапину. Ха-ха-ха! Ну, вы дали по «ним».

Я вышел из управления кадров в состоянии какого-то «сюра».

Но события ещё только набирали силу. Меня вызвали в ЦК и сообщили, что к ним пришла подробная развёрнутая телеграмма SOS изнутри ТВ. И даже не от русского, а от «национала» («черносотенцы» уже заранее не при чём!) - от видного телефункционера, печатающегося в любимом Черненко «Огоньке», к тому же отпрыска популярного Народного артиста СССР. То есть не от какого-то безвестного «ванька», а

от варящегося целиком в «их» соку и все-все про них со всеми потрохами потому знающего. Телеграмма же с тревогой - с прямым текстом о засилье «сионистов», бредящих государственным поворотом к капитализму, и никакой критики в свой адрес не воспринимающих - даже «Осиное гнездо», осмеивающее погоню за золотым тельцом, нагло принявших сатиру в штыки.

Я ждал реакции Черненко. Он давно искал повода почистить «Новый Тель-Авив». Теперь вроде бы остаётся лишь самая черновая профессиональная работа. На живца и зверь бежит - надо дать лишь возможность «лоббистам» наброситься на «живца» и посмотреть, кто как из тайных окопов вылезет. Каждую засветившуюся фигуру затем взять на учёт, установить за каждой контроль. Провести силами ГБ и контрпропаганды партии тщательную проверку связей. А затем - тотальную провести «SOS-зачистку».

Поэтому, признаюсь, я даже немного позавидовал молодому коллеге, подавшему знаковую телеграмму SOS про телевидение, - теперь его уж точно ждёт оглушительная профессиональная карьера. Какое осиное гнездо разворотил! Я не ошибся в карьерном прогнозе. Молодому коллеге тут же дали премию Ленинского Комсомола, в советское время приравнивавшуюся к государственной премии. Приняли в Союз писателей. А вскоре и сделали генеральным директором крупной фирмы в Фонде культуры под крылом Раечки Горбачёвой. Чего ещё желать молодому борцу за справедливость?!

Все произошло по тому же сценарию, как при Брежневе со мной или с Кунаевым.

За бдительность и идейную стойкость наградили, воздаянием не обошли. «Русская партия внутри КПСС» никогда не забывала своих, независимо от того, русский это или «национал».

Но ведь важны-то не воздаяния за храбрый сигнал, а само дело. Как с ним?

При Брежневе телега медленно ехала, но непременно таки прибывала к месту назначения. В АПН, когда я «жертвенно» (я головой рисковал - даже самые продуманные сценарии часто дают сбои и при этом сильные мира сего отыгрываются на стрелочниках, каким был я; меня в любую секунду могли сдать, если бы переменился ветер!) поднял вопрос о его засорённости, была даже не одна, а две последовательные чистки. Я не буду утверждать, что все в АПН стало распрекрасно. Но несомненно, что опухоль, язвившую этот громадный и сложный идеологический механизм, вырезали. На какое-то время навели хотя бы относительный порядок.

А при преемниках Брежнева? Как эти восприемники реагировали на острейшую ситуацию с телевидением? На SOS, которого сами же так ждали?

Да никак! Затянули и заболтали. Ударили кулаком по воздуху. Сам Черненко приболел. Телеграмму - сигнал SOS из «Тель-Авива» положили

на стол тогда второму лицу Горбачёву - возьми на жёсткий контроль и передай уж никак не кураторам ЦТ в аппарате ЦК (у них рыльце в пуху, о чём в телеграмме тоже написано!), а «своим людям», чтобы разобрались. Но где у Горбачёва «свои люди»? Да и думает он не о деле, а о том, что заболел Черненко и, даст бог, не выкарабкается. Горбачёв органически не любит неприятностей и. устраивает в Отделе пропаганды ЦК коллективное обсуждение ЧП. И вижу, кто уже знает о телеграмме? Даже инструктор Евгений Серафимыч Велтистов, курирующий ЦТ, - на телевидении хорошо подкормленный - заказом на не поставленный (там было нечего ставить!), а «списанный» с выплатой немалого аванса многосерийный сценарий про «челюсти саранчи». Он сам «саранча». С «Серафимыча» начинать чистку надо. А он уже знает. Такого промаха, утечки информации ни Суслов, ни Черненко никогда бы не допустили. Но горбачёвская «гласность»: как же! Будем все вместе разбираться!

Я стойко подтверждаю факты из телеграммы SOS. Но, думаю, дальше мне на телевидении работать - это с головой в петле. Какие там теперь выдвижения, перемещения в иерархии. Не дадут! «Осиное гнездо» ещё, может быть, и стерпели бы. Все-таки очень смешно! Но моя поддержка сигнала SOS о разгуле сионизма на телевидении - это уже «их» ответная борьба со мной не на жизнь, а на смерть. Раз меня Велтистов в ЦК видел, то я ещё доехать назад в Останкино не успею, как меня завтра же «пчелиный рой» зажалит до больницы.

Почему «пчелиный рой»? Ну, потому что, как я уже рассказывал, на ЦТ еврейское лобби возглавлял их главный «сборщик» телережиссер Леонид Пчелкин. Все еврейство на ЦТ уже и так за обиженного Пчелкина, вынужденного из-за моей несговорчивости через Смоктуновского выкручиваться и «отстёгивать» артисту, настроено против меня. И вот теперь уж, раз меня на поддержке антисионистской телеграммы засекли, то «пчелиный рой» со мной счёты сведёт. Никакое моё закулисное прошлое их не испугает. Будут биться, как над пропастью. Начнут на опережение исключать из партии. Ну, например, за недоплату партвзносов. Отработанный у кагала приём!

Писал я всегда много, где только не печатался; а где напечатали - даже не всегда сам мог и уследить, и какие-то гонорары даже просто годами не получал, это ведь надо ехать в определённые часы и день, а с работы не всегда вырвешься. Так что у писателя всегда можно какие-то блохи при уплате трёх процентов с гонораров найти, которые коммунист должен, как бухгалтер, скрупулёзно высчитывать и платить партии сам. Бредовая система - на психологию шейлока-крохобора, за деньгу дрожащего. Поэтому я старался всегда на всякий случай в парткассу переплачивать. Для страховки. Но ведь ведомость у «них», и ведомость можно задним числом просто подменить, если уж очень-очень надо врага угробить. КПК, конечно, разберётся, в обиду не даст. Председателя Гостелерадио русского «тюфяка» Лапина снимут. Но я-то уже в операции не помощник. Мне самому придётся отмазываться. Кого-то назначат вместо Лапина?

Так оно почти досконально и было. На ближайшем же партсобрании на меня хорошо организованное «лобби» собак спустило. Пчелкин открыто дирижировал. Пока буквально с кулаками цапались, перенервничал. Прямо с собрания увезли с инфарктом в больницу на несколько месяцев. Пока лежу в больнице, происходит-таки смена власти. Черненко хоронят, Горбачёв берёт бразды в свои руки. Идеология теперь у второго секретаря Лигачёва. Но что он творит? Да ничего. Все развивается медленно, бездумно. Ведь даже самый-самый чисто русский, сибирский, без примеси «тюфяк» наверху - он все-таки и есть «Тюфяк». Ну, сам не понимаешь - помощников подбери профессионалов. А нет у Егора Кузьмича надёжных людей. Лишь пустая периферийная номенклатура, не вкусившая специфических идеологических московских проблем. Кинули на ЦТ, вместо Лапина, непрофессионала. Кравченко пытался что-то сделать, кого-то поменял, пригласил русского писателя Станислава Рыбаса на главную редакцию литературнохудожественных телепрограмм. Ещё пару своих. Но что пара своих в громадном отдельном городе?

Реорганизацию ЦТ толком не провели. Да и кому проводить? Любой, кого в Останкино не спусти, да же с опытом, с серьёзного пришедший поста, окажется здесь чужим, как без языка в Тель-Авиве. Если он придёт без батальона своих людей, без своей мощной кадровой опоры, ему пыль в глаза пустят, скомпрометируют, закрутят текучкой, обманут. Вот телевидение Егор Кузьмич и профукал. Он продолжал работать методом «втыка» - ему кажется, что голову поменяет - все тело начнёт правильно работать. А на телевидении на председателя Гостелерадио давно плевали - там свой кагальный закон давно правит бал. И пусть все осиные гнёзда были выявлены, и все было подготовлено для чистки «Нового Тель-Авива». Но - вот наше русское бессилие! - последовательно приходившие для этой зачистки Кравченко, Аксенов, Ненашев, опять Кравченко (да несть им числа, кто только ещё не перебывал - председатели Гостелерадио менялись, как перчатки, - наивная надежда, что один человек может что-то сделать?!), последовательно свою задачу провалили.

Ах, эта унылая бессильная череда снятий-назначений. Кравченко с Аксёновым не выдержали. 17 мая 1989 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета о назначении Ненашева Михаила Фёдоровича председателем Гостелерадио СССР. Напомню, что этот указ вышел в момент крайнего обострения политической борьбы между «Иудейской» и «Русской партией внутри КПСС».

Ненашева, - имевшего опыт работы на контрпропаганде (да, да! напомню, он даже её, особо доверенную, какое-то время, правда, не очень энергично, скорее растерянно, смотря на «чудо заморское» со стороны, возглавлял в ЦК КПСС), затем в газете «Советская Россия» (восемь лет!), затем в Комитете по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, ставили уже в полуотчаянии: что же делать с останкинским Новым Тель-Авивом? Двинули его, вроде бы уж самого проверенного из «Русской партии». Но вот что он сам признаёт в своей книге, цитирую: «Полтора года пребывания в Гостелерадио СССР меня не оставляло ощущение

беспомощности в желаниях что-то радикально изменить в деятельности этого гигантского информационно монстра». Расписался в беспомощности и сложил ручки на груди, как живой труп на лавке.

У него и сейчас в голове каша. Цитирую: «Даже так называемый брежневский застой все-таки сохранял и накапливал энергию для самой перестройки. Согласитесь, в ней (особенно в 85-86 годах) были здравые идеи. В том числе «социализма с человеческим лицом», в которое моё поколение шестидесятников искренне верило. Честно сказать, оно и сейчас верит. Причём эта энергия накапливалась с хрущёвской «оттепели». Сейчас мы начинаем трезво оценивать, что прошедшее 15-летие оказалось, по существу, разрушительным, а не созидательным».

Он, хотя сам был тогда во власти, разводит руками: «Мы как раз больше всего разрушили и опустошили наше общественное сознание... но то время было парадоксальное. С одной стороны, пока ещё сохранялась КПСС и был президент, который пытался усидеть на двух стульях. Но!.. Само положение средств массовой информации было совершенно удивительным. Критикуя и являясь основными разрушителями советского строя, СМИ вместе с тем получали от него все, что могли и хотели. Имели полное финансовое обеспечение, ни один главный редактор в течение пяти лет не был снят с должности за крамолу».

Неудивительно, что при таких «русских» (!) тюфяках-руководителях наркотический шприц обкалывал народ на потоке. Горбачёв только руками разводил: «Я ваших ставлю, а что толку!» Идеология КПСС при беспомощных «Ненашевых», расставляемых наивным тюхой «Егорушкой», лопнула, как мыльный пузырь.

Экономика тоже трещала по швам. Рубль обеспечивался товарами лишь наполовину. Через год после того, как пролез во власть Меченый, - грянула Божья кара - в апреле 1986-го мир содрогнулся от Чернобыля. Бюджет страны полетел в тартарары. А тут ещё совершенно идиотская борьба за всеобщую трезвость по инициативе Раечки (она научно-философски специализировалась на этой теме), которая разрушила государственную монополию на производство алкогольной продукции. Бездумно вырубались виноградники. В Молдавии, в Крыму и на Кавказе, традиционно зарабатывавших на виноделии, народ пошёл по миру. Вот когда загноилась кавказская язва! Началось массовое самогоноварение, на подпольном производстве алкоголя уже не трудовой, а мафиозный Кавказ делал те капиталы, на которые потом скупит пол-страны! Отстёгивалось ли что Горбачёву, получившему прозвище «конвертик», - вряд ли кто теперь чего докажет. Да и думаю, что нет. Была просто благоглупость. Но государственный бюджет потерял последние стабильные десятки миллиардов рублей дохода. Раечка поставила научный эксперимент, а рубль превратился в десять копеек. Доехали!

Что делает в этот критический момент глава русского лагеря (по положению своему) Е.К. Лигачёв? Он только все осаживал покровителя крамольников А.Н. Яковлева, когда надо было решительно действовать самому. Потому что Горбачёв только по собраниям болтал, а реальная

власть была у второго рабочего секретаря Лигачёва. Есть много свидетельств, что - цитирую: «Отношения Е.К. Лигачёва и А.Н. Яковлева все более ухудшались. Скоро произошёл и полный разрыв между ними. Причины этого конфликта были глобальными и выражались в разных подходах к деятельности средств массовой информации. В то время, как Яковлев активно поддерживал «Огонёк», «Московские новости», некоторые литературные журналы и столь же активно не принимал «Наш современник», «Молодую гвардию», «Правду» и другие издания, Лигачёв занимал прямо противоположные позиции. Все это отражалось на деле, выливалось в ослабление управления идеологией. И Е.К. Лигачёв, и А.Н. Яковлев докладывали о сложившейся ситуации Горбачёву, но Михаила Сергеевича пока эта борьба устраивала. Когда конфликт перешёл из стадии внутренней борьбы на Политбюро, дело резко осложнилось: не было ни одного заседания, где в адрес идеологов не слышалась бы критика. Иногда Е.К. Лигачёв сам начинал разговор о публикациях в печати, иногда это делал Н.И. Рыжков, и многие присоединялись к критике, отмечая беспомощность руководства идеологическим отделом. После нескольких выступлений «Московских новостей» и «Огонька», прямо или косвенно критиковавших политику М.С. Горбачёва, судьба А.Н. Яковлева была предрешена. Генсек, видя негативное отношение к руководству идеологией большинства членов Политбюро и ЦК КПСС, начал искать нового Суслова».

Лигачёв явно не справляется? Только «новый Суслов», хитрый, лукавый, цепкий демагог спасёт! Но где было Горбачёву уже такого сильного «серого кардинала» себе найти, когда не только идеология, но вся страна практически треснула пополам? И «Русская» и «Иудейская партия внутри КПСС» уже могли сойтись не за столом взаимных уступок ради равновесия, а только в прямом бою на баррикадах.

Как первая дама страны Раиса Максимовна Горбачёва патронировала благотворительные фонды. Она много сделала для становления Всероссийского фонда культуры во главе с его председателем, выдающимся русским писателем Петром Лукичем Проскуриным. Я у него был председателем контрольно-ревизионной комиссии Фонда, а поскольку речь всегда шла о денежных расходах - сметах, финансовой помощи, ремонте, то на встречи с Раисой он меня брал с собой. Ну, и ещё о прекрасной студенческой молодости в великом МГУ можно вспомнить! Однажды она заехала, чтобы лично убедиться, в каком катастрофически запущенном состоянии находится наше здание на Сретенском бульваре. Особняк, старинный, даже с росписями, с лепкой она нам выбила. Но потолок уже обваливается, росписи трескаются. Нужен немедленный ремонт. А на какие шиши? Молили помочь Раечку. Пётр Лукич Раечке явно нравился. Он был видный мужчина, и мы чуть-чуть поддали. Раечка раскраснелась, требовала поклясться в верности Михаилу Сергеевичу. А мы слово за слово осторожно свернули разговор на окаянного А.Н. Яковлева. Намекнули, что, мол, именно его поддержкой пользуются люди, которые пытаются сейчас развалить всю русскую культуру. Что вот, мол, Брежнев устойчиво держался на политике двуглавого и двукрылого

державного орла, потому и продержался до своего смертного часа как царь-батюшка.

Неожиданно Раечка ответила, что нас вполне понимает: «Но вы не представляете, как Михаилу Сергеевичу сейчас все сложно? Михаил Сергеевич всегда помнил завет Наполеона: «Надо ввязаться в бой, а там посмотрим!» - и вы же видите: теперь оттепель-то уже идёт не фиктивная, как в «шестидесятые» при Хрущёве, а настоящая со всеми её плюсами, но и с жуткими негативами. Грязь-то вся, в брежневскую вялую зиму накопившаяся, тоже проступила. Грузными кучами повсюду лежит. А помощников, чтобы расчищать завалы, у Михаила Сергеевича практически нет. Снуют все сомнительные личности с «пятым пунктом». Но те, из иудейского лагеря, хоть активны. А «ваши» русские все только высокие должности просят - попредставительствовать. «Ваш» ведь Егор Кузьмич, уж такой русский, такой коренной. Даже кряхтит по-русски. Михаил Сергеевич его вторым сделал. Второй должен весь организационный воз на себе тянуть. А Егор явно не Суслов. Суслов умел найти ходы, как потихоньку противников убрать, без шума. А этот прёт, как танк. Да все впустую. Не туда ломится. И Михаила Сергеевича под истребительный огонь прессы постоянно подставляет. А журналистам бы ведь только визг поднять. И всё-всё на одного Михаила Сергеевича валится. Обостряет только и так трудную обстановку.

Никакой у Егора Кузьмича нет гибкости. И, главное, людей у него нету. Речи говорит правильные, а дела конкретного никакого нет. Проверить исполнение хочет, но не может и не умеет. И никто к нему надёжными помощниками из вашего же русского лагеря не идёт. Даже непосредственно в штат на хорошую оплату с дачей, «авоськой» и «кремлёвкой» не хотят. С «тюфяком», которого вот-вот сожрут (сколько его Михаилу Сергеевичу можно спасать?! своим телом прикрывать?!), себя ценящие профессионалы не работают. А, не вздыхайте сочувственно! Вот вы же, Пётр Лукич, не пойдёте Егору готовить доклады? Да вы бы и к Михаилу Сергеевичу «спичрайтером» не пошли. Себя слишком цените. Только бы другие за вас всю перестройку сделали. А «они» идут и работают. Яковлев не гнушается руководить «спичрайтерской» группой. Вот я вам и закрыла тему!..»

Мы с Проскуриным не могли не согласиться с Раечкой. Увы, мы, русские, сами отдали бразды правления во вторую «оттепель» «им», «жидовствующим» разрушителям. Мы сами дали Мишу «им» повязать.

Раечка была настырна. Она «пробила» блокированное еврейским аппаратом награждение Петра Проскурина Золотой Звездой Героя Социалистического Труда. На одном из совещаний в Кремле подвела нас к А.Н. Яковлеву и представила как своих друзей. Едва она отошла, Яковлев тут же шарахнулся от нас с Проскуриным, как чёрт от ладана. Раечка теоретизировала. Она считала, что «вторая оттепель» Горбачёва - возвращение назад в нэп, для того чтобы пойти другим путём, чем И.В. Сталин. Сталин, едва Ленин умер, свернул нэп и повёл страну по пути тоталитаризма. А Миша, мол, пойдёт «демократическим» путём. Раечка и

допускаемые Горбачёвым игры «пятого пункта» (так тогда в приличном обществе иносказательно говорили, имея ввиду еврейскую национальность) с авангардом в искусстве и вообще с троцкизмом и бухаринщиной русофобских 20-х годов рассматривала лишь как временную уступку, чтобы энергичными руками «пятого пункта» скорее очиститься от льдов тоталитаризма и «застоя», а потом рвануть, рвануть. Ну, прямо «шаг назад, два шага вперёд». Но шаг назад Миша с Раечкой саженный сделали, а два шага вперёд - не получилось.

Возможно, это были тогда мои прекраснодушные иллюзии, возможно, напротив, была моя с Проскуриным политическая безответственность перед своей нацией, но сейчас, когда прошло много лет, я более всерьёз воспринимаю наши обходительные «дипломатические» разговоры с Раечкой. Что-то она не без провокации примеряла, прикидывала. Но она ведь, как оказалось, смотрела и в корень, когда сомневалась в искренней верности Яковлева и Болдина, когда шутила, что один «косит» на Запад, а другой спит и видит сталинскую сильную руку. И если чуть Миша зашатается, - оба радостно сдадут его. Чуяло женское сердце. Я думаю, что она не только лихо шутила, но и чуточку что-то прикидывала, когда «комплиментничала», что с Золотой Звездой Героя Социалистического Труда и опытом руководства Всероссийским фондом культуры такого популярного писателя, как Проскурин, руками утвердили бы министром культуры и ввели в Политбюро на идеологию. Во всяком случае, она, думаю, искренне плакалась по отсутствию кадров. А кадры рекомендовать у нас, русских, были. Да мы, «русская партия», решительно обновили бы крепкими державниками, не разрушителями, всю разгулявшуюся, как на пиру во время чумы, «четвёртую власть» - высадили бы десант и заняли бы вышедшее из-под контроля Гостелерадио и «ихнюю» печать. Другое дело, что «они» тут же подняли бы великий шабаш, что нас мгновенно и подло «они» бы подставили. И вряд ли бы что путное у нас получилось - уж слишком всё далеко зашло в развале идеологии и развале самой страны.

Но кто знает?! Кто знает?! Мне ещё покойный дед говорил, что у евреев есть то несомненное преимущество перед русскими, что они дерзко берутся за дело, даже когда, казалось бы, нет никаких шансов и, глядишь - кто из «них» голову свёртывает, а кто ведь и схватывает куш. Раечка нас с Проскуриным, конечно, «всего лишь» прощупывала, заигрывала с русским лагерем, играла коготками, как ангорская кошка с серыми русскими мышками. Но дальнейшие события показали, что к этому времени они с Мишей действительно основательно запутались в своём окружении с реальным или идейным «пятым пунктом». А мы, русские, выпутаться из тенет обоим Горбачёвым никак не помогли. Никого не подсказали. Мы промолчали, хотя разговор тот мог даже считаться полуофициальным, и Раечка могла с нас требовать хотя бы партийной дисциплины. Она сама проходила по штату помощником генерального, но была реальным начальником его аппарата. Проскурин оставался в кадровом резерве высшей номенклатуры партии после работы спецкорром центрального органа партии «Правды», где, кстати, его и

приняли в партию, - особый случай. Да и я формально оставался в кадровом резерве номенклатуры. Так что по интриге мы обязаны были вытянуться перед Раечкой в струнку, щёлкнуть каблуками и, хотя бы шутливо, сказать: «Служим партии!» но нам это и в голову не пришло. Мы промолчали. Не захотели? Не решились? Думали, как это мы попрём интриговать в обход своих - есть же у нас «наверху» Лигачёв, Рыжков, Язов, набор «Ненашевых» и прочих, как потом оказалось, «тюфяков»? Ставили уже на другого, не на Горбачёва? Не мне это было по рангу знать, и не знаю, знал ли что Проскурин. Во всяком случае, мне Прокушев (признанный лидер «Русской партии внутри КПСС», «гроссмейстер Русской Идеи», как мы его между собой уважительно звали) брезгливо приказал:

- Не дёргайся! И Петра не подбивай! Сейчас нужно уже менять не помощников, а саму голову. Спасибо за информацию. Значит, нервничает голова. А мы - поговорили и забыли!

Но, видимо, что-то, может быть, от самой Раечки или из аппарата Миши проскочило в «закулису» относительно возможного выдвижения Петра Проскурина на идеологию, потому что сразу, как по команде, началась его травля за «антисемитизм», к которой в подозрительной связке тут же приплели и меня как литературного критика, поддерживающего «антисемита» Проскурина. Всё было высосано из пальца. Никаких поводов для обвинения Проскурина в антисемитизме его романы не давали - он просто брезгливо обходил эти «типы». Но придумали-таки. Домыслили за него. Как писал о нашей «связке» «Огонёк», я ещё процитирую. Сейчас же лишь скажу, что работать на опережение «они» всегда блестяще умели и не стеснялись в средствах. А мы, русские, - были «чистоплюи». На этом и проиграли свою державу.

В мемуарах «Крушение пьедестала» Валерий Иванович Болдин писал: «Могу лишь присоединиться к выводам тех аналитиков, которые полагают, что это был уже не его выбор. Генсек оказался повязанным теми силами в стране и за рубежом, которые давно расставили для него силки, и он вынужден был вести свою партийную паству на ту морально-физическую живодёрню, из которой невредимым и обогащённым выходил он один».

Жёстко сказано. Честно. Но вот повёл ли Миша Меченый себя изначально как вожак, нарочно толкающий стадо баранов на край пропасти, а сам в последнюю секунду вовремя готовый отпрыгнуть, чтобы все другие провалились в безысходность? Повторюсь, что думаю, что это не так. Он просто, увы, не справился с «великой оттепелью», поднятой им самим. А вот тут «они» его с Раечкой и повязали.

Вина Горбачёва в том, что он панически боялся, что его спихнут более энергичные и умные, чем он, члены Политбюро и стравливал, стравливал сам возможных претендентов на власть в стране. В идеологии уже к концу 1985-го был полный хаос - разгул «чернухи» и клеветы на советскую власть, на Россию, на все отечественное. А тут ещё два медведя в Политбюро сцепились на потеху Горбачёву. Дикость, но

согласно свидетельствам, Горбачёв довёл бои «Иудейской партии» и «Русской партии внутри КПСС» до уровня собачьих боёв себе на потеху. Все тот же Болдин свидетельствует: «Скорее всего, генсек не без умысла сталкивал своих соратников, исходя из того, что в этой борьбе они ослабят друг друга, будут ручными. Сначала он не ведал, что на политической арене разворачивалась не война амбиций партийных лидеров. Это было столкновение двух линий в деятельности партии, развитии страны - линии на сохранение социализма и линии на его дискредитацию, линии на укрепление Советского Союза и линии на его развал. И если бы Горбачёв мог сразу понять происходящее, он не свалился бы в жернова изобретённой им машины и не был бы выброшен на свалку истории. Но не наделённый стратегическим мышлением, генсек неловко суетился возле разожжённого им костерка, подбрасывая туда дровишки, и радовался разгорающемуся пожару. Иногда спрашивал меня:

- Ну, как, Егор с Александром все ещё цапаются?

- Да там уже рукопашная началась, и каждый сторонниками обзавёлся. Добром не кончится.

Он тихо и счастливо смеялся».

Под этот идиотский счастливый смех кончился гордый полёт брежневского самодержавного орла - отвалились и упали на землю крылья, обе головы были отрезаны. Самодержавный орёл издыхал в агонии.

Обнаглевшая сплошь «ихняя» «четвёртая власть», не контролируемая партией и уже в открытую, умело координированно подпитываемая агентами американского влияния, пошла таки в лобовую смертельную торпедную атаку на самый большой в мире лайнер, на гордо плывший Советский Союз.

А застрельщиком этого наглого торпедирования стал традиционно русский журнал «Огонёк», подло переданный Горбачёвым из русских рук (как было по «брежневскому балансу сил») в руки иудейского лагеря. На «Огонёк» был заброшен авантюрист «поэт» Коротич. Фигура сюрреалистическая. Киевлянин. Отец, директор школы, остался в этом качестве при немцах.

Мать еврейку тем не менее фашисты не тронули, отца потом - не тронул наш СМЕРШ. Загадка для спецслужб, как с двойными агентами. Коротич окончил медицинский институт, по образованию - гинеколог. Хотел иметь хорошие деньги. Но ударился в поэзию - барабанную, «публицистическую», в сущности графоманскую, с газетным языком. Оказалось, на ней можно ещё шибче, чем на женских болезнях, заработать. На ней он удачно «внедрился» и в политику. Неистово славя Л.И. Брежнева и понося, как последнего врага, Америку, продвинулся в аппарате Союза писателей Украины и даже получил свой журнал. Съездил в Канаду - к Яковлеву. Там, видимо, его и обратали.

На «Огонёк» из Киева с подачи Яковлева Коротич пришёл уже с чёткой программой «американского влияния». И «Огонёк» из бывшей

«софроновской» цитадели охранительных традиций сразу развернулся, как по мановению волшебной палочки, тут же превратился в атакующий ракетный крейсер врага, пушки с которого прицельно бьют по армии и по КГБ, стараясь дискредитировать и вывести опоры советской власти из строя.

Вот по «крейсеру» разбушевавшейся «дерьмократии» мы и решили нанести прицельный удар из главного калибра. Идею мне выдал Проскурин после серьёзного разговора с Михаилом Алексеевым, министром обороны Дмитрием Тимофеевичем Язовым и Раечкой, которая пообещала, по возможности, подстраховать. Её фразы: «В Коротиче Миша ошибся. Но теперь его так просто не тронешь. На Политбюро давно бы сняли, если бы могли. Но сейчас есть общественное мнение - Миша против него не попрёт. Должно уж очень быть обвинение основательное». Знакомые слова ещё по брежневскому золотому веку. Мол, лезь, и, если голову сразу не свернёшь, то, может, как-нибудь тебя не забудем.

Меня спросят, а где мы, русские, были со своими каверзными вопросами, когда Коротича утверждали на Политбюро? Да, уходил по возрасту Софронов. Но ведь традиционно по разделению иудейских и русских сил «Огонёк» должен был достаться русскому? Почему русские члены Политбюро, которых было больше, дружно не воспротивились, а пошли на поводу у Яковлева? Но в том-то и страшная суть «яковлевщины», политического «оборотеничества» как метода фарисейской политики, что Коротич Яковлевым предлагался как вполне патриот. Даже слишком зацикленный на гимнах советской власти и на противостоянии Америке и мировому сионизму. Каждому члену Политбюро была подарена его книга «Лицо ненависти» (М.: Правда, 1983), то есть совсем недавно вышедшая, из которой на членов Политбюро глядел ястреб. В жирной аннотации к книге рекламировалось, что в ней «запечатлён образ Америки 80-х годов, разъедаемой ненавистью изнутри и сеющей ненависть в мир». И в этой своей изданной тиражом в полмиллиона и ещё переизданной «контрпропагандистской» книге Коротич впрямь неистово и последовательно доказывал, что у Америки лицо ненависти. Треклятых американцев Коротич эффектно громил как исчадие сионистского зла. Он витийствовал:

«Понимаете, в чём здесь дело? У них же кругом гетто. Каждый город перегорожен заборами по сто раз. Если я еврей, то должен жить только в еврейском районе и жениться на иудейке. Мои дети должны носить ермолки и пейсы и презирать всех других детей, потому что те в субботу работают, ходят совсем в другую церковь, к другому богу». «В руках у сионистов, - возмущался Коротич (потом он будет оправдываться, что таким образом хитро информировал, чего он и для Москвы хочет), - пребывает огромная часть средств массовой информации (в Нью-Йорке евреев больше, чем в Израиле, и сферы их национальных влиятельных организаций простираются на банки, текстильно-одёжный бизнес, знаменитую 47-ю улицу, где сосредоточена торговля бриллиантами, и на многое другое). Во всяком случае, по большинству телеканалов последние известия начинаются сообщениями из Израиля, а заканчиваются

репортажами у советского представительства. я не знаю общества, запрограммированого и разделённого даже в деталях более немилосердно, чем американское общество».

Ну, как против такой фигуры, предлагавшийся Яковлевым на «Огонёк», членам Политбюро было возражать? Не могли они догадываться, что им сознательно подсовывается чудовищный оборотень.

Правда, было у него одно чрезвычайно опасное двойное дно, о котором мне рассказала Татьяна Глушкова - он тайно заигрывал с украинскими крайними националистами-самостийниками, ненавидевшими москалей и готовыми взорвать Советский Союз любой ценой - лишь бы отделиться. Вот на этом-то «взорвать Союз любой ценой», видимо, и купили Коротича «хромой бес перестройки», «агент американского влияния» Яковлев, и американцы.

Купили и подсунули Горбачёву с Лигачёвым, отвечавшим за идеологию. Насколько я информирован, самого Горбачёва органы все-таки предупредить попытались (как предупреждали Горбачёва и насчёт самого Яковлева), что за Коротичем тянется «хвост». Но он отмахнулся: «Я сам листал его книгу. Как он по сионистам бьёт! Вы-то небось побоитесь так в лоб».

Когда я решился написать памфлет на Коротича, то, естественно, процитировал в своём памфлете жирную аннотацию к «Лицу ненависти» и довольно подробно всю эту и другие «американо-ненавистнические», «антисионистские» книги Коротича, которые он стряпал под бдительным руководством «органов». Тем страшней и омерзительней представала инфернальная фигура оборотня Коротича и тем ярче высвечивался изнутри его адский опекун Яковлев и его многочисленные «жидовствующие» единомышленники.

Я писал свой памфлет как «силуэт идеологического противника». Надо было открыть обществу глаза на характерный тип «застрельщика перестройки» (так «они» сами себя называли). На поверхностно образованного «барабанщика», без корней, бездуховного (торчат тут «церквушки, церквушки отравными, злыми грибами», - слагал стихи Коротич), вопиюще «местечкового», беспринципного и крайне наглого. То есть на целиком «ихний» троцкистский тип. Практически возродившийся духовный двойник тех прихлынувших из-за черты оседлости неистовых ревнителей 20-х годов, которые тогда ставили Россию на колени, а теперь вот решили поставить на колени опять. Я как бы играл с этим мерзким типом в вопросы и ответы и ядовито извинялся - за «некоторую резкость, её трудно избежать, имея дело с жаждущим непременного столкновения публицистом, с его откровенно вызывающим стилем».

«Огонёк» под руководством Коротича начал с якобы «кремлёвских тайн». На потоке стал публиковать односторонние, а то и прямо сфальсифицированные материалы о «кремлёвских тайнах», преимущественно используя, как исходный материал, грязь из диссидентского «спецхрана». Я все материалы сразу узнавал - они были

пятнадцатилетней давности, подбрасывались нам через иудейский «самиздат» профессиональными агентами-сионистами из ЦРУ. Вот, вытащив всю эту страшную грязь и дезинформацию на слепленную профессиональными скульпторами фальшивую «перестройку», Виталий Коротич и делал свои «огоньковские сенсации». Кстати, я об этом прямо в памфлете и написал.

Мне пришлось обильно цитировать. Но статья получилась хоть и очень длинной, зато убедительной, как пухлое следственное дело. Коротич оказался пойман с поличным - на точных цитатах. Силуэту противника - Коротича я в статье попытался противопоставить портрет русского человека, даже в стане врага, оставшегося патриотом - тогда ещё не вернувшегося Александра Солженицына. Но Солженицына мы так и не смогли пробить даже с помощью армии и КГБ через цензора Володю Солодина. Горбачёв, при всей своей показной игре в широкую гласность, трусливо согласился с цензором, что противопоставлять «советскому главному редактору» (?) Коротичу высланного эмигранта Солженицына - это уж слишком. Что вообще само имя Солженицына лучше, как требовал ещё его горбачевский учитель Андропов, забыть - нигде ни в коем случае не упоминать. Статья «О фарисействе и саддукействе» вышла, увы, только с отрицательным силуэтом, без положительного примера Солженицына, повернувшегося лицом к России, но все равно имела бурный резонанс.

Обращался памфлет и к 30-м годам, показывая, почему «Огонёк» рекламирует «Детей Арбата» А. Рыбакова-Аронова, которые «лежат вне русла «русского романа»» и являются политической фальшивкой. Прямо говорил, что «Дети Арбата» - роман космополитический. Концепция и материал его взяты у советологов. Причём называл вышедшие в Америке и пересказываемые Рыбаковым-Ароновым почти дословно злобные книжки А. Авторханова и Р. Конквеста. В эрудиции мне было не отказать, и я ловил «Огонёк» за руку в печатании старых антисоветских и антирусских фальшивок. Настойчиво объяснял, что его идеологическая платформа в «бухаринщине» русофобских 20-х годов и, не называя «яковлевщины» (ни одна цензура этого тогда бы не пропустила, он все-таки ведь был членом Политбюро), достаточно прозрачно намекал, что вся новая «ихняя» якобы перестроечная идеология - старый мусор из русофобских 20-х годов и из американской подрывной «советологии».

В противовес подрывному набору «жидовствующих» в «Огоньке» мой памфлет защищал коренных русских писателей. Я прямо обвинял Коротича: «С завидной последовательностью «Огонёк» травит неугодных Коротичу (понимай: всем «им»! - А.Б.) писателей - Валентина Распутина, Василия Белова, Юрия Бондарева, Анатолия Иванова, Михаила Алексеева, Петра Проскурина, Сергея Викулова. Причём приём у вас, Виталий Алексеевич, один и тот же - обвинительный, в современном духе (понимай, в местечковом духе! - А.Б.) ярлык. В ходу любой поклёп, любая нелепица - лишь бы позвучнее. По принципу - посильнее обляпать бы грязью, а отмывать - не наша забота. И ещё ваша метода - из номера в номер, одно и то же, по многу раз. Вас даже не смущает известная

истина: сказал раз - поверили, сказал другой - усомнились. Поражает примитивная однолинейность порочащих обвинений. А чаще всего это прозрачный намёк на антисемитизм неугодного имярек».

Рисковал я тогда страшно. Обстановка была такая, что могли и пришить.

Но соратники по подпольной «русской партии» поручили и - надо выполнять. Разоблачение Коротича далось нам очень и очень не просто. Его упорно ограждала от критики... государственная цензура. Горбачёв даже в перестроечное время «гласности» сохранял цензуру. Но лучше бы он её не сохранял. Наша цензура с фарисеем Солодиным во главе целенаправленно попустительствовала развалу государства, давала зелёный свет «подрывникам» вроде русофоба Коротича, резала во всех газетах и журналах патриотические «русские» статьи. Мой памфлет с прямым обвинением «жидовствующих» в подрыве государственных устоев, разрушении державы и оскорблении русской нации был озаглавлен по именам еврейских сект «О фарисействе и саддукействе» (журнал «Москва», 1988, № 12). Он был, уж конечно, сначала задержан цензурой. Непотопляемым розовощёким Владимиром Солодиным, из вечных замов в Главлите (цензуре), наконец, подвинувшимся - ставшим главным цензором страны. «Ихняя» разведка сработала - грешу на Солодина, - и ещё до выхода статьи начался скандал.

На всякий случай, дней десять, пока не улягутся первые страсти, после выхода памфлета я отсиживался в закрытой больнице.

А сам памфлет «О фарисействе и саддукействе» смог появиться на свет только после настойчивого демарша министра обороны Язова перед генсеком Горбачёвым, что надо, мол, дать слово и «русским». Мы поставили вопрос ребром: «Или нам дают слово, или мы прибегнем к широким политическим акциям против самого Горбачёва!» Миша одобрял, так как памфлет прошёлся по носителям пятого пункта. Но трусил иудейского лагеря. Помогла жёсткая Раечка, давшая Мише совет не ссориться с армией и русским лагерем и сдать опозоренного «перевёртыша».

Журнал имел такой успех, что мы и не ожидали. Оказалось, у нас огромное количество единомышленников. Общественная поддержка была самая широкая. Особенно в армии, в среднем звене партаппарата и в органах, а также среди учителей, врачей, на крупных заводах. Одним словом, среди всех, кто читает и думает. Тираж журнала «Москва» был миллионным, но двенадцатый номер пришлось даже допечатывать дополнительным заводом, удовлетворяя настойчивый спрос.

Меня затаскали по выступлениям по нескольку раз в день в самых неожиданных и весьма престижных организациях, перед битком набитыми залами. Если бы я написал в жизни только один памфлет «О фарисействе и саддукействе», я все равно бы посчитал, что прожил жизнь не зря.

Русские меня крепко поддержали. А еврейская печать как воды в рот

набрала. Была в состоянии шока. Никто не решался позориться, защищая демаскированного «ненавистника Америки» и «перевёртыша».

Опираясь на статью, «Русская партия внутри КПСС» тут же потребовала от Горбачёва немедленно убрать Коротича, что и было не сразу, но все-таки сделано по рекомендации сверху вроде как самим коллективом «Огонька». Кому же хочется работать под скомпрометированным перевёртышем?! Но обратим внимание, куда Коротич скрылся - за тридцатью сребрениками к своим хозяевам в Америку. Сам перед всеми расписался, на кого работал.

Но акция против Коротича и его перевернувшегося «Огонька» была едва ли не последней в нашей русской поддержке - нет, не Горбачёва, а самой системы с КПСС во главе.

Горбачёв паниковал и под дудку «хромого беса» Яковлева сдавал Западу позицию за позицией. Стало ясно, что он скоро сдаст «им» и партию, и всю страну.

«Был ли у него стратегический план ликвидации партии, развала страны? Полагаю, плана не было, но была некая идея-фикс, та конечная цель, достичь которую без уничтожения существующей системы было невозможно», - пишет близкий к Горбачёву человек. Советская выборная система стала Горбачёву не по нутру. По совету того же Яковлева Меченый кинулся в «президентскую систему». На всенародные выборы он не решился. Понимал, что прокатят. Пошёл избираться в президенты на совершенно фальшивый и неподготовленный съезд из иудейских и «жидовствующих» выборщиков, на который они с Яковлевым отбирали преимущественно евреев и иже с ними - по спискам неких, часто весьма странных, общественных организаций. Почему я так резко говорю? Да, потому что по этой системе все решалось по принципу, кто кого перекричит. А в «перекричит» у динамичных и наглых, в аргументах беспринципных евреев всегда было заведомое преимущество. Каждый активный иудей придумывал сам себе общественную организацию, которая его выдвинет, и эта организация «яковлевцами» тут же вносилась в избирательный список. Организациям же, где преобладали русско-ориентированные элементы, заведомо был поставлен шлагбаум.

Организаторами великой мистификации практически собирался съезд «малого народа» против «большого народа». Механизм был совершенно примитивен. Была привлечена «сотня» от партии, которую отсчитал сам Горбачёв. И дальше совершенно произвольно - своим организациям «они» давали больше голосов, не совсем своим меньше, а не своим вовсе не давали. Учли простую вещь, что аппараты всех творческих союзов и всяких других обществ на союзном уровне были в большинстве из евреев. Напротив, русские и патриотические силы все, естественно, преобладали в организациях республиканского уровня. Вся масса писателей, например, состояла на учёте в Союзе писателей РСФСР, а в СП СССР, как в верхней надстройке сидел только «малый народ» - аппарат. Но от выборов русская масса писателей была жёстко отсечена. Выдвигал в «народные депутаты» Союз писателей СССР - «малый народ» из аппарата. Во всех других

бесчисленных союзных организациях тоже по традиции в аппарате занимал удобные места «малый народ», и именно он решал, кого выдвинуть.

На выборах на Съезд народных депутатов СССР от голосования оказалась реально отсечённой вся Россия - все русское ядро, вся русская провинция. Это была циничная и невиданная по масштабам обмана операция по отстранению русского народа от управления собственным государством. Все преимущества были отданы «союзным» общественным организациям, то есть «малому народу». А по мандатам с мест проходили горлопаны, способные «переорать» оппонентов, а в этой великой способности «малому народу» никогда нельзя отказать.

И вот из такого общественного мусора 25 мая 1989 года открылся съезд народных депутатов СССР. Ну, был он прямо как Государственная Дума времён заката царской империи. На нём больше болтали, чем что-то решали. Показывали себя по «телеку» по целым дням напролёт на публику, а не думали о судьбе страны.

А 2 июля 1990 года открылся XXVIII съезд партии, на котором Ельцин потребовал «изменить название КПСС и звать не в заоблачные коммунистические дали, а каждодневно защищать делом интересы каждого человека», и. вышел из партии. Ельцин начал свою игру. На этом же съезде разошлись навсегда в противоположные стороны Горбачёв и Лигачёв. Горбачёв остался генсеком, но практически бросил КПСС.

На съезде народных депутатов СССР, став президентом, Горбачёв и страну бросил на произвол судьбы. На Президентском совете, - как рассказывали, - он услышал, что «народ устал от экспериментов, шатаний и болтовни. Слово «перестройка» у большинства вызывает аллергию, ибо стало издевательством над здравым смыслом».

Горбачёв багровел. Не дав высказаться всем, президент прервал заседание и больше не спешил его собирать.

- Какую чушь они несли! - нервно ходя по кабинету, кипел Горбачёв. - И это люди, которым я доверял, вытащил их, чёрт знает откуда. От Валентина Распутина я, правда, другого и не ожидал. Но остальные?!

Даже своему помощнику по международным вопросам Анатолию Сергеевичу Черняеву растерянный Меченый Миша перестал доверять важные документы:

- У него в семье пятый пункт не в порядке. Секретная информация может далеко «убежать».

Горбачёв, наконец-то, понял, что «Иудейская партия внутри КПСС» его обвела вокруг пальца и сдаёт Западу. Да не его одного, а вместе с ним всю Россию. У Горбачёва состоялась беседа с А.Н. Яковлевым, в ходе которой Миша «хитро» предложил Александру Николаевичу «забрать из партии леводемократическое крыло и включить его в движение за демократические реформы, которое трансформировать в новую самостоятельную партию». Но Яковлев уже не хотел «крыла», он хотел

всю партию.

Миша с Раечкой теперь усиленно заколачивали деньгу на чёрный день. Откладывали миллионы за Мишины и её книги, широко изданные на Западе, выстраивали «Горбачёв-фонд». Готовились к капитализму.

2. Мы снова поднимаем чёрно-злато-белые стяги «Союза русского народа»

А мы уже больше не верили ни Мише, ни даже его более умной советчице Раечке, мы решили отделяться и искать другого лидера для страны. Грешен, но признаюсь, мы тогда очень глядели на напористого Ельцина. Но что мы знали про него? Практически лишь то, что его притащил в Москву «наш» Лигачёв». Да, и опять виноват Лигачёв. Но наш «тюфяк» «Егорушка» гнилое нутро амбициозного и, в сущности, идеологически совершенно беспринципного конъюнктурщика не рассмотрел. А мы-то своему Егорушке - ах, такому русскому! - «тюфяку» тогда все ещё верили. И когда мы вслух публично заговорили о «разводе» с Горбачёвым, мы, горько покаюсь, не сбрасывали со счетов Ельцина. Мы никогда не брали его себе на знамя, но мы не считали тогда его «жидовствующим». Да я и сейчас убеждён, что он тогда таким (ещё?) не был.

Горбачёв и его идеолог Яковлев неоднократно высказывались, что, мол, загнивание у нас произошло из-за однопартийной системы. Что ж! Мы были согласны на разделение КПСС на две её реально составлявшие и реально противодействовавшие силы - на «Иудейскую партию» во главе с передовыми либералами членами Политбюро Яковлевым и Шеварднадзе и на «Русскую партию» во главе с не продавшимися, хотя и не очень последовательными державниками, членами Политбюро Лигачёвым, Рыжковым, Крючковым и Язовым.

- Давайте разделим партийное золото (хоть то, что ещё не разворовано!), разделим партийные здания, органы печати, другое партийное имущество. И будем соревноваться в открытой политической борьбе, за кого проголосует народ. Мы готовы предоставить, как базовую, уже имеющуюся широко разветвлённую сеть «Русских клубов» по всей стране.

Так говорили мы и были уверены, что офицерский состав ГБ и нашей армии почти поголовно вступит не в партию развала страны и предательства в Восточной Европе - Восточную Европу Э.А. Шеварднадзе своими руками сдал (продал?) Западу, а в «Русскую партию» державников, государственников, твёрдых почвенников и патриотов. И мы начали делать шаги к этому акту.

В апреле 1989-го я отчаянно «просвещал» советские «компетентные» органы. В своей лекции «О фарисействе и саддукействе» - в битком набитом зале здания внешней разведки в Ясеневе, под жгучими «проникающими» лучами телекамер (освещённость зашкаливала за выносимые человеком пределы! «допрашивающая техника»!),

транслировавших актуальную лекцию на центральный аппарат, - я рубил почти прямым текстом прямо в глаза тяжелейшую правду-матку.

Генералы меня предупредили: «Учитывая брожение в умах, заплеснувшееся даже в нашу патриотическую лубянковскую цитадель, не стесняйся. Заостряй! Лишнее сболтнёшь, подложим подушечки, спустим на тормозах, осторожно поправим. Главное, всколыхнуть умы». И я старался говорить как можно прозрачнее. А что не смог сказать перед телекамерами в зале, без обиняков договорил, расставив точки над «и», тут же в кулуарах. Рисковал ли я? Конечно, очень. Ведь говорил не где-то в безответственном общественном месте - тогда при «гласности» на бесчисленных собраниях и митингах друг друга и «демократы-иудеи» и «черносотенцы - мы русские» громили открыто, абсолютно не стесняясь в выражениях! - а для самой Лубянки. И хотя в последовательно патриотическую позицию председателя КГБ Владимира Александровича Крючкова я верил, но от его первого зама кручёного «Бобка» всего можно было ожидать.

Чтобы понять всю глубину «особой деятельности» Бобкова, процитирую недавнее признание социолога Леонтия Бызова, наблюдавшего работу детища Бобкова и преемника «пятёрки» - 5-го Управления КГБ «ЗК (Защита Конституции)» как раз в то время: «Мне как аналитику в 1989 году приходилось сталкиваться с управлением КГБ по защите конституционного строя, которое занималось национальными движениями, я поражался некомпетентностью и удивительной эйфорией, в которой они пребывали в ситуации, когда все валилось. Им казалось, что всё идёт как надо, - «народные фронты», всюду «наши» (в смысле «комитетовские») люди, все Гамсахурдии и Ландсбергисы, «всё нами контролируется, мы отстраняем от власти КПСС, заменяя её послушными нам народными фронтами». Какой же был цинизм - «мы отстраняем от власти КПСС» (?), который даже не скрывался! Чекисты работали против своей партии, против советской власти и ещё гордились тем, что ими «всё контролируется». Вот насколько далеко тогда предательство зашло. Вот где был удар в спину!

«Бобка» я потом видел в переполненном зале на вечере Юрия Бондарева в ЦДЛ. Хлопал безумно Бондареву! Ходил и на другие вечера старых патриотов. Что это, раскаяние? Или привычка, меняя шкуру, следить для кого-то? Для того же Гусинского? Не знаю, чему верить! Во всяком случае - сомнительное донышко «Бобка» всегда проглядывало. У меня нет документальных оснований обвинить Бокова в предательстве. Но крах Советского Союза, во многом организованный американскими спецслужбами, жестокое «русское поражение в холодной войне», торжество прозападных «диссидентов» и сионистов, с которыми по самому служебному положению Бобков и именно его Пятое управление обязаны были бороться, свидетельствует, по крайней мере, о преступной халатности в исполнении своих прямых обязанностей. Бобков написал две книжки мемуаров.

Но обе книжки серые, тошнотворно пресные и жалкие в своей

скукоте. Ну, не умеешь сам писать - попроси литраба. Кто ближе? Выверни «журналюге» свою душу! Пойди на принародное покаяние, раз такая возможность предоставилась. Облегчи душу - не юли, а кайся, кайся, кайся. Но в обеих книжках Бобков вертится, как уж на сковородке. На краю могилы стоит, а духу покаяться не хватает.

А ведь исторические примеры есть: А.В. Герасимов, руководитель Петербургского охранного отделения, как на духу, в своей книжке «На лезвии с террористами» все рассказал. Да и директор Департамента полиции А.А. Лопухин не молчал, многое рассказал. Очисти совесть, Филипп Денисович, хоть ради сына Серёжи! Хотя боюсь, что очищать её тебе не в чем - увы, ты не был достаточно образован и эрудирован, чтобы сидеть на остром идеологическом участке. Тебе любые «бовины» и «арбатовы», «аксёновы-гинзбурги» и «рыбаковы-ароновы» могли играючи мозги запудрить. Андропов-Файнштейн не на того опёрся - слишком дрожал за своё место, боялся до последних своих дней (история с грязной провокацией против С.Н. Семанова этому подтверждение), что поставит он на руководящую ключевую должность умного, образованного, а тот - подсидит.

Но вернусь в Ясенево 1989 года - что я тогда говорил?

Я могу сейчас воспроизвести ход своих мыслей по памяти довольно точно, потому что то, что наговорил в Ясеневе, я потом - в том же 1989-м и позже - много-много раз, в разных вариациях и с разной степенью откровенности в зависимости от состава публики, повторял перед многотысячными аудиториями патриотов в Москве, Ленинграде, Алма-Ате, Ташкенте, Омске, Красноярске, Смоленске и других городах. Как правило, в огромных залах, вроде Колонного Зала Дома Союзов и Дворцов спорта. Я приезжал на встречи с читателями после успеха своего памфлета «О фарисействе и саддукействе», а тут ещё подоспел и мой недвусмысленный исторический роман «Плач по неразумным хазарам» (Столица, 1990, два тиража за год), по которому многие русские могли сравнить себя с «неразумными хазарами».

Я тогда много выступал с писательскими бригадами, в составе которых рядом со мной - это для меня была великая честь - были такие выдающиеся русские писатели-патриоты, как Виктор Астафьев, Василий Белов, Валентин Распутин, Михаил Алексеев, Станислав Куняев, Валентин Сорокин и другие русские духовные звёзды. И часто, как профессионала «контрпропаганды», по требованию публики меня выпускали самым первым - для, так сказать, общетеоретической идеологической затравки глубокого общего разговора. Нередко, встреченный неистовыми аплодисментами русской публики, вместе с нами выступал и наш главный теоретик академик Игорь Ростиславович Шафаревич. Мы все на разные голоса, но били в одну точку - об одном и том же страхе тогда говорили - о негативных результатах обострившегося русско-еврейского противостояния. О том, что это для страны все кончится падением советской власти и крушением Великой Державы. И ведь не ошиблись!

Вот смысл тогдашних моих принципиальных выступлений. Я начинал

обычно с дразнящего признания прямо в лоб:

- В большой политике так же действует математическая теория катастроф, как в любой другой природной системе. Организованная сложность социальных систем только внешне кажется непознаваемой. Из множества разнонаправленных, внешне хаотических человеческих «умонастроений» формируются «векторные стрелы», по которым и определяется как движение общества, так и его структурная устойчивость. Больше того, в этнических системах, как и в биологических, действует закон теории катастроф: «Есть критическая плотность популяции, ниже которой особи развиваются, как кузнечики, а выше - как саранча; вот почему, если саранча появляется, она появляется тучей». У нас сейчас появилась тучей саранча, и наше Отечество на грани катастрофы. Математически легко вычислить и векторную силу в среде разрушителей. У неё еврейское лицо. Я категорически не отождествляю это общее лицо с отдельными евреями. Мало ли кто с кем повязан. У того же «хромого беса» Яковлева физиономия вполне ярославская. Но - по преобладанию, по самым громким воплям лиц, составивших, нынешнюю саранчу, - она сильно еврейской, «жидовствующей» окраски. Увы, но это так. И тут не «антисемитизм», а просто есть, о чём задуматься. Или что-то мы «им» опять, как перед 1917 годом, в правах и льготах недодали? Или тут какой-то уже рок над Россией.

- Объяснюсь. Не надо нам, хотя бы в собственной патриотической среде, а в особенности, перед патриотами из компетентных органов - перед нашими самыми «своими», самыми посвящёнными, самыми доверенными людьми - лукавить?! Ну, случилось это. Ну, признаем теперь вслух то, что мы в закулисье уже четверть века как признаем тайно. У нас давно нет единства в КПСС. Партия большая, многомиллионная, а внутри неё уже четверть века довольно чёткое разделение на два лагеря. На «них» - бьющих себя в грудь, что они «демократы», и на их по наклейке «рыночную», а по составу преимущественно «иудейскую» партию. И на «нас» - упёртых государственников, «державников», если даже хотите откровенно, то «имперцев». На нас они наклеивают ярлык - «черносотенцы». Но по существу мы всего лишь «почвенники», не шовинисты, ни в коем случае не антисемиты, но разумные «националисты». А по составу среди нас преимущественно русские. Поэтому нас в закулисье именуют «Русской партией». И мы не на жизнь, а на смерть боремся против того трупного духа, который у нас сейчас все считают, что исходит он от той падали, которую у нас весьма условно называют «сионизмом».

Я в Ясеневе перед чекистами не голословно предупреждал, что, мол, если развал КПСС и Державы будет продолжаться, мы, почвенники, государственники, тоже не будем, понуря головы, как стадо при дурном пастухе, плестись к обрыву. Коли по вывеске «либеральная», «псевдодемократическая», а если называть вещи своими именами, грубо-попросту «иудейская партия внутри КПСС», не будет обуздана и не прекратит свою истеричную работу по развалу Великой Державы, мы, русские патриоты, припёртые к краю пропасти, вынуждены будем

действовать уже не в тени КПСС, не как её верное патриотическое крыло. А мы открыто и не под скомпрометированными псевдо-«демократами» красными флагами, а под имперскими «черносотенными» черно-злато-белыми гордыми знамёнами возрождённого «Союза Русского Народа» начнём создавать своё отдельное русское общественное движение.

Мы скорбели о том, что предстоит прямая кровопролитная война. Но куда было нам деваться?!

И вот тут мы допустили роковую ошибку. Не знаю и сейчас, был ли этот рок предопределён нашей идеей или просто нам с лидером не повезло? Не повезло, что лидер оказался соглашателем? Или все-таки сама идея была порочной? Грешен, я все-таки больше грешу на несчастье с лидером. Потому что любые структуры можно наполнить своим содержанием. Структуры - как посуда. А вот что в посуду влить?

Во всяком случае, мы все-таки попробовали оторвать от КПСС свой кусок. Мы вспомнили «ленинградское дело» и решили осуществить то, что русские подвижники при Сталине не сумели, и за что Сталин их расстрелял.

Мы начали бузить - требовать создания легальной КПРФ - Коммунистической партии Российской Федерации. Своей республиканской партии у нас, русских, никогда не было. У всех союзных республик свои компартии были, а у русских в РСФСР такой не было. Хитро было задумано иудеями, чтобы русским не было, где организоваться.

Ну, мы и начали требовать, чтобы Горбачёв разрешил создать КПРФ.

Вот весьма характерный текст знакового, подающего сигнал всем нашим силам выступления нашей русской ведущей фигуры, самого «собирателя» Валерия Николаевича Ганичева на оргконференции общества «Отечество» 24 марта 1989 года: «А происходит все потому, что российские политические лидеры оторваны от народа, от нашего российского народа, потому что политическая организация отсутствует в России, у нас нет Российской Коммунистической партии, которая бы имела свою платформу. Такая партия - единственная политическая сила. Известно, что с самого начала существовала Российская социал-демократическая партия, но потом национальное российское начало исчезло даже из названия партии: РСДРП стала называться ВКП(б), затем КПСС. В результате были отодвинуты те силы, которые могли бы влиять на состояние нашего народа и нашего Отечества в общей системе СССР. Я думаю, что мы должны направить в адрес КПСС, в адрес собирающегося съезда народных депутатов это неизменное наше и необходимое сейчас, как единственное наше спасение, требование о создании Российской коммунистической партии».

Сказано - сделано. Мы не только «направили в адрес ЦК КПСС» наш ультиматум. Мы незамедлительно организовали самочинный съезд «Русской партии в составе КПСС» в Ленинграде, и на нём избрали своё руководство. Я тоже на нём куда-то попал. Первым мы избрали ленинградца Тюлькина, а секретарём по идеологии «младогвардейца»

Вячеслава Горбачёва, однофамильца Миши и крепкого русского писателя-подвижника.

Миша смирился. Но подло уговорил нас на полумеру - на повторный, «законный» организационный съезд в Москве, где хитрыми интригами в руководители КПРФ, вместо сначала нами избранного крепкого, лобастого «матроса» Тюлькина, который головой готов был пробить стену, был нам, русским, подсунут в первые секретари аппаратчик ЦК, целиком «аппаратом» (то есть самой гнилью!) повязанный. Не способный на достойную свою игру. Горбачёву он, конечно, не мог стать конкурентом. Это Миша вычислил.

Но, по счастью, мы не только добились своей неудачной КПРФ (ах, лучше бы мы её не добивались!).

Мы все-таки подняли «черносотенные» черно-злато-белые флаги. Не прошло и месяца после моего выступления в Ясеневе с угрозой развернуться, как мы действительно «развернулись».

Подразделения в «Русских клубах» на базе ВООПИКа по всей стране, при областных театрах, в других «своих» организациях - прежде всего в «своих» творческих союзах, при «своих» журналах, в многочисленных национальных обществах «Память» и т.п., и т.д. - были нами, то есть «Русской партией внутри КПСС», заранее подготовлены. Практически наши люди только ждали сигнала к прямому действию. И уже в мае того же 1989 года мы в противовес «демократическим» (тогда ещё не государственным, а лишь частным, сугубо «ихним» флагам продажно-либерального «дерьмократического движения») массово подняли черно-злато-белые имперские «черносотенные» флаги «Союза Русского Народа».

Мы действовали ещё как бы из полуподполья. Запрещающая все другие партии, кроме КПСС, статья о советской Конституции будет отменена только 14 марта 1990 года. Но практически мы уже из подполья вышли. Русские националисты повсюду на местах организовались и за самыми неожиданными ширмами, вроде общества трезвенников, проводили «несанкционированные» съезды, выбирали руководителей. Очень важно было организовать координационную вертикаль. И тогда мы по русской соборной традиции создали «несанкционированную» тайную думу «Славянского собора», на которую собирались и соборно совещались лидеры наших черно-злато-белых организаций.

Мы включились в выборы, понимая, что «ихняя власть» патриотов все равно «зарежет», посчитает голоса, «как им надо». Но зато это давало возможность нашим зарегистрированным кандидатам в депутаты «законно» пропагандировать русские взгляды. Тут лучше всех проявило себя Московское городское отделение ВООПИК, которое по инициативе Олега Платонова придумало для «Русского клуба» простую ширму - Клуб избирателей. Энергией Олега Платонова «Русский клуб» выдвинул осенью 1989 года в местные советы и Верховный Совет РСФСР наших людей, таких бойцов, как Ю. Бондарев, В. Клыков, Г. Литвинова, В. Брюсова, С. Куняев, А. Казинцев, В. Калугин и иных.

В том же Московском отделении ВООПИКа родилась прекрасная пропагандистская идея восстановить храм Христа Спасителя. В руководство созданного при поддержке «Литературной России» фонда восстановления храма Христа Спасителя вошли В. Солоухин, Г. Свиридов, И. Шафаревич, В. Клыков, С. Рыбас, В. Карпец и другие известные русские националисты, а учредителями фонда стало тридцать русских черно-злато-белых организаций. Мы восстанавливали храм Христа Спасителя, а мечтали о восстановлении Святой Руси - Третьего Рима.

Как ни парадоксально, но сложности возникли у нас как раз сразу после отмены позорной шестой статьи Конституции. Тут вот, как чертополох, взыграли амбиции - силы наши начали дробиться: все захотели участвовать именно «своей партией» в выборах, и лидеры каждой из наших бесчисленных группировок, тянули одеяло на себя. Националисты, целиком «наши» М. Астафьев и В. Аксючиц зарегистрировали соответственно партию кадетов и партию христианских демократов, а А. Баркашов и В. Корчагин тщетно пытались зарегистрировать Русское национальное единство и «Русскую партию». «Лжедемократы» под фиговым листком дуриком проскочили, но открыто русским в регистрации отказали. С. Бабурин зарегистрировал «Российский общенародный союз». Казалось бы, теперь надо объединять силы националистов. Но действительно крупной фигуры, вокруг которой все бы, как вокруг Столыпина, хоть на время бы сплотились, увы, не родилось. Или, каюсь, мы не сумели её организовать - без меры пытались и до сих пор пытаемся безмерно «надуть» Валентина Распутина, но, выдающийся писатель, он никогда не был ни оратором, ни организатором. На митингах мямлил. Став нашими усилиями членом Президентского совета, русские возможности свои не использовал.

Прекрасно писал за Россию. Но не дано ему от Господа вести за собою массы. Не лидер по характеру. Как этого не просчитали наши подпольные вожди Ганичев, Прокушев, Семанов, диву даюсь.

Без явного лидера черно-злато-белые знамёна все же поднялись на инстинкте масс к национальному самосохранению. Но в отсутствие лидера каждая сошка мнила себя кумиром. Страшно мешали краснобаи вроде Михаила Антонова или Станислава Золотцева, которые вроде бы и за Россию кричали, но вязким студенистым набором слов, крикливо громких, пустыми призывами, шарахаясь из стороны в сторону и мешаясь под ногами.

В итоге мы провалили даже банальную попытку легализовать «Славянский собор» на съезде в январе 1991 года в Ленинграде. Подпольные лидеры наши в Ленинград не поехали, считая дело сугубо формальным. И, честно говоря, не хотели первыми «засвечиваться». Но потом я проклинал себя за то, что не поехал. Без «координаторов» все там, начиная с амбиций Александра Баркашова, на пустом месте сумели перессориться и разбежались. Первый блин комом. Пришлось через три месяца съезд собирать заново. На этот раз кропотливой предварительной работой с людьми подготовили такое единодушие, как на брежневских

съездах КПСС.

В Москве в Измайлове в клубе «Чайка», зорко охраняемом самоотверженными «баркашовцами», - одетыми, как русские монахи-смертники Пересвет и Ослябя на Куликовом поле, все в чёрной коже с головы до ног, - в мае 1989-го под громадным, во всю сцену черно-златобелым знаменем состоялся организационный съезд «Славянского собора» - преемника «Союза Русского Народа». Мы понимали, что название «Союз Русского Народа» нам власти никогда не зарегистрируют.

Но мы возродили его пафос и всю атрибутику. На съезде в едином порыве, при отчаянном жертвенном, полном надежд патриотическом энтузиазме всех делегатов, была избрана дума «Славянского собора» - руководящий орган национального общественного движения. Вместе с молодым энергичным Станиславом Карповым, председателем московской «Памяти» (мы соединили движение «Русских клубов» и «Памяти»!), я был избран сопредседателем «Славянского собора». Движение быстро разрасталось - после ГКЧП уже в январе следующего года выделило из себя «Русский национальный собор» (аббревиатура РНС) во главе с генералом Стерлиговым и провело знаковый съезд в Колонном зале Дома союзов.

Случилось чудо. Как в 1905 году, вдруг встал и поднялся русский колосс. На манифестациях зазолотились черно-злато-белые флаги. На груди у людей появились значки в форме черно-злато-белых флажков. Как в 1905-м, стало хорошим тоном для русских людей, даже шиком вызывающе носить на лацкане черно-злато-белый флажок. Приходишь в общество и сразу видишь своих, не стесняющихся русского национализма. Не только члены «Славянского собора», но все убеждённо русские считали своим гражданским долгом носить черно-злато-белый эмалевый флажок.

Появились, открыто полетели и царские двуглавые орлы, заскакал на значках Георгий Победоносец. Несомненно, это было демонстративное проявление всплеска национального самосознания. Мне каждый день звонили со всей России:

- Мы открыли местное отделение. Не хватает атрибутики - высылаем курьера за значками и книгами. Давайте русскую националистическую литературу - Нилуса, Шмакова, «семановский манифест» о русских ценностях, обязательно Маркова и Шафаревича. Возьмём все.

Мы запустили в типографиях обширные заказы. Брошюры печатали полуподпольно. Торговые точки с русской националистической литературой непременно появлялись на каждом патриотическом мероприятии, на каждом собрании и манифестации. Очень много литературы, которую мы тут же массово размножили, привезли счастливо налетевшие гости - русские белые эмигранты из Бельгии, Франции, США, Аргентины. Мы обнимались, целовались:

- Русские проснулись!

Вот что писалось много позже в некоем «демократическом»

справочнике-доносе на «экстремистов» на пике нашей активности: «Это массовое движение «черносотенцев», опекаемое теневой «Русской партией внутри КПСС», официально зарегистрировано в качестве международной организации и имеет вызывающую, явно с намёком знаковую аббревиатуру «СС». «Славянский собор» объединяет под черно-злато-белыми флагами 187 националистических движений и группировок из большинства крупных городов России, а также из Белоруссии, Украины, Казахстана, Молдавии, стран Прибалтики и ряда славянских стран (Югославии, Польши, Болгарии, Чехии, Словакии, Словении и др.). Кроме того, включает в себя казаческие и экстремистско-церковные православные и дворянско-монархические объединения. В Колонном Зале Дома Союзов, где проходил съезд РНС, сочли для себя возможным открыто присутствовать многие видные политические деятели, писатели и артисты. Головные организации «Собора» - упомянутый «Русский национальный собор» генерала КГБ Стерлигова (того самого, что при подавлении августовского путча 1991 г. лично арестовал председателя КГБ Крючкова), «Русское национальное единство» ефрейтора Баркашова (которому мятежный Верховный Совет присвоил звание полковника) и «Пересвет» (санкт-петербургского милицейского офицера Беляева). Каналы «Собора» использовались для заброски хорошо подготовленных «добровольцев» в Югославию, Приднестровье, Чечню, Абхазию и др. горячие точки. Поэтому «Собор» имеет своих людей во всех военных организациях, включая Генштаб, спецназы и «Альфу». В октябре 1993-го проверенные в боях отборные «добровольцы» были стянуты «Собором» к Белому Дому. Не случайно, что сопредседатель «Славянского собора», он же - первый заместитель председателя контрольно-ревизионной коллегии оппозиционного, прославившего открытыми баррикадами Союза писателей РСФСР с Комсомольского, 13 - небезызвестный «черносотенец» Александр Байгушев. Он являлся во «Фронте национального спасения» заместителем председателя его военного комитета, генерала Макашова - по «внешним объектам».

Так оно в действительности и было. Но рядом со «Славянским собором» плечом к плечу, совместно с нами действовали - «Единство» Ю. Прокушева (рабочий секретарь И. Ляпин, он вошёл в думу «Славянского собора»), аккумулировавшее в себя в чистом виде «Русскую партию внутри КПСС». И - всероссийское общественно-политическое движение «Союз «Христианское Возрождение» В. Осипова, официально зарегистрированное 17 декабря 1988 года. Многое в стране пошло бы по другому сценарию, если бы это движение власти допустили участвовать в выборах. Но Патриарх Алексий Второй (Ридигер; потомок военного министра царского правительства А.Ф. Редигера?) не решился или не смог на этом настоять. Практически Церковь вышла из политики в момент, когда люди повернулись к ней всем сердцем и ждали её голоса, как Сергия Радонежского. Я не знаю всех тонкостей того закулисного торга горбачево-ельцинского окружения с Церковью (что ей «они» наобещали за самоустранение Церкви от политики?), и не мне судить о границах тогда возможного. Однако Церковь уж точно бы не проиграла выборы. Люди так ей верили - а Сергия Радонежского мы от неё не дождались. Что

- Церковь побоялась оказаться в опале, как после 1917-го? Перенадеялась на тихое врастание в госструктуры? Удовлетворилась подачками на устроение и восстановление храмов с «барского плеча» «ихних» олигархов?

А ведь какие были упущены возможности для всенародного православного спасения нации и державы!

Я назвал три наши совместные крупные силы. А были ещё «Союз духовного возрождения» философичного М. Антонова, «Русская партия» яростного «антисемита» В. Корчагина, «Русская партия национального возрождения» более умеренного В. Иванова, «Национально-республиканская партия» энергичного «черносотенца» Н. Лысенко. И они тоже не бездействовали.

Но самое важное - были ещё и сильные местные «Отечества» по типу земских собраний, зарегистрированные по многим городам. «Славянский собор» был мощным глубоко эшелонированным центром, монархический «Союз «Христианское Возрождение» боевым правым флангом русского движения, «Единство» - его левым флангом, довольно тесно смыкавшимся с КПРФ. А «Отечество» - с его официально обтёршимся, крепким «земским» тылом, надёжной базой общего национального фронта.

Суть в том, что уже в перестроечное время многие «Русские клубы» без излишнего шума превратились именно в официально зарегистрированные во многих городах общества «Отечество». Московское «Отечество» было особенно популярным. На официальном учредительном собрании, проходившем в клубе «Правда» 24 марта 1989 года, я от лица оргкомитета предложил проголосовать в председатели проверенного «молодогвардейца», профессора Аполлона Григорьевича Кузьмина, ему в первые замы - прославленного лётчика-афганца Героя Советского Союза А.В. Руцкого (тогда мы, увы, доверяли ему!). В заместители к Аполлону Кузьмину, так сказать, в рабочие лошадки, я рекомендовал своего давнего друга по «Голосу Родины», «кадровика» полковника-чекиста Кошуту. Умный, дотошный, всюду вхожий Владимир Алексеевич Кошута быстро официально зарегистрировал «Отечество» (устав наш был утверждён решением исполнительного комитета Московского городского совета народных депутатов уже 13 апреля 1989 г.), и мы активно участвовали в городских выборах, вели самую широкую русскую пропагандистскую работу и получили много депутатских мест. Так было и в других городах.

Мы прошли бы удачно и на общегосударственных выборах.

Но тут мы совершаем грубейшую тактическую ошибку. Мы неправильно оцениваем расклад политических сил в стране. Мы строили «фронт» на опыте действий «Союза Русского Народа» в 1905 году. Тогда тоже патриотические политические общества и «движения» выросли, как грибы, и это было не столько слабостью, сколько дало возможность широкого манёвра. У нас были определённые средства, аккумулированные на скрытых счетах «Единства» и «Русского

национального собора». Их мы готовили, чтобы пойти на выборы. Скажу с горечью сразу, что и в «Единстве» и в «Русском национальном соборе» дальше красочной полиграфической продукции и не менее красочных съездов шагов сделано не было. Мы с Юрием Львовичем Прокушевым вроде бы хорошо понимали друг друга, соотнесенно всегда все действия поддерживали. Со Стерлиговым от «Славянского собора» по распределению обязанностей взаимодействовал Станислав Карпов - я лично не мог никогда простить Стерлигову ареста Крючкова и «раскаявшемуся демократу» не очень доверял.

Но что-то мы, русские, тогда не додумали. Где-то у нас произошёл сбой. Сейчас мне кажется, что Юрий Львович, привыкший действовать в рамках «Русской партии внутри КПСС», не раскусил Зюганова, выводил на первый план его. Все-таки Прокушев немножко недооценивал силу черно-злато-белых флагов, по инерции больше ставил на «опомнившиеся», проверенные красные знамёна. Мы много спорили тогда.

Мы сравнивали: наши русские движения и партии в целом намного мощнее так называемых «демократических» группировок, крикливых, но крайне худосочных, преимущественно еврейских и интеллигентских. У нас же мощная поддержка во всех низах - в армии, КГБ, в низах партии. У нас, правда, много, много хуже с прессой. Мы практически без своих газет. Без телевидения. Но к этому времени мы уже свалили Коротича в «Огоньке», а наши журналы «Молодая гвардия», «Москва» и «Наш современник» имеют большое число подписчиков - миллионные тиражи. Мы запустили великую массу многотиражной патриотической печати, целый сонм - оперативный, действенный, без предрассудков, рубивший правду-матку в глаза. И в наши руки с приходом Кравченко перешла верхушка (высшее начальство) телевидения. Тут тоже были какие-то надежды.

На нашу сторону встала и ГБ. Мы-таки добились - 29 января 1991 года президент Горбачёв вызвал к себе председателя КГБ В.А. Крючкова вместе с его замом Бобковым и после сорокаминутного «выяснения отношений» подписал указ об освобождении нашего заклятого врага, человека Гусинского - «Бобка» от должности. В.А. Крючков, мы были уверены, не продаст, будет с нами.

В этих благоприятных обстоятельствах нам бы пойти своим путём - создать патриотический блок без КПРФ. Целиком и полностью сделать ставку на свежие, не «обрыдлые» населению черно-злато-белые флаги «Союза Русского Народа». Надо было играть ва-банк. Мы ведь шли на русский переворот. Но мы, бывшие активисты «Русской партии внутри КПСС», были в плену старых стереотипов. Прокушеву казалось, что через КПРФ все будет легче провернуть, надёжнее - «без явного вызова властям». Не забудем, власть тогда, хотя и продалась Западу, формально оставалась под красными знамёнами.

Не знаю, простит ли нам когда наш тяжёлый грех молодое поколение, но, привыкнув к тридцатилетнему стереотипу своего сосуществования в роли теневого, русского крыла внутри КПСС, мы, оказавшись перед новой

реальностью, испугались самостоятельного политического плавания.

Мы посчитали: верхушка КПСС с нами, верхушка КГБ с нами, верхушка армии с нами. Ну, а уж армейские и гебешные низы и низовой партаппарат совершено точно с нами. И вот мы выносим за скобки фигуру «президента» России - главу Верховного Совета РСФСР Бориса Ельцина (чего ни в коем случае нельзя было делать, учитывая неуравновешенную энергичность этого властолюбца!); мысленно разменяваем его в нашей политической игре на главу компартии РСФСР и начинаем готовить государственный переворот - устранение Горбачёва по апробированной нами в 60-х гг. схеме устранения Хрущёва. Ужасно, но мы продолжаем действовать сугубо в рамках «Русской партии внутри КПСС».

Мы решаемся на ГКЧП - Государственный комитет по чрезвычайному положению, созданный на основе Совета Безопасности при президенте. Целиком из ведущих деятелей КПСС.

О чём мы в этот момент думали? О реставрации брежневских времён? Увы, об этом! Это бред какой-то. Иметь свои легализованные русские организации. Иметь возможность самостоятельно участвовать в выборах. И - вернуться под дырявую крышу КПСС. Но мы привыкли так жить. Нам было удобно так жить. Среди нас оставалось значительное ядро именно «национал-большевиков». И грешен, я считал, что Крючков, Язов, Янаев, Павлов - это прежде всего свои русские люди. Вот евреев скинем, восстановим брежневский порядок, а тогда. Тогда, может быть, для себя (в смысле для русской стороны) и побольше выторгуем.

За несколько дней до знаменитого августа, в главном опорном пункте русского национального движения - у Юрия Бондарева, в здании на Комсомольском проспекте, 13, в актовом зале Союза писателей РСФСР собрался небольшой круг особо доверенных людей во главе с министром обороны Язовым и реальным лидером КПРФ Полозковым. Обсуждали текущий политический вопрос. От «Славянского собора» и правых националистов был я. В довольно пространном выступлении я предложил для большей надёжности, чтобы уж наверняка опереться на все русское население, а не только на коммунистов, несколько скорректировать контрпропагандистское обеспечение переворота. А для этого выкинуть из лексикона всех намечаемых обращений к народу и оставить «за кадром» Маркса и Ленина. И по-столыпински обращаться только к уязвлённому самосознанию русских людей, обескураженных и возмущённых начавшимся разрушением Великой Державы. Великий русский патриот Пётр Аркадьевич Столыпин зримо или незримо, но должен быть с его вдохновенной, обжигающей души риторикой на знамени. Тогда, мол, принятые экстренные меры одобрят все. Одобрят ГКЧП против Горбачёва даже те беспартийные, кто недолюбливают партию за её вызывающе привилегированное положение, за навязанную «однопартийность» - а ведь таких едва ли сейчас не большинство. Я говорил: беснующиеся иудеи - «малый народ», а нам надо обращаться к «большому народу».

Язов держался немного растерянно. Меня он хорошо знал по памятной статье «О фарисействе и саддукействе», которую именно он

своим ультиматумом пробил через Горбачёва. Мне он сразу, ещё при всех, ответил: «Что-то делать надо, понимаю это. Спасать страну надо, но вы меня лично не толкайте - в Пиночеты не пойду». Тем не менее все в него верили, все были полны решимости пойти именно за ним до конца.

Однако часть собравшихся была крайне шокирована моим выступлением:

- Так что же, ты социалистические идеалы выносишь за скобки? Говорил бы уж прямо, что хочешь реставрации народной монархии во главе с русским генералом? Все вы, русские националисты, о возврате старых порядков только и мечтаете. На Пиночете-Колчаке помешались!

Меня поддержал Прокушев, объяснив, почему я правильно оцениваю политическую обстановку и почему мне, учитывая мою специфическую биографию, таки можно доверять. Но вопрос завис в воздухе. Таскать каштаны для интенсивно красного ГКЧП - я инстинктивно чувствовал, мы, русские националисты, не будем. Пришло время русскому народу установить свою власть. Брежневская политика двух крыльев закончилась. «Иудейская партия внутри КПСС» превратилась из союзника в худо-бедном балансе в открытого врага. Я спорил:

- А вы что? Хотите и «их» вернуть?

В коридоре я ещё долго обсуждал варианты с Иваном Кузьмичем Полозковым, тогда реальным лидером партии. Он никак не хотел меня правильно понять: ну как это вынести за скобки Ленина?

Скажу честно - в ГКЧП русские националисты заняли выжидательную позицию. Текст обращения ГКЧП писали, насколько я понял, Александр Проханов и Эдуард Володин с их мелодекламацией и декадентскими стонами о закате Империи. Но и их консервативно романтический текст заправили, заглушили, задубили, превратили в бюрократическую социалистическую нудятину. С этого и начался провал ГКЧП - не сумели заговорить с народом на его языке. Хотя первоначально народ встретил ГКЧП одобрительно, с общим единодушным вздохом:

- Наконец-то!

Мы, русские националисты, вроде бы душой ГКЧП и поддерживали. Но на баррикады идти за Крючковым, - а он вышел в первые фигуры в ГКЧП, - не хотели. А все шло именно к баррикадам.

ГКЧПисты с их прохановским консервативно-романтическим мышлением не просчитали, что Ельцин, воспользовавшись политическим кризисом в стране, может сам начать играть ва-банк. Они близоруко, как-то попросту не приняли Ельцина в свой расчёт. Ну, мол, местная, всего-то лишь республиканская власть. Вообще-то он должен быть рад, что скидывают его личного врага Горбачёва с особо ненавистной ему Раисой. В ГКЧП ошибочно высчитали, что «Борька займёт позицию стороннего наблюдателя». Ну а если дёрнется, то в крайнем случае изолируем. У нас есть «Альфа». Но «Альфа» на тот момент была не у ГКЧПистов, а у нас, русских националистов. КГБисты и армия пошли бы за русскими

лозунгами. Все люди в стране жили ожиданием от ГКЧП русской, национально ориентированной программы. А разочарованно услышали восклицательный барабан и - пустоту, как внутри барабана!

А тут ещё в чисто военной тактике ГКЧПисты заранее обрекли себя. Боялись прослыть врагами «демократии». С изоляцией «Бориса», даже когда ясно стало, что он «дёргается», выходит на американское посольство, затянули до последнего и по нераспорядительности (и нерешительности! и отсутствию чёткого политического кредо!) дали Ельцину время приехать с дачи, где должны были его блокировать, в Белый Дом, получить «международную поддержку» в находящемся рядом посольстве США, сориентироваться по ветру и сыграть свою игру.

Почему ГКЧП так бездарно провалился - это особый разговор. Упирается он в личные качества главарей ГКЧП, прежде всего, в то, что не нашлось среди них человека, который решился бы взять власть и всю ответственность на себя. Больше пили, чем действовали.

Но и мы, русские националисты, наделали ошибок.

Мы, «Славянский собор», когда Ельцин «забузил», сразу бросили к Белому Дому своих людей - достаточно, чтобы и без «Альфы» взять здание и арестовать Ельцина. У нас были афганцы, у нас были ветераны «Альфы», которые ликвидировали Амина в Кабуле, взяв его до зубов вооружённый дворец. А тут им вообще было раз плюнуть. Однако мы, русские националисты, обиженно чувствовали себя вне игры. Мы абсолютно не уверены были в русских позициях ГКЧП. Скорее это был бы только какой-то аморфный, совершенно расплывчатый возврат в красный экономический хаос и в идеологический студень.

И грешен: именно я на исполкоме «Славянского собора» остановил рвавшегося «расчистить баррикады» Баркашова. Мы собрались параллельно с ГКЧП на Малой Лубянке, рядом с информцентром ГБ, - в редакции православного закрытого исихастского журнала «Пробуждение», главным редактором которого я стал. И мы имели всю информацию даже раньше, чем ГКЧП. Ну, и засекли ГКЧПистов, когда те «зафинтили». Станислав Карпов и Александр Баркашов рвались в смертный бой. Но мы большинством все-таки уговорили их подождать, посмотреть, куда пойдёт, не рисковать людьми. Аргументация моя была: «Нас потом сдадут. Идёт информация, что что-то уже не чисто. В ГКЧП начался разброд. Хотят с Горбачёвым договориться. А нас, русских националистов, ох как будет удобно потом «сдать» и на «черносотенцев» все свалить. Мы уже такие штуки от коммунистов видели. Людей от Белого Дома уводить не будем. Но чуть-чуть подождём!»

Последующие события показали, что информацию мы получили достоверную. В ГКЧП не оказалось лидера. Язов не захотел, а Крючков не сумел взять всю ответственность на себя. Ничего не решали - всё пили. Разброд и нерешительность в ГКЧП привели к тому, что реальная власть в стране как-то само собой перетекла к Ельцину, которого активно поддержал Запад. А ГКЧП вернул Горбачёва и стал с ним договариваться.

Мы, видимо, правильно сделали, что просто по-русски «грозно промолчали».

Вот что написала по следам событий «Народная газета Московского региона» (бывшее «Ленинское знамя») от 5 сентября 1991 г. В статье на первой полосе «Не должно медведю зайцу жаловаться, или Что показала конференция «Славянского собора»: «Три дня, сразу вслед за Конгрессом соотечественников должна была длиться в Доме культуры «Чайка» конференция «Славянского собора». Но, увы. Виной тому - последние августовские события. Мало уже верилось в то, что на конференцию вместе с большой группой писателей России прибудет сам президент РСФСР. Более того, мирной ход конференции был взорван сообщением с Комсомольского проспекта, 13, что власти хотят опечатать Дом Союза писателей России. Попытка группы писателей во главе с Е. Евтушенко и Ю. Черниченко захватить дом была расценена однозначно: тот путч, который произошёл 19-21 августа, откликается малыми путчами, и, конечно, этого нельзя допустить. Эмоции волнами выплёскивались в зал. Только благодаря усилиям президиума, в частности, А. Баркашова, объяснившего позицию «Славянского собора» во время попытки переворота 19 августа (в отличие от лидера РМФ Скурлатова, призвавшего бросить патриотов на разбор баррикад, «Славянский собор» не допустил кровопролития!), удалось погасить страсти».

На Комсомольский, 13 оперативно были отправлены наши воины-афганцы и молодые крепкие проверенные парни-дружинники в знаковых чёрных рубашках во главе со Станиславом Карповым. Он дневал и ночевал на Комсомольском, 13. Прекрасно повёл себя Юрий Бондарев. Вспомнил фронт. Дом Союза писателей России - свой главный русский опорный пункт, выдержав месячную (!) баррикадную оборону, мы отстояли.

Ну, а Горбачёв тем временем сдастся Ельцину на милость победителя, и Ельцин подпишет трагические Беловежские соглашения по развалу СССР.

Вынужден признать, что мы, русские патриоты, немало способствовали этому развалу. Повторюсь: именно советник президента Горбачёва, выдающийся русский писатель и признанный авторитет у всех националистов Валентин Распутин первым озвучил овладевшую нами идею, что пора России освободиться от присосков и пуститься в самостоятельное плавание. Вот и «освободились» от Великой Державы!

Произошла трагическая ошибка. Мы-то считали, что останемся вместе с Украиной, Белоруссией и наполовину русским Казахстаном. Так и были приняты первоначально Беловежские решения. Но если сильный «Славянский собор» в Белоруссии контролировал ситуацию и нашёл общий язык с Лукашенко, то на Украине мы грубо недоработали, не просчитали «самостийников», и Украина уже 1 декабря 1991 года при нашем преступном попустительстве (мы не сагитировали русское большинство на Украине!) провела референдум. Отделилась и пошла отдельным, своим «самостийным» путём.

Тактические ошибки «Славянского собора» на Украине - особая тема. Не мы одни виноваты, но и мы тоже. На Украине, конечно, была гораздо, гораздо сложнее ситуация, чем в Белоруссии. Но и мы, скажу прямо, не сыграли свою игру, хотя силы у нас были. Я лично тяжко виноват. Дума «Славянского собора» выезжала на выездное заседание в Киев, а я замотался в организационной текучке с моей головной болью полуподпольным исихастским журналом «Пробуждение», главным редактором которого был, - не поехал в Киев. Мало что сам не поехал, так ещё и не принял мер, чтобы послать на Украину самую серьёзную и умелую делегацию, из самых уважаемых в стране и на Украине людей. Не поехал из-за своей занятости в газете «День» Владимир Бондаренко, не поехал Пётр Проскурин, потому у него был съезд Всероссийского фонда культуры. Станислав Карпов по молодости, оставшись один, не нашёл нужных политических шагов и убедительных слов. А Александр Баркашов с его крайностями и вовсе всех там перепугал.

Почему так с Украиной все получилось? Конечно, тут далеко не мы одни виноваты. Тут бомба была заложена ещё при Хрущёве с его бездарными заигрываниями с самостийниками и подарками им в виде Крыма. А взорвалась она при первой же крупной политической встряске.

3. «Всенародноизбранный» в руках иудеев-«дерьмократов»

А в России? Мы ещё больше погрязали в искусственных ходах.

В суверенной России Ельцин, оставив председателем в Верховном Совете вместо себя своего заместителя чеченца Хасбулатова, решил баллотироваться в президенты России.

Руцкой не без нашего содействия согласился баллотироваться в вице-президенты в паре с Ельциным. И, чтобы уж быть абсолютно честным, скажу, что мы надеялись во главе с Руцким образовать русское крыло вокруг Ельцина по схеме «Русской партии внутри КПСС». Ельцин на это был согласен. Он страшно боялся проиграть, ему позарез нужны были голоса патриотов, и он делал вид, что готов продолжить брежневскую проверенную политику двух крыльев у власти - иудейского, «прогрессивного», «демократического», прозападного и русского, консервативно-охранительного. И надо сказать, что Руцкой первое время вполне добросовестно, как мог, защищал патриотическую линию.

Теперь о самом Ельцине. На конференцию «Славянского собора» он к нам сразу после ГКЧП, хотя он обещал-обещал, так и не доехал. Но мы его в тот раз поняли - ему было надо удерживать власть.

Теперь опять личное воспоминание. У патриотов поначалу с ним складывались самые хорошие отношения. Я лично ему был весьма благодарен. В останкинском «Тель-Авиве», как я и просчитал, меня из партии выкинули 3 октября 1985 года с формулировкой «За грубое нарушение требований Устава КПСС, выразившееся в длительной и систематической неуплате членских взносов» (я передал взносы из

больницы, а их не засчитали, ведомость сфальсифицировали, «переписали»). Но пришедший на Москву Ельцин тут же останкинский «Тель-Авив» поправил, МГК меня в партии восстановил. Поначалу Ельцин производил на меня очень деловое впечатление. Он хорошо слушал. С жаром кинулся на зачистку московского ожиревшего партаппарата. Патриотами не брезговал, искал у нас поддержки.

Ну и мы ему платили той же монетой.

Второй раз мы встретились с ним уже в кулуарах вчетвером: Ельцин с Коржаковым, Шахмагонов и я. Было это сразу после того, как Горбачёв с Раечкой таки выкинули Ельцина с поста Первого Москвы и из Политбюро - вообще со всех партийных постов. И вот «Русская партия внутри КПСС», не евреи, а мы тогда первыми протянули Ельцину руку - 7 марта 1988 года организовала первый выход опального Бориса на люди Лилия Ивановна Беляева, популярная писательница и широко известная правозащитница, внешне импозантная русская красавица. Она пригласила Ельцина на выступление в свой тогда гремевший клуб «Судьба человека» в Большом зале Центрального Дома литераторов. Вот за кулисой, пока в ЦДЛ мчалось оповещённое нами зарубежное телевидение, перед началом действа мы и предложили Борису Николаевичу активную русскую помощь. Он её принял. Он и потом, когда мы ему Руцкого в вице-президенты сосватали, сразу охотно откликнулся. Но и тут мы не доработали.

Ельцина иудеи у нас перехватили. У них не было ни одной популярной в народе фигуры, которая бы победила на выборах. Шустряков много, а фигуры ни одной. Кто бы стал голосовать за «хромого беса»?! Им оказалось не на кого наверняка поставить. И хотя изначально «Борис» был совершенно не «их», иудеи поработали с его семьёй, пустили слух, что Наина - еврейка, и начали раскручивать «Бориса» как уже свою фигуру.

Ельцин первоначально, как Брежнев, пытался сидеть на двух стульях - обещал восстановить брежневскую политику «двуглавого орла». В результате на выборах в Москве Ельцин победил с оглушительным результатом - под 90 %. Горбачёв так всех достал, что голосование было «протестным». Ельцин очень высоко воспарил сначала на двух крыльях. «Русскую партию» внутри ельцинского двукрылого блока представляли Руцкой и «верный пёс» Коржаков, а «Иудейскую» - сначала Чубайс и «стратег» Волошин.

Ельцин пытался опираться и на русские силы. Одно назначение неукротимого «жидоеда», директора патриотического издательства «Советская Россия» Бориса Миронова председателем комитета по делам издательств и полиграфии чего стоит! Но на Миронова тут же обрушилось все еврейское телевизионное и печатное «лобби», и, как и перед этим Горбачёв, Ельцин перед «четвёртой властью» - СМИ жалко капитулировал. Ельцин сдал «им» Миронова, и не одного Миронова. А вместе с Мироновым окончательно сдал еврейству и себя самого.

Он понял, что, как «кукла Горби», стал игрушкой опытных

кукловодов. И у него, всегда прежде очень самостоятельного, перевшего, как танк, отказали нервы, он стал попивать больше, чем надо, и терять самоконтроль. Чубайс умело опирался на ельцинских дочек. Волошин продолжил эту стратегию и переиграл нас. Динамичные, не брезгующие никакими грязными ходами иудеи съели доверчивых русских ставленников вокруг Ельцина - Руцкого и Коржакова. Ельцин выгнал на улицу своего верного пса Коржакова, единственного, кто оставался с ним, когда его выкинули с партийных постов Горбачёв и Раечка.

С доверчивым и верным Коржаковым вообще получился весьма характерный несчастный случай. Тот поверил, что Борис Николаевич думает о государственных интересах, не хочет, чтобы Россию разграбили до донышка, и неосторожно осмелился проявить государственную инициативу - благородно схватить за руку с поличным обнаглевшую в коррупции финансовую группу «МОСТ» президента Российского Еврейского конгресса и главного олигарха СМИ Гусинского. Люди Коржакова лихо уложили бывших гебешников «Бобка» на мостовую.

Но евреи в упор поставили перед «царём Борисом» ультиматум - «или-или», и сам верный Коржаков за «антисемитскую» инициативу вылетел пробкой из окружения Ельцина. Не суйся в денежный мир! Так тоже бывает. Самых верных псов порой и пристреливают. Коржаков позже написал мемуары. Их стоит почитать. Много станет понятнее.

Ну, а эпопею с огромными «антикоррупционными» (с досье на бессовестно разграбивших народное достояние олигархов!) чемоданами Руцкого, которые он притащил на трибуну в Верховный Совет, все, как захватывающий сериал, видели по телевидению. «Царь Борис» сам назначил своего вице-президента в государственную чрезвычайную комиссию по борьбе с коррупцией. Но не понял наивный Руцкой, что он должен бороться громко-показно с мелкими сошками, а разграбивших народное достояние еврейских олигархов, напротив, как зеницу ока беречь, ибо они, собранные в Давосе Чубайсом, согласились скинуться и профинансировать избирательную кампанию Ельцина. Нет, наивный Руцкой такой «мелочи» не учёл - и тут же вылетел пробкой из вице-президентов.

А вместе с Коржаковым и Руцким пробкой вылетел из окружения Ельцина и весь патриотический лагерь - «царь Борис» решил продолжать свой полёт во власть на одном «дерьмократическом» крыле. Как в популярной еврейской песне: «Хвост горит, бак пробит, но машина летит на честном слове и на одном крыле!»

4. «Фронт национального спасения» и двурушничество Зюганова

В книге «Крах интеллигенции», опубликованной сразу по следам событий иудейской Второй октябрьской революции октября 1993 года, Владимир Григорьевич Бондаренко одним из первых публично осознал предательскую роль своего друга Зюганова: «Может быть, своим

активным участием в работе ФНС - «Фронта национального спасения» Геннадий Зюганов помешал формированию нашего единого патриотического блока? Не будь в руководстве «Фронта» коммунистов, очевидно, не было бы двух его расколов, очевидно, сформировалось бы более монолитное ядро».

Добавлю к Бондаренко от себя: но Зюганов таки втёрся и всячески разваливал работу, устраивал «идеологические перетягивания каната» не ко времени и не к месту. Кто он был тогда? Да никто. Формально он возглавил КПРФ. Но сам в депутаты не прошёл. Половина политсовета ФНС - проверенные наши депутаты. А у него пшик, ни одного своего депутата. Депутаты-коммунисты тоже сторонились его, они все ещё считали себя негласно в КПСС а не рангом вроде бы как ниже, в филиале - в КПРФ. Но каждый раз он слёзно упрашивал, чтобы ему заказали пропуск в Дом Советов на политсоветы ФНС. Приходил и мутил воду. Юлил, врал, склочничал. И скажу как член политсовета ФНС от правых сил: «Гена Чичиков, - так мы за глаза тебя звали, - ты с твоими «мёртвыми душами» нас, русских, предал!»

Подобно знаменитым предателям Каменеву с Зиновьевым, побежавшим в буржуазные газеты и из внутрипартийного несогласия выдавшим сроки подготовленного ленинского Октябрьского вооружённого восстания, Геннадий Андреевич Зюганов накануне кровавого 3 октября 1993 года побежал на телевидение - призывать коммунистов назавтра поостеречься, не выходить на демонстрацию, грозящую перейти в кровавое побоище. Из-за предательства Зюганова сорвалась блестяще задуманная Станиславом Тереховым операция по захвату помещения запасного штаба Главного командования армией. Там уже бдили и Терехова ждали.

Во как! Было? Было! Каков гусь, собиратель «мёртвых душ» Зюганов!

Он и ещё раз предаст: перед штурмом противника уведёт все-таки присоединившихся к нам многих коммунистов от Верховного Совета РСФСР. Все это знают - знают, что потому его и не арестовали, как Руцкого, Хасбулатова, а также Илью Константинова и других руководителей ФНС.

Я о роли Зюганова вспоминаю с дрожью.

Зюганов предложил нам компромисс: опять образовать два крыла в движении на базе уже не КПСС, а его КПРФ - одно, мол, крыло у нас будет из упёртых старых пенсионеров-«интернационалистов», практически «мёртвых душ», а другое из «Союза Русского Народа» - из вас «продвинутых» под черно-злато-белыми флагами, и вместе всей массой мы, мол, Ельцина сметём, а потом уже разберёмся, какую власть делать.

И мы, черно-злато-белые, сдуру клюнули.

А как не клюнуть? Преобладали ведь в руководящем ядре национального русского движения бывшие активные члены «Русской партии внутри КПСС», и мы по старинке и по брежневской инерции попались на зюгановскую удочку старых «двух крыльев». Мы опять

согласились на сосуществование с «интернационалистами», но на этот раз на роль «Русской партии внутри КПРФ». На правах отдельного черно-злато-белого движения. На поставляющую голоса избирателей зюгановскую КПРФ. Бред! Но мы на этот бред пошли, как зайцы в силки.

На съезде «Русского национального собора» в Колонном Зале Дома Союзов Геннадий Зюганов сидел в президиуме. Вот тогда и договорились. Какая гадость из всего этого вышла, какая жуткая ядовитая гадюка выползла, и не спрашивайте.

Запрещённый президентским указом «Фронт национального спасения» был не бог весть какая хорошо отлаженная организация. Единственное его неоспоримое достоинство, что в нём на дух не было ни одного еврея. А так: народу набилось много, а внутренняя дисциплина на уровне самодеятельности. Во главе был Кочегар - Илья Константинов - председатель политсовета «Фронта», депутат Верховного Совета, сам бывший профессор-экономист, в советское время за любовь к рынку в опалу попавший и вынужденный в ЖЭКе кочегарить; его за это Кочегаром и прозвали. Впрочем, тут и другой смысл был: Кочегар второй Октябрьской революции - так он, по крайней мере, сам о себе мнил. Как истый либерал, он не отказывал в приёме во «Фронт» никому. Говорил, давайте все вместе, общим собором заблудившегося в трёх соснах всенародно избранного скинем, а уж потом, чья возьмёт, будем делить. Первым заместителем Константинова был Михаил Астафьев - блестящий оратор, энергичный человек. Заместителем председателя - стал глава Союза «Христианское возрождение» Владимир Осипов. Была и ещё большая группа - около тридцати известных «говорливых» трибунов-депутатов. В политсовет Фронта национального спасения вошли представители всех наиболее заметных политических движений - кроме заядлых «дерьмократов», весьма в малом количестве, однако ещё державшихся за скомпрометированного экономическим крахом и развалом государства Ельцина. Фронт был очень широким по составу.

Но в политсовете ФНС красные с черно-злато-белыми вечно сцеплялись. Одни обратно в красную нищую «уравниловку», другие в чёрную имперскую сторону тянут. В одном только, что «всенародно избранный» в яму весь наш народ опустил и его убирать надо, все сходились. Так вот: Константинов, как мог, сцеплявшихся осаживал. Но страшно ему под ногами Чичиков-Зюганов мешался со своими «мёртвыми душами».

До расстрела Верховного Совета и в самом деле только кладбищенский смрад Чичиков вокруг себя распространял. Компартию РСФСР вне политической игры поставил. Даже в депутаты Верховного Совета, как я уже говорил, сам не попал. Это лидер-то! Но тогда в «перестройку» и гласность, когда, наконец, не один единственный сверху спущенный кандидат напечатан в бюллетене на выборах, а громадный список - выбирай, не хочу! - то в депутаты все больше за внешность и за сладкоречие выбирали. А у этого внешность Собакевича - будто топором рубленый и недотесаный. Обаяние отрицательное. К себе не располагает.

Приятности никакой. Телегеничность отвратительна. Карикатура краше. Говорить тоже не умеет - однообразно, на одной интонации рычит. Такому сразу из руководства партией уходит надо. Всей ведь партии лицо, а лицо дискредитированное. Но он уже, как клещ, в стул вцепился. Стал по другим движениям и общественным организациям бегать. С правыми националистами заигрывать.

На то, что он сам русский и, мол, за русских напирал. Что он за «Союз Русского Народа»! Хотя дальше общих слов никогда не шёл. В Союзе писателей РСФСР на Комсомольском, 13 себе явочную квартиру сделал. Ну, кое-как и перебивался. С хорошей миной при плохой игре. Хотя, если всерьёз, то мины-то никакой не было. Одно пятно расплывчато розовое с черно-злато-белыми пятнышками, вместо веснушек.

И не считайте, что я слишком жесток к коллеге по политсовету «Фронта». Политика - мир параллельный к обыденному, мир мистический и призрачный. В таком мире мало быть добропорядочным семьянином и даже обаятельнейшим во всех отношениях человеком, каким был тот же литературный Чичиков для гоголевских обывателей. В мире политики - взялся за гуж, не говори, что не дюж. Предатель Зюганов в душе? Или душой вовсе не предатель, а только заядлый конформист? Но какая для политики разница! Увёл своих коммунистов от Дома Советов, спасая им жизни? Для соглашателей прав, а для всех остальных - предал. Его сторонники утверждали: «Кутузов, сдав Москву, спас армию. Наш соглашатель, сдав страну, спас партию». Можно ведь и так вполне в красном духе тех большевиков, для которых своя страна была лишь опытным полем для их утопий, Зюганова оправдать: «Сдал страну, зато спас партию!»

Я говорил Константинову: «Чичиков нас использует и, не моргнув глазом, оставит одних в решающий момент противостояния «всенародно избранному». Красные не все убегут. «Вопилов»-Анпилов с «Трудовой Россией» в наш фронт формально не входит, но воевать вместе с нами останется. Наш член политсовета Станислав Терехов со своим «Союзом советских офицеров» не спасует. Многие из старых искренних коммунистов не дрогнут, пойдут до конца. Но они - народ. Те самые винтики и гаечки по сталинской терминологии. А этот функционер, аппаратчик. Этот уйдёт и не оглянется - мы для него всего лишь «попутчики», согласно большевистской терминологии, которых положено использовать и затем подставить».

Но Константинов как истинный прекраснодушный либерал упирался: «Как же? Он мне обещал - вместе до конца!» Потом сидел в одиночке, вместо Зюганова-Чичикова. Пожинал плоды своих диссидентских иллюзий.

Что же? У меня выходит, что проиграли мы противостояние возле Дома Советов только из-за предательства Зюганова? Нет, нет, упаси боже! Этого смертного греха я на него не повешу. Как предательство шалашного компаньона Зиновьева, не изменило победного исхода Первой октябрьской революции, так и наша Вторая октябрьская проиграла вовсе

не из-за конформистского поведения одного какого-то, кстати, на тот момент не слишком и влиятельного лидера. Для поражения были другие, гораздо более существенные причины.

А Зюганов-Чичиков, повторюсь, просто на трагедии Дома Советов расчистил для себя лично место под солнцем. И каким живучим оказался - чёртову дюжину, лет тринадцать, за нос оппозицию водил. Как Моисей после Египта. Одна разница - Моисей евреев по пустыне поводил, их души очистил и в землю обетованную вывел, а этот русских в болото полной аполитичности завёл.

Когда мы проиграли? А ещё накануне Второй октябрьской революции - и не в уличных боях и не при защите Дома Советов или штурме Останкина, а при свечах - в зале заседаний Верховного Совета РСФСР. Дом Советов уже отключён от воды и электричества. Вокруг него колючая проволока и тройное оцепление внутренних войск. Но нас это мало тревожило. Это входило в сценарий нашей победы. Силы наши уже были стянуты и были вне кольца внутренних войск. В самих внутренних войсках, в ОМОНах, спецназах и даже «Альфе» проведена работа. В милиции и Генштабе свои люди твёрдо обещали парализовать «президентский механизм» в День народного гнева.

Но смущал нас всех чеченец Хасбулатов, председательствовавший в Верховном Совете.

И правые, и левые, и красные, и белые, и даже сине-красно-белые - все мы на непрекращающихся митингах перед Белым Домом локоть к локтю были. Потому что, конечно, все хотели перемен. Но вот в какую сторону? Тут мы во взглядах расходились.

Ведь как ни крути, а выбор у нас оказался тупиковый: власть исподтишка, вместо дурного, но чем-то все-таки своего «царя Бориса», захватывал «большой чечен». Он в мятежном Верховном Совете председательствовал.

Он всенародное недовольство, чтобы придти, как Сталин-Джугашвили, к власти ловко использовал. Но Сталин ли он? Ясно, что этот мусульманин уж точно не православный Сталин. А вот что на Чечню повязан сильно - это несомненно. Выходило, что мы тащим страну и народ из огня да в полымя. Только ещё чечена у руля страны с его азиатским менталитетом и чингисхановскими замашками нам, русским, на свою голову не хватает.

Тут мы все разом и приостановились и затылки горестно почесали. Почто бунтуем? Решение было трудным, но единогласным: поставить опасный чеченский «кавказский» вопрос ребром.

В пятницу почти всем составом политсовета «Фронта» мы заняли ложу прессы. Наши депутаты в зале. Почти с каждым заранее деликатно посоветовались, заранее обговорили.

Поднялся на трибуну академик Вениамин Соколов, председатель Палаты республики Верховного Совета, второе лицо в Верховном Совете,

а по авторитету среди депутатов первое. Он должен был озвучить народный ультиматум. Вслед за ним - Сергей Бабурин, другие авторитетные русские люди. В корректных интеллигентно выверенных выражениях они объяснили, что политический нарыв созрел и не сегодня-завтра должен лопнуть. Восставший народ, миллионными толпами выйдя на улицы, сметёт не оправдавшего доверия «всенародно избранного» и реально передаст всю полноту власти Верховному Совету. Нужен только последний штрих. Палата республики считает, что во главе Верховного Совета к этому моменту должен быть русский человек. От стержневой, державообразующей нации. Мы просим согласия на это со стороны Палаты национальностей.

Положение, как в Отечественной войне. Нет, никто другие национальности не собирается в задний ряд отодвигать - мы интернационалисты. Никто не против кавказцев.

И русские и другие народы России всегда прекрасно уживались с Кавказом. Однако верховная власть - дело щепетильное. И в стране, где большинство русских, все-таки лучше её доверить русскому, а кавказца сделать почётным замом. Русский тут нужен как символ! Как гарантия от азиатско-кавказских, чингисхановских, всеми ещё с ужасом вспоминаемых сталинских репрессий. На Кавказе полно просвещённых людей, но все ещё кое-где сильны и терроризм и менталитет феодального варварства. Понимаете, 37-й год все-таки был. От него не открестишься. Люди его помнят и боятся кавказской жестокости. Наш председатель Хасбулатов должен это понять. Он во главе Верховного Совета много сделал для борьбы оппозиции с неуправляемым «царём Борисом». Но в интересах нашей общей победы должен уступить сейчас свой символический пост русскому. Представителю подавляющего большинства восставшего народа. Вопрос этот очень, очень деликатный.

Но Хасбулатов сам должен все понимать. Слишком многое поставлено на карту, чтобы играть в показной большевистский интернационализм.

Соколов и его коллеги говорили долго, аккуратно и, казалось, всех убедили.

Да все и было заранее подготовлено к такому последнему штриху. Все заранее сошлись, депутатам заранее растолковали, что ударную силу обороны Дома Советов и, главное, тех, кто выйдут на улицу, составляют красные советские и черно-злато-белые флаги. С черно-злато-белыми флагами все понятно. Империя! Возрождение могущественной России. А главное - прекрасное воспоминание о «Союзе Русского Народа». О его бесстрашных русских «чёрных сотнях»! «Славянский собор» как гордый преемник знаменитого «Союза Русского Народа», разгромившего в 1905 году первую революцию «жидовствующих». Вас пугают красные флаги? Но красные флаги - вовсе не прерогатива большевиков, а тем более хилых зюгановцев. Это знаковый цвет Империи Советов. А Советская Империя - кто против? Но ни в коем случае не допустим реставрации единовластия прогнившего Меченосного Ордена, провонявшего большевизмом. Поэтому над зданием мятежного Верховного Совета рядом с красным флагом

Советов у нас реет гордый черно-злато-белый «черносотенный» имперский флаг России, и сейчас в решающий момент русский человек должен стать во главе Верховного Совета.

Все вроде были согласны, и оставалось только проголосовать.

Но, как взорвавшаяся шутиха, вдруг выскочил на трибуну «промежуточный человек» Руцкой:

- Коней на переправе не меняют!..

Мы всегда считали Лётчика своим человеком. Признаюсь, когда создавали «Отечество» на первом общем собрании в клубе газеты «Правда», я даже хотел предложить его в председатели. Вовремя одумался, заикнулся и собравшимся предложил Профессора - Апполона Кузьмина, а Лётчика - «только» первым замом. Для вывески - все-таки Герой России. В плену у моджахедов был. Тогда в нашего Господа и уверовал. Истый православный. Мамочка вроде еврейка. Но поверим ему. Мы его, повторюсь, и к «всенародно избранному» в вице-президенты подсунули - от патриотов. «Всенародно избранный» хотел непременно победить с гарантией, а значит, нуждался в патриотическом электорате. Демократы из окружения «всенародно избранного» страшно в свой круг Лётчика допускать не хотели. Но мы их на том, что он «промежуточный человек», то есть немножко и с «ихней» кровью, купили. Значит, мол, уж точно не «русский фашист» по терминологии какого-нибудь иудея Черкизова. Хотя кто его знает? Да про самого Адольфа, про его скрытое иудейское происхождение всякое болтали. Как бы то ни было, наша бомба сработала, Лётчик своё дело чётко сделал. Худо-бедно, а с мешком «компромата» на самих олигархов, став во главе государственной комиссии по борьбе с коррупцией, вылез на трибуну. Ельцин, спасая олигархов, даже вынужден был его убрать - от своего собственного вице-призидента отказался.

Но вот тут Руцкой побоялся принять весь бунт на себя. Побоялся, что не справится. Да, видимо, и «примесь» в нём свербила. А вдруг вслед за «большим чеченом» и его тихонько за «промежуточность» уберут. Чистые «черносотенцы» - «баркашовцы» восторжествуют.

«Лётчик» ораторствовал долго и истерично. И видно было по нему, что он бесконечно трусит, что ещё автомат в руки не взял, но уже полные штаны наложил. Что подведёт он таки нас под «большого чечена».

А Хасбулатов, было, уже почти смирившийся с тем, что надо ради дела уйти в тень, ожил. Уйти отказался.

Гробовая тишина нависла в зале. Свечи освещали удлинившиеся, сумеречные тени депутатов. И огромная тень Сталина-Джугашвили из 37-го года недвижно, как призрак, нависла над залом.

В этот момент мы проиграли!

Дальше все катилось по инерции. Все было подготовлено, и День народного гнева мы уже не могли перенести. Но внутренне мы уже все знали, что «всенародно избранного» только приструним, а под «большого

чечена» - из огня да в полымя! - дудки-с, ни за что не пойдём. Побузим, острастку «царю Борису» дадим, всему обществу политическую силу русского гнева продемонстрируем. Но и только - чеченцу власть над всеми нами своими руками не передадим. Второго великого кавказца да ещё чечена на шею нам, русским, не надо!

5. Расстрелянный и сожжённый Верховный Совет

Согласно теории катастроф есть понятие критической массы, когда никакой ОМОН (свезённый со всей страны после предательского сигнала Зюганова!) уже не в силах сдержать толпу. В воскресенье 3-го октября с утра, казалось, весь город высыпал на улицу. День был прекрасный, тёплый. Вдоль Садового кольца, по которому было назначено шествие, народ стоял сплошной стеной, флагов пока не было, их держали наготове, но свёрнутыми, чтобы не дразнить заранее гусей. А народу все прибывало и прибывало. Такого людского потока ещё никогда не было. Было ясно: покатится девятый вал, накроет с головой ОМОН и все сметёт.

Мы приехали вместе с ответственным секретарём «Союза Русского Народа», извиняюсь, «Славянского собора» Ларисой Андреевной Захаровой, моторной женщиной, смелой и прекрасным организатором - на Смоленскую площадь. Наши ребята уже стояли наготове. Накануне в субботу здесь была репетиция, стычка с ОМОНом обошлась без жертв. Теперь ОМОН жался в проулке возле метро. Мы выскочили на проезжую часть, пробуя перекрыть движение. Машины сразу встали, словно были заранее готовы к людской пробке. Но со стороны ОМОНа начали постреливать, в воздух. Атмосфера была раскалена до предела. Мы ушли с проезжей части. Было ещё не время.

Сели в троллейбус, проехали до Зубовской площади. Здесь тоже были наши парни и жался в проулке ОМОН. Таже стена народу. Таже молчаливая, приглушённая наэлектризованность на все готовой толпы.

Так, вылезая на каждой остановке и проверяя готовность, мы с Ларисой Андреевной добрались до Октябрьской площади.

Пора было начинать Шествие гнева. Но народ все прибывал и прибывал. Вскоре уже само человеческое море разлилось на проезжую часть, запрудило все Садовое кольцо - и на Октябрьской, и перед парком Горького и дальше за мостом в сторону Зубовской было сплошное море людей. Только на самом мосту, перегораживая его проезжую часть, стоял островок ОМОНа со щитами и дубинками. Очень неудобно стоял - на виду. Стрелять - разорвут, скинут в реку. Их как-то само собой и скинули с моста, отобрав щиты и дубинки. Впрочем, они и не шибко сопротивлялись. Дали себя разоружить. Им «всенародно избранный» был уже тоже поперёк горла. Они, когда с работы приходят домой, - такие же люди, такую же всеобщую разруху вокруг себя видят.

Флаги развернули все разом - красные, «черносотенные» черно-злато-белые, православные хоругви и иконы, бело-сине-красные флаги.

Последних было немало. Многие демократические организации присоединились в общему шествию протеста.

Всем здравомыслящим людям «царь Борис» был поперёк горла. В толпе черно шутили: «Самозваный царь Борис Годунов раскаялся, младенца зарезанного перед собой видел. - Этот не увидит, этот по-нашему, по-русски зенки зальёт, - а мы будем с голоду дохнуть в разваливающейся стране. Вот наградил нас аспидом Господь!»

Девятый вал повалил по Садовому в сторону Дома Советов - освобождать заложников-депутатов. Омоновцы бежали, бросая машины. На Смоленской была последняя стычка - смели заслон вполне профессионально. Когда мы повернули с Садового к Белому Дому, я шёл в первом ряду - рядом с нашими крепкими русскими парнями и крупным фактурным евреем с красивой чёрной вьющейся бородой и в чёрной хасидской шляпе. Мне он сказал, что он из свободных демократов, из партии мадам Новодворской, но дома вот не усидел: «царь Борис», мол, всех достал и тут, мол, несмотря на наши партийные разногласия, - дело общее, надо чистить авгиевы конюшни.

Мы шли, а он все повторял: «От художеств «царя Бориса» и, главное, от тоскливой нищей жизни, что он подавляющему большинству народа, вместо освобождения, принёс, все одинаково устали. Обещал привилегии отменить - не отменил. Собственность народную бездумно и бесчестно, кому попало, раздал, кто ухватил тот и пан, а остальных - девяносто процентов в нищие.

Страну развалил: «Берите суверенитета, сколько проглотите!» Обещал на рельсы лечь, если жизнь не наладится, - не лёг. Какая ж тут свободная демократия? Тут катастрофа! Вот потому мы все вместе протестуем!»

Мы размашисто шагали, почти бежали. Впереди замаячило оцепление вокруг Белого Дома. Но из оцепления не стреляли. Стрелять начали с крыши мэрии, что рядом, почти вплотную с Белым Домом. Еврей упал. Потом у нас болтали, что якобы Кремль специально выписал группу снайперов из Израиля и рассадил на крышах вокруг Белого Дома. Странно: что же они не видели, что достают своего? Или своему ослушнику первому пуля?

Я подал еврею руку, он поднялся, его лишь, сбив шляпу, кроваво царапнуло.

Я закричал:

- Вперёд! В мёртвую зону от выстрелов.

Прижимаемся к зданию мэрии.

Мы побежали, что есть силы, и всей полуобезумевшей толпой, разбив стёкла, вломились на первый этаж мэрии. Толпа хлынула вверх на её этажи, выламывая двери, разбивая и ломая все подряд.

А с Садового кольца вал за валом валил и валил народ.

Оцепление вокруг Дома Советов побежало. В проходе между мэрией и Домом Советов стояли их машины, военные шофёры разбегались, оставив ключи зажигания. Машины захватывали, разворачивали:

- Едем брать «тель-авидение».

- Разворошим Гнездо Зла!

- Возьмём московский Тель-Авив!

- В Останкино! В Останкино!

- Народ, грузись в машины - поедем продажное тель-авидение *censored*ть!

Приказов не было - была разбушевавшаяся святая стихия. Наши люди разве что чуть-чуть её направляли, в нужные моменты оказываясь впереди и ведя толпу за собой.

Я прошёл в Белый Дом, поднялся на внутренний балкон, выходивший во двор. На балконе стояли Руцкой, Константинов и Макашов. Генерал Макашов все время делал какие-то распоряжения. Константинов вёл непрерывный митинг, выступая перед защитниками Дома Советов, толпившимися во дворе.

Я подошёл к Макашову, громко на весь балкон отрапортовал:

- Мой генерал! Задача выполнена! Блокада прорвана. Оцепления вокруг Белого Дома больше не существует. Разбежались. Попутно, мы не удержались и со страха, когда начали по нам стрелять, взяли с ходу мэрию. Там сейчас творится чёрт знает что.

Стоявший рядом Руцкой засуетился:

- РНЕ? Где РНЕ? Скажите, что я приказал зачистить мэрию. Надо соблюдать порядок. Пусть наведут там порядок. Никаких бесчинств.

«Русское национальное единство» было единственной реальной военной силой, подчинявшейся не «Фронту национального спасения», не его «командарму» генералу Макашову, а непосредственно Хасбулатову и Руцкому.

Мы Баркашова в «Соборе» отговаривали от опрометчивого шага завязываться на «большого чечена». Но Хасбулатов для РНЕ особняк во дворе Дома Советов предоставил, и наш Ефрейтор (так мы его звали за симпатии к Гитлеру) поплыл. А тут ему ещё Указом Верховного Совета звание полковника присвоили.

Ефрейтору-полковнику крикнули с балкона приказ Руцкого, и он отправился со своими чернорубашечниками чистить мэрию.

Макашов сказал Лётчику:

- А толпа? Чем занять толпу? Может быть, выступишь?

Руцкой молчал. Макашов приказал мне:

- Гони сам в Останкино. Я сейчас приеду с «афганцами». А толпу? Что

с толпой? Беги - разворачивай с Садового кольца прямо в Останкино. Тут и так народу хватает. «Оборона - смерть вооружённого восстания!» Действовать, действовать.

Я ответил:

- Захваченные у спецназа и внутренних войск машины уже пошли на Останкино. Каждая битком набита народом. Большая колонна. Едут через город с революционными песнями под красными и черно-злато-белыми знамёнами. Все развивается стихийно, мой генерал. Стихия сама разворачивается, её только чуть-чуть направить. В Останкине наши люди уже ждут, двери откроют. На охране Останкина сейчас всего 37 автоматов. Правда, они вызвали подкрепление. Ну, прибудет ещё милиционеров двести. Наших будет больше и наши опытнее: «Днестр», афганцы, понюхавшие пороху. Но надо спешить - спецназ «Витязь» колеблется. Он расписан двигаться на Останкино в случае ЧП. Командир там не наш.

К Макашову подошёл офицер, козырнул, что-то зашептал на ухо.

Макашов жёстко повернулся к Руцкому:

- «Всенародноизбранный» пропал. Отсиживается на даче. Ни слуху, ни духу не подаёт. Из Генштаба, доложили, что тебя ждут. Надо принимать власть. Поезжай вместе с приднестровским отрядом.

- А если там западня?

- Когда восстание, то «если» не бывает. Приднестровцы тебя в обиду не дадут.

- Нет, нет, у нас не восстание. Я всенародноизбранный вице-президент и законно теперь вступил в должность президента после импичмента «царю Борису». Мы не штурмуем ни Кремль, ни резиденцию президентского аппарата на Старой площади, не занимаем банки. Все мы делаем только по закону. Мы не взяли в руки оружия!

- Это-то и ужасно-глупо. Сейчас «Царь Борис» растерялся, но завтра, если мы силой не возьмём власть сегодня, он просто хорошо, очень хорошо - банки ему деньги громадные дадут! - заплатит. Он выдаст внеочередную зарплату милиции, спецназу, армейским частям, и тех пригонят сюда. И из их массы, молча нам сочувствующей, всегда найдётся кучка сволочей, которые за хорошие деньги будут палить по нам... Ладно, опять этот наш постоянный либеральный спор?! Ты поедешь в Генштаб?

- Нет, поезжай ты, а я буду до конца руководить отсюда, из Дома Советов.

- Там уже один наш генерал есть. Столько же звёзд, сколько у меня, на погонах. Но кто мы? Только генералы. Ты, а не мы, генералы, официально утверждён Верховным Советом на президентство, вместо «царя Бориса». Понимаешь, хоть нам и сочувствуют, армия пока и пальцем не пошевелила, не двигается даже «Альфа». Но они живые люди. Им нужны гарантии. Они должны видеть нашу решимость.

- Категорически не поеду. Там может быть западня. Я - лётчик, и меня армейские генералы всегда недолюбливали. Считают выскочкой, продавшимся демократом. Они же все в душе советские, верны присяге. Они даже мою Золотую Звезду не оценили.

- Ты что, и на телевидение перед страной выступать не поедешь? Через два, максимум три часа мы возьмём Останкино.

- Нет, на телевидение поедешь ты и ещё Константинов. Он руководитель «Фронта национального спасения». Ему и карты в руки.

Лучше бы я не присутствовал при этой жалкой беседе. Руцкой опять праздновал труса.

У нас было максимум три часа, пока люди определяются и пока в стране полный паралич власти.

Да, Ельцин все ещё на своей даче, все ещё в шоке. Но он же очухается. У него в отличие от Руцкого есть характер. Он будет действовать. А люди колеблются, и чашу весов перетянет не тот, кто ждёт, что власть ему сама упадёт с неба, как перезревшая груша, а кто власти очень-очень хочет.

Я спустился с балкона во двор. Обнимался с заросшими щетиной, как бойцы Фиделя Кастро, защитниками Дома Советов. Несколько дней они были отрезаны от мира. Ночью грелись у костров, сменяя друг друга в охранении. Вооружения у них почти не было. Вилы и топоры, как в народной войне.

- С победой!

- С победой!

Мы целовались. Лица у них были счастливые. А я думал о тех на балконе, которые их практически уже предали.

Подошёл сопредседатель «Славянского собора» и его неизменный лидер Станислав Карпов. Крепкий красивый блондин с открытым русским лицом и обаятельной широкой улыбкой, он оказался прирождённым собирателем русских душ - от Бога. И стал душой и сердцем «Славянского собора».

Сумел объединить рабочих и видных писателей, маститых академиков, рядовых православных подвижников и епископов, ветеранов Отечественной войны, солдат и генералов. Мотался по городам России и по братским республикам, в славянские страны, сражался в Югославии и других горячих точках. Вырос в прекрасного оратора, а как организатору цены ему не было.

- Ну, что, Стас, туго пришлось? Наших балбесов по постам расставлять, небось, труднее, чем сербов?

- Да ничего! Оружия мало! Запас новёхоньких автоматов в Доме Советов лежит большой. Но Руцкой не разрешает его использовать.

- Руцкой не сегодня-завтра нас сдаст.

- Типун тебе на язык. Хотя. Хотя мы тут, когда ночью у костров сидели, тоже всякое думали.

- Боюсь, что за кулисой уже договорились. Все уже очень на специально разыгрываемый театр для нас, дураков, смахивает. Чтобы советскую власть в стране окончательно прикрыть, «им» надо Советы депутатов трудящихся разогнать. Царскую думу восстановить.

- Ну, ты Думу не хай! У нас в Соборе ведь всем вершит дума Собора - исконное русское учреждение Дума.

- Вот они тебе Государственную Думу и подкинут, чтобы ты наживку проглотил.

- Неужели все так плохо?

- Хуже некуда. Вот тебе самая свежая информация. Руцкой ехать с нами брать телевидение отказался. Посылает генерала Макашова и Кочегара. А мы договаривались с русскими ребятами на телевидении, что двери откроют именно Руцкому. Как новому законному Президенту! План летит. Кровь сегодня в Останкино почти неизбежна. А завтра кровь и здесь, в Доме Советов. Завтра - рабочий день. Второй раз критическую массу восставшего народа мы на улицы уже не поднимем. Так что, как оценишь обстановку и поймёшь, что проигрываем, что Дом Советов вот-вот падёт, выводи наших через подземные коллекторы. Особенно РНЕ. Их выводи в первую очередь. Их не пощадят.

- Ефрейтор закусил удила, он же теперь полковник! Я с ним замучился.

- Скажи ему от меня, что точно известно, что в Свято-Даниловом монастыре на переговорах о примирении под эгидой Патриарха за кулисой Кремль, уговаривая «большого чечена» смириться, пообещал: суда не будет - почётно арестуют, подержат в Лефортово и будут тянут следствие до взаимной амнистии и провозглашения всеобщего мира и согласия. В Кремле лучше нашего понимают, что идти на открытый суд - это дать трибуну для оппонентов и проиграть с треском ближайшие выборы. А крайними сделают чернорубашечников из «Русского национального единства»: мол, русские фашисты и их чёрный ефрейтер-полковник всех других смутили. Уж это-то иудеи Черкизовы и Сванидзе на «тель-авидении» раскрутят. Поэтому не себя Баркашов должен спасать и даже не своих молодых ребят, а идею. РНЕ, как вы почувствуете, что Руцкой сдаётся, сразу выводите через коллекторы на конспиративные квартиры. Ни в коем случае не выходить с поднятыми руками - чернорубашечников всех расстреляют на месте, даже девушек.

Я попрощался со Стасом, как прощаются перед последним решающим боем. Вышел со двора Дома Советов на улицу. Вокруг бушевало людское море. Садовое кольцо было по-прежнему под завязку залито народом. Гудя, проезжали сквозь толпу, грузовики, с которых махали красными и черно-злато-белыми флагами. Везли восставший народ брать Останкино.

Когда я приехал в Останкино, площадь между двумя зданиями

телевидения - техническим центром, что возле Башни, и громадным административным корпусом напротив - была полна народу. Знамёна красные и черно-злато-белые, православные хоругви, иконы, кресты в руках. Привалило и немало «демократов», они жались отдельной кучей под бело-сине-красными флагами. Но столкновений в толпе не было. Баркашов выстраивал своих бойцов из «Русского национального единства» в две шеренги перед длиннющим фасадом Административного корпуса. Сотни четыре молодых ребят и девушек, все в чёрной форме с новенькими автоматами. Таки выдал оружие Лётчик!

- Чего ты их на выглазку выстроил?

- Для демонстрации силы.

- Брать-то надо технический центр. Там кнопки, отключающие вещание.

- Знаю. Но генерал Макашов приказал тут перед административным корпусом пошуметь, чтобы силы противника сюда отвлечь.

- Наших ребят, значит, как пушечное мясо.

- Да нет, он сказал, что перед самым-самым он меня заберёт. Он молодых необстрелянных ребят в бой бросать не будет. Мы только демонстрируем.

- Ну, демонстрируй-демонстрируй. Ты так и рвёшься, чтобы на нас, националистов, потом всех собак повесили.

Подъехали Макашов и Константинов. Из машин скрытно, прячась за толпу со знамёнами, выгружались приднестровцы и «афганцы» с автоматами, пулемётами и гранатомётами.

Макашов и Константинов подошли к дверям административного корпуса - с правой стороны, как было договорено. Им открыли. Но они топтались у входа, вели какие-то переговоры, почему-то не входили. Я пожалел, что я не с ними. Не хотел засвечиваться. А эти теперь мялись. Уступали друг другу, кто первый войдёт. Их вовсю снимали иностранные корреспонденты. Но это им и нравилось. А пока они мялись, их встречавшие, видимо, разобрались, что нового законного президента Руцкого в прибывшей делегации нет, и двери захлопнулись. Я-то бы сразу вошёл. Сколько лет на телевидении проработал. Привычно. «Ну, вот теперь придётся гранатомёты пускать в бой», - я нещадно корил себя. Теперь вариант «Б» - штурм и отключение телевещания - уже стал неизбежен.

Начали передислокацию на технический центр. Обложили по всему периметру, готовясь проломить гранатомётами двери и стены. Но надо было как-то оттянуть толпу, чтобы можно было применить гранатомёты.

Быстро темнело. Макашов и Константинов, демонстративно попрощавшись у всех на виду, уехали в Дом Советов, демонстративно забрав с собой Баркашова и его ребят из «Русского национального единства». Они нам уже не были нужны, мы собирались воевать, а не

демонстрировать. Тут нужны только крепко понюхавшие пороху.

Со стороны ВДНХ появились, светя ярко-жёлтыми прожекторами, три бронетранспортёра «Витязя» под красными флагами. Толпа охнула: «Наши! Помощь пришла!» Но «помощь» ударила по толпе из пулемётов. Бронетранспортёры беспорядочно стреляли во все стороны - первые пули попали в толпу «демократов» под бело-сине-красными флагами, потом по стёклам обоих зданий ТВ, потом по красным и черно-злато-белым флагам, по иконам, хоругвям и крестам. Бронетранспортёры на большой скорости промчались через площадь и скрылись.

Разом по периметру здания, проламывая двери и стены, ударили гранатомёты. Толпа ворвалась в технический центр. Мы были уже на четвёртом этаже, с нами были русские инженеры с ТВ.

На голубом экране крутили трогательную и вещую песню композитора Леонида Тимошенко на слова поэта Валерия Хатюшина «Две жизни»:

Две смерти - не найдёшь,

Две жизни - проглядишь,

В одной из них - бредёшь,

В другой - летишь!..

Мы дослушали песню. Странно, но уже тогда у нас было ощущение, что эта песня разорвала две эпохи. Кончилось советское время и начинается какое-то неведомое новое.

Кнопка щёлкнула. Телевещание на страну прекратилось. «Гадина замолчала!» - кричали в толпе. Мы могли включить кнопку и выйти в оперативную студию. Но надо ли было? Дело сделано. Весь мир увидел, что останкинский наркотический шприц обломан. А передавать власть чечену Хасбулатову, таскать ему каштаны из огня желания у нас не было никакого. Да и кто будет выступать? От чьего имени? Я пожалел, что не взял с собой Станислава Карпова. Он бы сумел выступить от «Союза Русского Народа», опять извиняюсь, от «Славянского собора». Молодое красивое, открытое русское лицо! Призыв после Смутного времени собраться всем сословиям на Собор всего русского народа! Какая идея!

Я смотрел через разбитое окно на улицу. Через всю площадь, переливаясь цветными огнями, как в праздничный салют, летели трассирующие очереди. Стреляли из здания в здание. Кто в кого уже не разобрать.

Я спустился на первый этаж, выполз на площадь. Полз между трупами по лужам крови. «Гадина замолчала!» Вся страна, весь мир узнал о Второй октябрьской революции в России. Задача была выполнена. Теперь «царь Борис» может сколько угодно кричать, что он всенародно избранный. Но против всенародноизбранного не восстаёт собственный народ. Не льётся кровь при демократической власти.

А сколько ещё будет юродствовать этот учинитель русской смуты -

новый «Борис Годунов» на залитом кровью престоле, - это уже решать провидению. Я был абсолютно уверен: долго не протянет - свои же уберут, поставят более толерантного.

Спаси нас Бог и верни нам Имперскую Идею, на которой Россия сформировалась как духовная общность многих народов, занимающих евразийское пространство и сумевших выжить и превратиться в великое государство благодаря русскому народу-объединителю! Мы, русские, никогда не думали только о себе. Всегда о себе только с младшими братьями - вместе с другими народами России! Сталин при всех его грехах это понял.

А потому и выиграл Отечественную войну и смог создать великую Советскую Империю. Горбачёв и Ельцин Империю сдали. Выродилась при них Империя, превратилась в жалкую Московию, в которой все надо начинать сначала.

А «царь Борис» с сегодняшнего дня, как Борис Годунов Второй, - живой мертвец на троне. Исторически над ним сегодня уже совершён приговор - его публичное аутодафе уже состоялось, голова его отсечена народным палачом, валяется на плахе.

Так думал я тогда, лёжа на площади в крови под свистящими пулями. Наивно. Но что было ещё думать? Как оправдать себя?!

Переползая площадь, я сам не заметил, как оказался среди «демократов». Кто-то дёрнул меня за ногу. Рядом с лужей крови, глазами в небо, лежал тот мужик-еврей от Новодворской, с которым мы шагали в колонне демонстрантов, прорвавшихся к Верховному Совету. Глаза у него были остановившиеся.

- Вот мы и встретились, как на Голанских высотах!

4 октября 1994 года все утро операторы западных телеканалов расставляли свои камеры на крышах и на балконах прилегающих к Белому Дому зданий. Телесеть CNN наладила прямую трансляцию картинки Верховного Совета России на весь мир. Запад был предупреждён и жадно готовился смотреть чёрный театр абсурда из варварской России.

На мост через Москву-реку выползли танки. Жерла разворачивались, целясь прямой наводкой бить по Дому Советов.

На баррикады перед Домом Советов вышел весь в чёрном православный исихаст отец Виктор. Он воздел руки к Господу, потрясая большим золотым православным крестом. Очередь из БТР сняла священника. Он замертво упал, заливаясь кровью.

13 ноября 1993 года над Красной Пресней многие люди были свидетелями видения в небесах образа Пресвятой Богородицы. Мы пришли на руины сгоревшего Дома Советов на «сороковины» - скорбно почтить память наших погибших. Наше настроение тогда лучше всех выразил «поэт-однополчанин» Валерий Хатюшин:

Стояли с непокрытой головой
Под высотой небесного знаменья.
Ребят погибших день сороковой
Совпал с моим печальным днём рожденья.
Сгоревший Дом - как траурная тень...
Он был ушедшим, им уже не виден.
На красной Пресне в этот скорбный день
Со всеми плакал я на панихиде.
Их назывались Богу имена,
И хор церковный повторял молитву.
Я знал: на небесах идёт война,
И вслед за ними - мы пойдём на битву.